К 45 4/57
95 4/57
№ 49562
XV — № 352
I 1/61

За родину!

(КАРТИНЫ ВОЙНЫ.)

СОБРАЛЪ И СОСТАВИЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
Ник. КАРИНЦЕВЪ.

20% съ номинальной цѣны настоящаго изданія поступаютъ въ распоряженіе Московскаго Городского общественнаго управленія въ пользу дѣтей раненыхъ и убитыхъ воиновъ.

Изданіе А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
Петроградъ, Итальянская, 29.
1915.

НЕ ВЫДАЕТСЯ

ВЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВѢ

А. С. Панафидиной,

МОСКВА, Лялинъ переулокъ, собств. домъ, **тел. 32-87,**
ПЕТРОГРАДЪ, Итальянская, 29, **тел. 44-76,**

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ТОМАСЪ МОРЪ. **Ник. Каринцевъ.**

Очеркъ для дѣтей и юношества. Съ рисунками. Цѣна 5 коп.

СТЕКОЛЬЩИКЪ ПАЛИССИ. **Ник. Каринцевъ.**

(Крестьянинъ-художникъ.)

Очеркъ для дѣтей и юношества. Съ рисунками. Цѣна 5 коп.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДѢТИ. **Ник. Каринцевъ.**

Очерки, разсказы и преданія о дѣтяхъ, имена которыхъ исторія запечатлѣла на своихъ страницахъ. Съ рисунками.
Цѣна 1 руб., въ папкѣ — 1 р. 25 к., въ переплетѣ — 1 р. 50 к.

РАННЕЮ ВЕСНОЮ. **А. В. Кругловъ.**

Разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Съ рисунками художника **В. В. Спасскаго.** Цѣна 80 коп., въ папкѣ — 1 руб.

Содержаніе книги: Маленькій исповѣдникъ. — Животныя говорятъ. — Божье вино. — Песокъ движется. — Зеленыя книжки.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

КАКЪ ОТДЫХАЛЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ. **А. В. Кругловъ.**

Современная быль. Цѣна 50 коп.

К95 4/57

ЗА РОДИНУ!

(КАРТИНЫ ВОЙНЫ.)

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ, СОБРАННЫЕ ПО РАЗСКАЗАМЪ И ОПИСАНІЯМЪ УЧАСТНИКОВЪ СРАЖЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Подъ огнемъ. — Наши герои. — Подъ „Краснымъ Крестомъ". — Въ завоеванномъ краю.

Цѣна 75 коп.

СОБРАЛЪ И СОСТАВИЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
Ник. КАРИНЦЕВЪ.

Съ рисунками.

20% съ номинальной цѣны настоящаго изданія поступаютъ въ распоряженіе Московскаго Городского общественнаго управленія въ пользу дѣтей раненыхъ и убитыхъ воиновъ.

Изданіе А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
Петроградъ, Итальянская, 29.
1915.

БИБЛІОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 18103
9 XI 1931 г.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Вознесенка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Его Императорское Величество

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Самодержецъ Всероссійскій.

Его Императорское Высочество
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
Верховный Главнокомандующій.

Предисловіе.

Идетъ великая борьба... Борьба за правду, миръ и справедливость. Безчисленныя полчища австрійскихъ и германскихъ войскъ двинулись на западъ и востокъ въ надеждѣ подчинить себѣ всѣ культурные народы Европы.

Сначала бросившись на небольшую Сербію, а затѣмъ и на беззащитную Бельгію, нѣмцы вооружили противъ себя всѣ великія державы Европы, и Россія, а за нею Франція и Англія, вынужденныя къ тому дерзкимъ врагомъ, вынули мечъ изъ ноженъ.

Много тяжелыхъ жертвъ придется принести всѣмъ и прежде всего намъ, русскимъ, на алтарь отечества, много жертвъ уже принесено, ибо не легка борьба съ врагомъ, который почти 50 лѣтъ тайкомъ точилъ противъ насъ и нашихъ союзниковъ свой мечъ.

Пусть же наше юношество знаетъ, какъ велики тѣ жертвы, которыя сейчасъ приноситъ народъ для лучшаго будущаго юныхъ поколѣній, пусть оно знаетъ, съ какимъ геройствомъ и съ какой храбростью идутъ

русскіе всѣ, безъ различія, богатые и бѣдные, простые и знатные, на защиту отечества и всего міра, какъ они терпятъ всѣ тяжести походной жизни, жестокихъ битвъ и отдаютъ свою жизнь въ свѣтломъ сознаніи, что умираютъ за родину!

Въ настоящемъ сборникѣ читатели познакомятся со всѣмъ тѣмъ, что въ дѣйствительности пришлось испытать русскому воинству въ его трудной и святой жизни на полѣ брани, въ окопахъ, въ пылу сраженія и въ госпиталяхъ, подъ ножомъ врача и подъ любящимъ взоромъ сестры милосердія.

Книга эта — не выдумка: въ ея основаніе легли подлинные разсказы очевидцевъ, раненыхъ офицеровъ и солдатъ, напечатанные въ разныхъ газетахъ и журналахъ, и составитель воспользовался ими, чтобы дать возможно полное описаніе того, чѣмъ полны всѣ сердца, къ чему устремлены мысли всѣхъ русскихъ отъ мала до велика.

И если нашему юношеству не суждено принять участіе въ этой великой борьбѣ, то пусть оно хоть знаетъ, какъ беззавѣтно другіе, ихъ старшіе братья, исполняютъ свой священный долгъ.

Составитель.

ПОДЪ ОГНЕМЪ.

I.

Въ походъ!

— Дай Богъ въ добрый часъ! Прощайте! До свиданія! Скорѣе возвращайтесь побѣдителями! — слышались милыя привѣтствія родныхъ и друзей, когда поѣздъ медленно тронулся по дорогѣ туда, гдѣ идетъ великая борьба съ тевтономъ и швабомъ.

И хотѣлось не одному изъ уходящихъ крикнуть: «Если бы вы знали, какъ счастливы мы, солдаты и офицеры русской арміи: не бойтесь за насъ: мы идемъ на свой постъ, какъ часовые, чтобы не подпустить къ нему врага. Не печальтесь и вѣрьте нашему настроенію! ѣдемъ съ радостью! Пусть она обниметъ васъ всѣхъ, какъ обняла насъ. На душѣ легко, свѣтло, праздничнo... не допускайте и мысли, что нами не все взвѣшено, не все обдумано: мы знаемъ, что война не увеселительная экскурсія, — потому и лица наши серьезно-праздничны... Не тушите же въ насъ этотъ духъ бодрости, не вселяйте унынія за васъ, нашихъ близкихъ, — и война быстро кончится! О, съ такимъ настроеніемъ можно дѣлать чудеса! И вѣрьте, если судьбѣ угодно надъ кѣмъ-либо изъ насъ поставить деревянный крестъ, послѣднія мысли застынутъ надъ

Тѣмъ, Кто собираетъ великую Русь, Кто освобождаетъ подъяремныхъ братьевъ, Кто двинулъ Свои полки только изъ-за мира! Прощайте же, друзья!»

Но... колеса загромыхали, вагоны задрожали, и мрачный по виду Петроградъ сталъ уплывать въ туманной и сѣрой дали.

Въ вагонѣ разговоръ, конечно, только о войнѣ. Сидятъ — молодой прапорщикъ, рядомъ два студента-добровольца.

— Простите за откровенность, — говоритъ прапорщикъ, — я все боюсь, что скоро война кончится... Читаешь газеты, и на душѣ такъ больно, что не придется участвовать въ этой войнѣ... Стыдно не радоваться нашимъ успѣхамъ — самъ ловлю себя на этомъ, но развѣ справишься вотъ съ этимъ? — показалъ онъ на сердце. — Мысли, душа, ну весь какъ есть только и живешь войною!.. Поскорѣе бы туда!.. Я не хочу славы, чиновъ, орденовъ и не это толкаетъ меня въ армію: я патріотъ, я молодъ, здоровъ, а такимъ мѣсто тамъ!..

Не успѣлъ онъ еще закончить, какъ къ нему подходитъ молодой парень на видъ лѣтъ семнадцати, не больше, съ лицомъ, на которомъ написана трогательная просьба.

— Ваше-бродіе! Скажите пожалуйста, какъ мнѣ попасть на войну! Я былъ въ Петроградѣ, просился тамъ, а меня послали въ Кіевъ, домой... Признали малолѣтнимъ...

— Я, право, не знаю...

— Хотѣлось бы принести пользу родинѣ... Тутъ чего же сидѣть?! А я немножко по-нѣмецки говорю,

планы умѣю чертить... Пригодился бы... Вѣдь я здоровый: смотрите какой!.. Мнѣ бы только ружье... Стрѣлять умѣю... У меня дома даже ружье есть...

— Знаешь что?! Поѣдемъ со мной!... Я думаю, что командиръ не будетъ меня за тебя ругать! — говоритъ прапорщикъ.

— Да я съ радостью!.. Господи!.. Вотъ счастье-то!.. Ежели хоть одного убью и то... Значитъ, берете?.. Ну, слава тебѣ Господи!.. Баринъ, ваше-родіе!.. Я буду вамъ вѣрнымъ солдатомъ!..

Поѣздъ остановился.

— Пойду узнаю у коменданта станціи, какъ мнѣ легче найти мой полкъ, — сказалъ прапорщикъ. — Смотри же, милый, не отставай!.. — обратился онъ къ добровольцу.

— Будьте спокойны: и во снѣ не отойду отъ васъ! — отвѣтилъ парень, съѣдая своего новаго начальника глазами, и оба они зашагали по платформѣ.

На вокзалѣ уже чувствовалась близость того огромнаго, что теперь происходитъ на границахъ Россіи. Былъ поздній часъ, но большой пакгаузъ, обращенный въ баракъ для раненыхъ, ярко свѣтился, и возлѣ него стояли наготовѣ вереницы трамвайныхъ вагоновъ, пока пустыхъ. Внутри тоже было почти пусто, но кровати стояли накрытыми, аккуратно выровненными и за перегородками перевязочныхъ отдѣленій бѣлыя сестры привычными движеніями скатывали полосы марли, бросали въ стерилизаторы инструменты и переливали что-то изъ большихъ бутылей въ пузырьки. Чуть слышно посвистывалъ газъ въ огромныхъ фона-

ряхъ и красивыхъ печахъ, отъ которыхъ было очень тепло и все вообще напоминало скорѣй дортуаръ въ гимназіи, нежели бывшій товарный складъ. На самомъ вокзалѣ все было посѣрѣе, погрязнѣе, видна была долгая работа безъ перерывовъ для коренной уборки. По-всегдашнему — группы раненыхъ въ разныхъ позахъ, на полу, скамьяхъ и носилкахъ, тихіе, молчаливые. Ковыляютъ къ питьевымъ кранамъ, стоятъ, прислонившись къ притолкамъ. Иная группа разговаривающихъ имѣетъ такъ мало ногъ, что сразу и глазамъ не вѣрится. Ждутъ посадки отправляемые на родину. Очень тихо. Въ уголкахъ сестры съ врачами степенно обмѣниваются неслышными репликами, и только по лицамъ догадываешься иной разъ о темѣ разговора.

Здоровый казакъ лежитъ на деревянномъ диванчикѣ въ буфетной, свѣсивъ ноги за ручку и не обращая ни на кого вниманія. Офицера на носилкахъ устроили почему-то посреди зала; буфетчица перебираетъ въ который разъ за день булки; нарядный чиновникъ строчитъ телеграмму... Во временномъ на вокзалѣ лазаретѣ идутъ нескончаемые разговоры о боевыхъ переживаніяхъ вернувшихся съ войны. Кто-то спрашиваетъ, страшно ли.

— По первому началу ровно щекочетъ что-то по кожѣ, и холодно бываетъ внутри, — отвѣчаетъ одинъ изъ раненыхъ, — а потомъ кровь разгорится, и ничего не замѣчаешь. Въ азартъ войдешь и палишь-палишь. Про себя не думаешь; хочется въ «него» больше, всадить «гороху». А пуще рвешься до штыка до-

браться, Стрѣляешь, — не всегда видишь, въ кого. Прутъ они часто колоннами, густо, — ну, и садишь въ нихъ, въ гущу. А кого намѣтишь, — если онъ и свалится, то не знаешь, ты ли попалъ въ него, или другой кто: жарятъ, вѣдь, и отъ насъ рядами.

— А не бываетъ жалко? — смущенно спросила молоденькая сестра милосердія.

— Жалко? — удивились солдаты. — Да «онъ» же съ ружьемъ и съ тесакомъ! Самъ на меня претъ. Будь безъ ружья — кто-жъ бы его тронулъ? А то претъ и претъ, чортовъ сынъ, какъ очумѣлый. Мы же его не трогали и не звали. Самъ полѣзъ. Такое дѣло, — онъ меня, я его.

— Извѣстное дѣло, — заговорилъ и лицомъ и глазами веснущатый, — и въ пѣснѣ поется: «А ты, кума Матрена, не подвертывайся!»

— Такъ не страшно? — спрашиваетъ кто-то его.

— Мнѣ?.. Нисколько не было. Сначала хотѣлось скорѣе глянуть, кака така война. А потомъ весело стало, за-а-нятно, — даже зажмурился отъ удовольствія веснущатый. — Начали палить; тутъ артиллерія, тамъ кавалерія, сбоку «ура» кричатъ, — въ атаку, значитъ, пошли. Гляжу, — духъ замираетъ: ровно, какъ въ тіятрѣ. Бѣгаютъ, стрѣляютъ, дымъ, трескъ, кричатъ... Куда ни глянь — всѣ дѣйствуютъ. Велятъ ложиться, а мнѣ и не хочется: не будетъ тогда видно...

— Тіятръ? — смѣются другіе солдаты. — Ахъ, ты, тіятрщикъ! Вотъ тебя нѣмецъ по башкѣ и стіятралилъ. Хорошо, что еще вскользь.

— А хошь бы и прямо, — машетъ рукой веснущатый. — Дѣло любовное, я, вѣдь, тоже не за ухомъ его чесалъ. Вонъ Бычку чуть не полчерепа снесло. Надо полагать, нѣмцы узнали про его шутки и за нимъ, какъ за краснымъ звѣремъ, особо охотились. Разрывными пулями по немъ жарили. Одною и хватило, да, къ счастью, бокомъ скользнуло, однако и то съ ладонь кость, какъ топоромъ, снесло.

— Бычокъ вашъ?

— Нашей части, только губерніи другой. Онъ вятскій, охотникъ, изъ запасныхъ. И въ японской войнѣ былъ. Георгія тамъ заработалъ. Крѣпкій такой, жилистый да упругій. Крѣпкоголовый, какъ племенной бычокъ. Такъ его Бычкомъ и прозвали. Пришелъ онъ съ нами; дошли до австрійца, выслали насъ въ окопы. Залегъ онъ и ворчитъ:

— Дурова стрѣльба; не знаешь, кто въ кого. Такъ и зажмуря глаза можно стрѣлять. Только пули да порохъ зря тратить.

Вечеромъ Бычокъ пошелъ къ ротному, ротный къ батальонному; наутро мы хватились Бычка — нѣтъ Бычка. Вернулся къ вечеру и прямо жрать.

— Наголодался, — говоритъ.

— И что вы думаете, какую штуку удумалъ Бычокъ! На лѣвомъ флангѣ былъ у насъ густой лѣсокъ; тамъ артиллерія стояла. За ночь Бычокъ забрался въ этотъ лѣсокъ, выбрался на опушку, чуть не подъ носомъ у непріятельскихъ окоповъ, и накопалъ на болѣе открытыхъ мѣстахъ, промежду кустарника, десятка два окоповъ — укрыться одному.

— Уморился, — говоритъ, — за работой: тихо надо было копать, чтобы лопата не звякнула о камень; заснулъ. Проснулся — солнце уже взошло.

Бычокъ за работу. За однимъ окопомъ умостилъ онъ мѣшокъ, набитый всякой рванью. Поверхъ его привязалъ манерку, а на манерку прибилъ гвоздями фуражку. Приставилъ эту штуку за окопомъ — издали, отъ австрійцевъ, ни дать ни взять солдатъ лежитъ. Къ мѣшку привязалъ длинную бечевку и съ нею въ сторону, саженъ за 20. Залегъ въ сторонѣ, между кустами и ждетъ. На томъ флангѣ нашей пѣхоты не было; австрійцы утромъ попили, надо полагать, кофе и вздумали посмотрѣть, что передъ позиціями. Высунулись, а нашъ Бычокъ по нимъ: чикъ, чикъ, чикъ! Бьетъ на выборъ. Семь человѣкъ такъ — среди нихъ двухъ офицеровъ — начикалъ. Тамъ, видно, поднялся переполохъ. Выглядѣли «солдата» за окопомъ, и ну по мѣшку палить. Со злости даже пулеметомъ хватили. Бычокъ рѣшилъ:

— Если пулеметомъ стрѣляли, пора моему стрѣлку умирать.

Дернулъ разъ, другой бечевкой, — мѣшокъ на бокъ. Бычокъ погодилъ, пока у австрійцевъ угомонились. Подползъ ближе, подтянулъ своего товарища и съ нимъ дальше, въ глубь лѣса. Сосчиталъ: въ мѣшкѣ засѣли 43 пули. За деревьями Бычокъ и добрался на другой конецъ опушки. Умостилъ тамъ стрѣлка и опять ждетъ. Чуть у австрійцевъ изъ окопа поднялась голова, Бычокъ «чикъ» — и готово. Оттуда снова пальба. Послѣ третьяго перемѣщенія мѣшка австрійцы стали жарить

изъ пулеметовъ по всей опушкѣ лѣса. Бычку пришлось здѣсь кончить свою забаву. Но на другой день онъ работалъ въ новомъ мѣстѣ. И такъ каждый бой. Наконецъ, австрійцы провѣдали или догадались и стали вмѣсто торчащаго одинокаго «стрѣлка» шпарить разрывными пулями по кустамъ близъ него. Одною пулею и угодили Бычку по черепу, но, къ счастью, бокомъ. Пуля, разорвавшись отъ удара о черепную кость, снесла часть черепа, но мозга не повредила. Есть надежда на благополучное выздоровленіе, но до тысячи списокъ Бычку теперь, очевидно, не довести. Въ эту войну Бычокъ болѣе уже не вояка.

Въ офицерской палатѣ лежитъ молодой офицеръ-пѣхотинецъ. Только что въ іюлѣ вышелъ изъ училища. Прошелъ съ боемъ отъ Люблина до Ярослава, получилъ Георгія и за Ярославомъ, на топкой дорогѣ, попалъ подъ свернувшееся орудіе — переломило ему два ребра и ногу выше колѣна. Огорченъ до крайности:

— Какъ глупо, безсмысленно и досадно!.. Былъ цѣлыми днями въ бояхъ; бывало, кончится бой, и только дивишься, какъ это уцѣлѣлъ. Цѣлый день кругомъ тебя, надъ головой и вокругъ жужжатъ пули, свистятъ шрапнели, рвутся снаряды — и ничего. Себѣ не вѣришь, что цѣлъ. Начинаешь ощупывать себя — все благополучно. И вдругъ надо же этой пакости! Проходимъ топкими болотами, по дорогѣ мучаются артиллеристы — застряли, а замореннымъ лошадямъ не вывезти. Просятъ: «Помогите». Ухватились наши и стали вытаскивать. Я сбоку распоряжаюсь. Тутъ лошади какъ-то рванули, орудіе сначала впередъ, потомъ на бокъ и на

насъ — на меня и на четырехъ солдатъ. Хорошо еще, что и упали-то мы на такое мѣсто — только покалѣчило, а то бы придавило насмерть. Такая нелѣпица. Уцѣлѣть за двадцать дней жаркихъ боевъ и чуть не погибнуть въ болотѣ подъ колесами своей же пушки. Лучше бы убило хоть въ первомъ сраженіи.

— А развѣ не страшно было бы умереть? — спрашиваютъ юношу.

— Страшно? Почему страшно? — спокойно говоритъ безусый ещё георгіевскій кавалеръ. — Я же шелъ въ корпусъ и военное училище; зналъ, что иду въ военные, а военные нужны для войны. Народъ, родина кормятъ насъ, учатъ, изводятся на наше содержаніе, на армію — должны же мы оправдать свое назначеніе! Я же долженъ былъ раньше думать, что разъ я военный, то могу попасть на войну, а на войнѣ могу быть раненымъ, умереть, быть убитымъ. Нѣтъ, мысль о смерти не страшна. Особенно въ эту войну. Умираютъ и умрутъ многіе. Почему же не долженъ, не могу умереть я? — говоритъ юноша и говоритъ просто, спокойно, какъ о томъ, что вѣдь надо же бываетъ служить, ѣсть, спать. Такъ вотъ и пришло время итти въ бой, подъ пули, можетъ быть на смерть.

— Но можетъ быть невольно бываетъ жутко, когда идете подъ пули и шрапнели? — допытывается кто-то.

— Видите ли, — опять просто и спокойно говоритъ юноша съ Георгіемъ, — какъ это ни странно, но въ бою менѣе всего страха. Въ бою некогда чувствовать страхъ. Страхъ бываетъ не среди боя, а вокругъ боя и чѣмъ дальше отъ боя, тѣмъ страшнѣе. Больше всего страха

и трусости въ обозахъ. И не потому, что тамъ собраны трусы. Попади обозные въ бой — и они были бы героями, а въ обозѣ и мы, и я будемъ дрожать отъ страха. Въ сраженіи я въ дѣлѣ. Поймите это слово: «дѣло». Военные не даромъ говорятъ не «сраженіе», не «бой», а «дѣло». Именно дѣло, гдѣ люди дѣло дѣлаютъ, работаютъ. Начинается бой — и я съ головою ухожу въ дѣло. Какъ на маневрахъ: разсыпать цѣпь, бѣжать, залечь, поднять людей въ атаку. И, право, тутъ не геройство, не подвиги — дѣло, одно дѣло. Оттого и солдаты послѣ сраженія говорятъ о работѣ. Говорятъ:

— Сегодня была хорошая работа.

Вѣдь какое бы большое сраженіе ни было, сколько бы дней оно ни длилось, каждый изъ насъ дѣлаетъ въ каждую данную минуту только одно свое маленькое дѣло, видитъ передъ собой и вокругъ себя самое небольшое пространство. Сейчасъ надо перебѣжку сдѣлать. Сейчасъ залечь, окопаться. Сейчасъ стрѣлять. Сейчасъ итти въ штыки. Поэтому посмотрите на солдатъ по окончаніи боя. Только что часами стрѣляли, кололи, яростно гнали врага, а выбили изъ окоповъ, сдѣлали свое дѣло — и людей не узнаешь. Непріятель бросился въ бѣгство; конница наша гонитъ его, рубитъ, отбиваетъ обозы, беретъ плѣнныхъ, а пѣхота тутъ же, въ окопахъ, устраивается. Оттащатъ въ сторону убитыхъ, сложатъ ружья въ козлы — и боя какъ не бывало. Достанутъ табакъ и начнутъ свертывать «цыгарки». Нѣтъ своего — пошарятъ въ кинутыхъ непріятельскихъ ранцахъ. Радостные кричатъ: «Нашелъ!». Дѣлятся другъ съ другомъ, если можно, разведутъ

огонь, грѣютъ воду въ котелкахъ, достаютъ сухари, переобуваютъ ноги. Кто послабѣе — лежатъ, отдыхаютъ. Черезъ полчаса, глядишь, кто-то досталъ изъ мѣшка за спиною гармошку и сначала тихо, про себя наигрываетъ что-то. Вокругъ игрока собирается толпа, скажутъ: «Веселѣе». Гармонщикъ тряхнетъ головой и начнетъ отжаривать съ припѣвомъ:

Здѣсь австріецъ, тамъ пруссакъ,
А мы ихъ этакъ, мы ихъ такъ,
Францъ-Іосифу по шеѣ,
А Вильгельма по башкѣ.

Толпа въ восторгѣ. Бородачи-запасные не выдерживаютъ и начинаютъ притопывать, а гармонистъ накачиваетъ горячѣе и горячѣе:

Вы сидѣли бъ лучше смирно
И не трогали бы насъ.
Если жъ вызвали на драку,
Получай на первый разъ.

Выскакиваетъ рыжая борода и пускается въ плясъ. Къ нему пристаетъ другой, третій, четвертый. Толпа оживаетъ. Всѣ поводятъ плечами, шевелятъ носками, сами дивятся своей прыти: «Старики-то, старики наши! А-а?»

Смотришь и не понимаешь: неужели полчаса, часъ назадъ здѣсь ляскала зубами смерть и эти плясуны прикладами разбивали головы лежащимъ сейчасъ передъ окопами? Тѣмъ временемъ подъѣдутъ походныя кухни, и всѣ съ котелками бѣгутъ къ кашеварамъ, истово крестятся, по-мужицки, благоговѣйно принимаются за ѣду, перекидываются словами:

— Каша сегодня съ дымкомъ.

— Зато мяса во щахъ вволю.

— А какъ-то ѣдятъ наши въ деревнѣ?

— Убрали ли въ пору хлѣба?

И пошли думы и рѣчи о домѣ, родныхъ, о семейныхъ дѣлахъ. Можно подумать, что тутъ не ожесточенные бойцы, герои-побѣдители, а плотники, каменщики, землекопы, ка́тали, пришедшіе съ работы. Даже среди многодневныхъ боевъ, если выпадаютъ часы затишья, солдаты разбредаются по лѣсу за грибами, а то увидятъ зайца и устроятъ охоту на сѣряка. Гоняются какъ малые ребята. Хохотъ, крикъ на весь лѣсъ. Объ ужасахъ боя и страхѣ смерти нѣтъ и помину. Да и не можетъ его быть. И не то, чтобы отъ привычки, отъ повседневности опасностей. Нѣтъ — отъ сознанія необходимости, естественности и опасностей и даже смерти. На то, вѣдь, и война. Въ томъ и война: ранили пули одного, другого, третьяго, пятаго, десятаго — какъ же иначе? Пули летятъ роями, — кого-нибудь и зацѣпятъ. Можетъ быть, и меня. Валятся люди рядами — понятно. Пулеметы, пушки у насъ шлютъ «имъ» смерть. Пулеметы, пушки и у «нихъ». Они свое дѣло дѣлаютъ. Мы — свое. Одни падаютъ, выбываютъ изъ боя, другіе продолжаютъ: дѣло надо дѣлать, работу кончать.

И ни у кого никакихъ похвальбъ или молодечества напоказъ. Есть молодечество про себя, для дѣла, Въ бою, на развѣдкахъ, въ дѣлѣ — тамъ и личная удаль, и лихость, а до боя и послѣ боя — простота. Просто идутъ въ бой, просто возвращаются съ боя. Просто

проходятъ по улицамъ пограничныхъ городовъ, среди густыхъ рядовъ горожанъ, любовно, съ гордостью смотрящихъ на сѣрыя волны родныхъ защитниковъ. Вотъ по главнымъ улицамъ большого польскаго города проходитъ полкъ, совершившій рядъ изумительныхъ подвиговъ. По его дѣламъ можно судить, что здѣсь что ни человѣкъ, то герой. Тысячныя толпы высыпали смотрѣть на проходящихъ черезъ городъ героевъ, а они, эти герои, шли спокойные, простые. Ровнымъ, тяжелымъ отъ многихъ переходовъ шагомъ. И, направляясь на новый, болѣе чѣмъ всѣ прежніе ожесточенный бой, спокойно пѣли:

Въ синемъ морѣ парусъ рѣетъ,
Въ поднебесьѣ вѣтеръ вѣетъ,
По горамъ....
По доламъ..
Ночью здѣсь,
А завтра тамъ...

На слѣдующей станціи поѣздъ окружила толпа ополченцевъ. Они только что пришли и пріѣхали изъ ближнихъ селеній — изъ мѣстностей, гдѣ горизонтъ уже озаряется поблескиваніемъ орудійныхъ вспышекъ и гдѣ слухъ напряженно ловитъ глухое буханье пушечныхъ выстрѣловъ.

— Слышно, слышно! — съ оживленіемъ говорятъ они. — Какъ же! И нынѣшней ночью слышно было.

А одинъ изъ ополченцевъ, пріѣхавшій изъ-подъ Оссовца, рисуетъ картину недавнихъ боевъ подъ крѣпостью:

— Полыхало на небѣ словно въ родѣ будто молнія, какъ гроза и громъ гудѣлъ. Все время.

— А до васъ нѣмцы не доходили?

— Нѣтъ, нѣмца еще въ глаза не видѣли.

Небольшой, щуплый паренекъ, въ засаленномъ картузѣ, рѣшительно говоритъ:

— Нѣмца будемъ бить сердито. Сразу два зуба и глазъ.

Толпа озаряется улыбками и разражается дѣтскимъ хохотомъ. А острякъ смотритъ серьезно и увѣренно киваетъ остренькимъ лицомъ съ чахлой бороденкой:

— Вѣрно, вѣрно. Сердито будемъ бить...

Поѣздъ громыхаетъ дальше, и наутро пріѣхавшіе съ нимъ солдаты и офицеры размѣстились по своимъ частямъ, чтобы итти туда, гдѣ они нужнѣе въ данный моментъ. Тамъ они заняли опушки лѣса, тихо, не спѣша расположились въ окопахъ и начали зорко слѣдить за врагомъ. Нѣкоторые офицеры забрались на деревья и оттуда въ бинокли смотрѣли на нѣмцевъ. Но и простымъ глазомъ ихъ было прекрасно видно. Ясно было видно, какъ нѣмецкія колонны производили какія-то перестроенія за деревнями, какъ они выбѣгали въ поле и ловили гусей. Оглядывали все, что было передъ глазами, и минутами какъ-то забывалось о томъ, что впереди врагъ и притомъ врагъ безпощадный, что все вдругъ можетъ загремѣть вокругъ, всколыхнуться, что надъ окопами нашими и нѣмецкими, надъ деревушками, надъ полемъ и лѣсомъ уже витаетъ смерть, намѣчая жертвы. Солдаты въ окопахъ дѣлились шутливыми замѣчаніями, держа ружья наготовѣ. Стрѣлять до команды было строго

запрещено. Ни офицеры ни солдаты не знали, пойдетъ ли сейчасъ отрядъ въ атаку, или ему предстоитъ только отражать нѣмцевъ.

И только командиры полковъ, проходя вдоль окоповъ, строго отдавали приказанія:

— Смотри же, ребята, во время боя не теряй связи между собой!

II.

Въ окопахъ и въ бою.

Нынѣшняя война ведется совсѣмъ не такъ, какъ она велась раньше, въ былыя времена. Тѣ поля сраженія, на которыхъ живописно были раскинуты палатки воюющихъ и гдѣ по ночамъ такъ красиво мигали бивуачные огни, давно отошли въ область преданій. Теперь война ведется такъ, что воюющіе даже и не видятъ подчасъ другъ друга: зароются всѣмъ туловищемъ въ землю, устроятъ передъ головой земляной окопъ и оттуда палятъ другъ въ друга.

— Больше порылся, лучше укрылся, сильнѣе повредишь врагу, — какъ теперь разсуждаютъ солдаты.

Иной разъ въ такихъ окопахъ проводятъ дни и недѣли, и въ концѣ концовъ окопы подходятъ такъ близко другъ къ другу, что можно даже различить вражескую рѣчь. Какъ-то даже, когда окопы были на разстояніи пятидесяти шаговъ, начались переговоры между нашими и ихъ передними рядами. Наши кричали туда:

— Вылазь, ребята, иди къ намъ, бросай ружья.

Тѣ отвѣчали:

— Выходите вы, сдавайтесь намъ.

Перекликаются, а высунуться нельзя: чуть показался изъ окопа — пуля. Такъ и лежали три ночи и два дня.

Въ эти дни, конечно, солдатамъ нечего и думать о горячей пищѣ: приходится кормиться сухарями, тѣмъ запасомъ, который имѣется у каждаго солдата въ достаточномъ запасѣ. Но, конечно, когда бой горячъ и вокругъ все кишитъ пулями и осколками шрапнелей, то, разумѣется, никому не до ѣды.

— Семнадцатый день сидимъ въ окопахъ. Сами не понимаемъ, какъ выдерживаемъ, — дивятся своей жизни пѣхотные. — Скажи намъ ранѣе, что можно чуть не мѣсяцъ жить подъ непрерывнымъ шрапнельнымъ огнемъ, на холоду, подъ открытымъ небомъ, — не повѣрили бы. А тутъ вотъ ничего. По два-три дня не только что безъ горячей пищи, безъ хлѣба сидимъ: ни подвезти кухни, ни поднести ѣду; жгутъ огнемъ — и ничего, какъ будто и ѣсть не хочется.

Но когда бой не особенно горячъ, тутъ-то, чтобы позабыть о голодѣ и о томъ, что лежишь нѣсколько дней въ сырой землѣ, каждый старается что-нибудь придумать.

Вотъ въ одной части окоповъ идетъ упорное соревнованіе, кто безъ промаха уложитъ врага. Такъ и говорятъ между собой: «Ты стрѣляй въ того-то, а я въ этого»... И стараются одинъ передъ другимъ. Такъ по всей линіи. Надъ головами рвутся шрапнели, а онъ спокойно: «А ну-ка, братъ, свали вонъ того, пузача!» Къ шрапнели наши хорошо приспособились. Закроютъ голову лопаткой, сверху нагромоздятъ сложенныя ши-

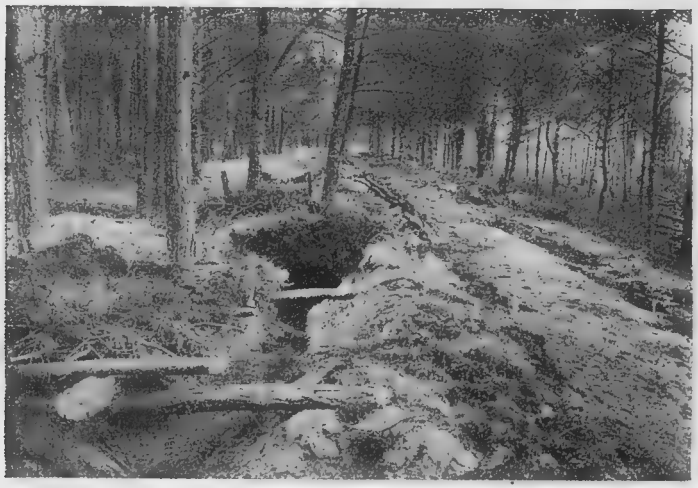
нели и палятъ изъ окоповъ. Нѣкоторые смѣльчаки бѣгали изъ окоповъ за водой къ рѣкѣ. Враги въ 500 шагахъ палятъ во всю, а иной нашъ солдатъ соорудитъ изъ лопатки и шинели цѣлый брустверъ на головѣ и подъ огнемъ лупитъ съ чайникомъ къ рѣчкѣ. И возвращается цѣлъ и невредимъ.

Остроумную штуку придумали въ одномъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ передовой линіи. Скучно было и офицерамъ и солдатамъ безъ дѣла сидѣть въ сырыхъ окопахъ и прислушиваться къ вялой артиллерійской перестрѣлкѣ. Захотѣлось позабавиться. И вотъ по мысли одного изъ офицеровъ занялись сооруженіемъ воздушнаго змѣя, — да такого, чтобы совсѣмъ былъ похожъ на настоящій аэропланъ. Соорудили махину — около двухъ саженъ въ размахѣ крыльевъ — достали прочной бечевки и, пользуясь крѣпкимъ вѣтромъ, дувшимъ нѣсколько дней, запустили свое произведеніе высоко подъ небеса. Получилась полная иллюзія парящаго аэроплана. Вѣтеръ тянулъ въ сторону австріяковъ, стоявшихъ за широкой рѣкой, и импровизированный змѣй приближался къ ихъ позиціямъ. Цѣлый взрывъ орудійнаго и пулеметнаго огня встрѣтилъ невинную игрушку. Шрапнели, долженствовавшія поразить русскаго летчика, рвались около самаго змѣя, а онъ шелъ все выше и выше и, казалось, высматривалъ расположеніе непріятеля.

На слѣдующій день наши забавники придумали новую штуку. Они прикрѣпили на бечевкѣ порядочный камень къ обладавшему сильной тягой змѣю, а къ этой бечевкѣ какой-то рѣжущій предметъ, который могъ

освободить камень въ любой моментъ, по желанію. Въ такомъ видѣ змѣй опять появился надъ позиціями австрійцевъ, опять поднялъ среди нихъ бучу, заставивъ истратить немало снарядовъ, въ концѣ концовъ торжественно сбросилъ къ нимъ въ окопы пятифунтовый булыжникъ...

А окоповъ повсюду великое множество. Ходишь среди нихъ, какъ будто бы въ какомъ-нибудь подземномъ



Окопы въ лѣсу.

царствѣ, вырытомъ кротами-великанами. По этимъ окопамъ можно себѣ представить, какъ идетъ весь бой. Объ этомъ твердитъ каждая позиція, каждый лѣсочекъ, превращенный въ крѣпость.

Лѣсъ въ сторону русскихъ изборожденъ по опушкѣ поясами окоповъ. Первый рядъ глубже въ землю, второй съ насыпью въ полтора, два аршина, такъ что стрѣльба идетъ ярусами. Съ другой стороны лѣса бороздятъ рус-

скіе окопы. Также и въ ростъ, и въ полъ-роста человѣка и такіе, что только лечь. Въ иныхъ мѣстахъ окопы перепутываются: чуть не сливаются вплотную, переплетаются. Получается прямо окопная каша: одни туда, другіе сюда, третьи поперекъ. Видишь, что дравшіеся здѣсь то наступали, то подавались назадъ, опять шли впередъ, подходили къ врагу вплотную. Особенно такая окопная каша сгущается на полянахъ, между смежными лѣсами. Выбѣжитъ такая большая поляна между двумя-тремя лѣсами, растолкаетъ ихъ и кинется пашнями. Въ одномъ лѣсу нѣмцы, въ другомъ — наши. Иногда по такому полю враги кружились раза по три. Зайдутъ одни сбоку и черезъ поле, роясь, стараются ударить врага въ неукрытое мѣсто — во флангъ. Только здѣсь, среди окоповъ, небоевой человѣкъ понимаетъ, почему опасны обходы и почему непріятель бѣжитъ, когда его ударятъ во флангъ, сбоку. Окопы нарыты буграми и укрываютъ врага на протяженіе двухъ, трехъ верстъ. Все передъ вами бугры и валы. А зашли врагу сбоку — передъ вами двѣ длинныя канавы; вдоль ихъ и пали, сколько хочешь. Поэтому на полянахъ, при поворотахъ линіи нападающихъ, поворачиваются и линіи окоповъ. Вотъ глубокіе окопы буграми сюда: нѣмецкіе. Нѣмецъ рылъ себѣ прочную ограду. Думалъ: надолго. Передъ ними, на противоположной опушкѣ, окопы разбросанные: на двоихъ, канавка на пятерыхъ, на одного. Полукругомъ, прямо, ломаными линіями. То наши, выбивъ нѣмца изъ одного лѣса, должны были залечь на другомъ краю, когда нѣмцы отбѣжали въ заранѣе готовые окопы въ другомъ лѣсу. Отдѣляетъ поляна въ версту,

полторы. Мѣсто открытое — прямо не перебѣжишь: смоютъ хоть полкъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Выбѣгаютъ впередъ одиночками. Выскочатъ двое, трое, пятеро тамъ, здѣсь, съ середины. Пробѣгутъ, согнувшись — и на землю. Лежитъ и роется. Нарылъ кучку передъ головою, роетъ съ боковъ, подъ собой, всѣмъ уже тѣломъ ушелъ въ землю. Нѣмецъ сѣчетъ пулями, свинецъ свиститъ поверху. Кажется, надъ твоею спиною, и хочется глубже, глубже уйти въ землю. Лопатка такъ и ходитъ сама. Врылся человѣкъ на аршинъ, сталъ на колѣни и самъ уже начинаетъ стегать нѣмцевъ свинцовымъ кнутомъ:

— Стерегись, господинъ.

За первыми выбѣгаютъ другіе: десяткомъ, цѣлой цѣпью. Пробѣгутъ и опять ничкомъ на землю,— роются. Глядишь — всѣ высыпали на поле и врылись въ землю. Сотнею кнутовъ стегаютъ нѣмца въ лѣсу. Тамъ стали осторожнѣе, изрѣдка высовываются стрѣлять, а если и высовываются, то пальба уже спѣшная, безъ выдержки, черезъ головы. Свинца летитъ много, а раненыхъ и на сотню пуль нѣтъ одного. Недаромъ самъ Наполеонъ, знатокъ военнаго дѣла, говорилъ:

— Чтобы убить одного врага, надо на него истратить столько пудовъ свинца, сколько вѣситъ убитый.

Какъ же иначе? Выглянешь если самъ, чтобы хорошенько прицѣлиться — влѣпятъ пулю тебѣ. Хочешь стрѣлять въ бѣгущаго, а онъ уже легъ. Вмѣсто него бѣгутъ за сто саженъ въ сторону другіе. Ружье и пляшетъ въ рукѣ. Пляшетъ отъ волненія, скачетъ отъ быстрой смѣны цѣли.

Нашимъ, окопавшимся во второй линіи на полянѣ, также долго лежать не приходится. Всѣ нервничаютъ, собою вполнѣ уже не владѣютъ. Настроенія мѣняются и могутъ быть разнообразныя. Чтобы не дать силы свисту пуль, офицеры подбадриваютъ, шутятъ:

— Пожалуй, такъ вѣдь и задремлешь, ребята, лежа тутъ... Что же мы, въ горохъ что ли пришли, на брюхѣ лежать? Айда, молодцы!

Опять перебѣжка. Теперь уже до ста-полутораста шаговъ подъ носомъ у непріятеля. Слышна команда тамъ, за деревьями. Руки устали, въ вискахъ ломитъ, а лопатка, какъ челнокъ на ткацкомъ станкѣ, ходитъ и ходитъ. Но теперь и хочешь, да не разроешься очень. Пули если и не бьютъ, то свистятъ надъ головою дождемъ. Врагъ также нервничаетъ. Палитъ и палитъ, а въ кого, куда — и не видитъ. Туда... Въ поле... Въ непріятеля вообще... Вырывается только по небольшому ложку́ для себя. Десятокъ скребковъ лопатою — и за ружье: въ послѣдній разъ стегануть нѣмца свинцомъ. Стрѣляютъ сами также больше въ нѣмца вообще... Прямо, впередъ... Трескотня во-всю. Время бѣжитъ вѣками. Пролежали пять-десять минутъ, а кажется долго-долго. Хочется вскочить и бѣжать. Командиръ чуетъ минутку и, вскочивъ, кричитъ:

— Въ штыки, впередъ!

— У-у-р-р-а, у-у-р-а, у-у-р-р-а-а-а! — загремѣло по линіи, и нѣмецъ, не дождавшись штыкового боя, бѣжитъ вглубь лѣса. Оттуда, изъ-за деревьевъ, жалитъ теперь уже на выборъ. Наши въ окопы, нѣмецкіе, но они обращены буграми, насыпью изъ лѣса, — надо подсыпать

бугры въ сторону лѣсной глуби. Такъ и крутятъ окопную кашу, почему и видишь: шапки, ранцы, мѣшки, патроны нѣмецкіе, а чуть наискось, — тѣ же окопы усыпаны русскими патронами, валяются русскія шапки.

О томъ, какъ иногда бываетъ трудно держаться въ окопахъ, разсказываетъ одинъ студентъ-доброволецъ, побывавшій не въ одномъ бою. Въ одномъ изъ этихъ боевъ отрядъ, въ которомъ находился студентъ-доброволецъ, получилъ приказъ окопаться и задерживать наступленіе австрійскихъ войскъ. Окопы были сдѣланы мѣстными поляками, которые, по словамъ добровольца, чрезвычайно горячо относятся къ нашимъ войскамъ; во время боевъ они подаютъ патроны. Силы русскихъ и австрійскихъ войскъ въ этомъ мѣстѣ были далеко не равными: въ окопахъ находился неполный батальонъ, а со стороны австрійцевъ наступала масса войскъ, въ нѣсколько разъ большая. Трудность операціи для отряда увеличивалась еще тѣмъ, что позиція въ окопахъ была неблагопріятна для русскихъ: передъ ними находилась холмистая мѣстность, которая позволяла непріятелю незамѣтно приближаться къ нашимъ войскамъ. Но непріятель не воспользовался этими холмами, а пожелалъ сдѣлать обходное движеніе; для этого ему нужно было перейти открытое мѣсто между двумя грядами холмовъ, Здѣсь разыгрались любопытные эпизоды. Необходимо было выяснить во что бы то ни стало число, расположеніе и позиціи австрійцевъ.

Но какъ это узнать? Одно средство: достать «языка».

— Ребята, — заявилъ батальонный командиръ, — тому, кто доставитъ австрійскаго солдата, будетъ данъ Георгій. Кто пойдетъ?

Впередъ выступилъ маленькій, корявый мужичонка, солдатъ 2-й роты, Ивановъ 3-й.

— Такъ что, ваше выскородіе, я пойду.

И пошелъ.

Непріятельскія позиціи были расположены въ 500 шагахъ на правомъ берегу рѣки. Изъ русскихъ окоповъ видны были австрійскіе, прикрытые кустарникомъ и порослями лозы. Воспользовавшись туманомъ, Ивановъ легъ на брюхо, выставилъ впередъ ружье и сталъ тихо подползать къ австрійскимъ окопамъ. 40 минутъ продолжалъ онъ медленно продвигаться. Нѣсколько разъ попадались ему на дорогѣ солдаты изъ непріятельской сторожевой цѣпи, но онъ успѣвалъ во-время укрыться въ кустахъ.

Такъ Иванову удалось незамѣтно подползти на разстояніе 100 шаговъ отъ окоповъ. Въ кустахъ лозы солдатъ замѣтилъ бѣлую хатку, повидимому, рыбачью. Вокругъ никого не было. Ивановъ подползъ къ хаткѣ, тихонько приподнялся, заглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ солдатъ, мирно спавшихъ съ ружьями въ рукахъ. Долго прислушивался Ивановъ, стоя на колѣняхъ, но только храпъ нарушалъ общую тишину. Солдатъ всталъ на ноги, нацѣлился и выстрѣлилъ. Послышался стонъ, а затѣмъ кто-то грохнулся на землю. Ивановъ рванулъ дверь и съ ружьемъ на-изготовку влетѣлъ въ комнату. Одинъ австріецъ былъ мертвъ, другой прижался къ углу, на-смерть перепуганный.

— Руки вверхъ! — закричалъ Ивановъ.

Австріецъ бросилъ ружье и исполнилъ приказаніе. Оказалось, что это былъ чехъ, понявшій восклицаніе нашего солдата.

— Не бойся, ничего тебѣ не будетъ, — сказалъ ему Ивановъ. — На хлѣба.

Чехъ не остался въ долгу и предложилъ нашему солдату галеты и сигары. Черезъ минуту бывшіе враги мирно ѣли, покуривали и калякали.

— Ну-съ, ладно, теперь иди за мной, — сказалъ Ивановъ чеху.

Пошли. Впереди шелъ австріецъ, а за нимъ — готовый ко всякимъ случайностямъ — Ивановъ.

Немного уже оставалось до русскихъ окоповъ — всего шаговъ 50. Но въ это время раздался залпъ: австрійцы замѣтили это странное шествіе. Одна пуля попала Иванову въ плечо, другая — въ руку. Но солдатъ продолжалъ итти, гоня впереди себя захваченнаго австрійца.

— Такъ что вотъ привелъ «языка», — доложилъ Ивановъ 3-й командиру и тутъ же свалился безъ сознанія отъ потери крови.

Видя, что планы ихъ отчасти открыты, австрійцы прибѣгли къ хитрости. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ послышались крики «ура», замахали бѣлыми платками. Нашъ отрядъ пріостановилъ стрѣльбу, полагая, что другой нашъ отрядъ проникъ на линію непріятельскаго фронта. Этимъ моментомъ воспользовались австрійцы и густыя колонны ихъ бросились черезъ равнину. Оказалось, что австрійцы кричали по-русски «ура». Нашъ отрядъ открылъ убійственный огонь по австрійскимъ колон-

намъ, но часть ихъ все-таки достигла цѣли и показалась на флангѣ нашего отряда. Начался ружейный поединокъ. О количествѣ выпущенныхъ пуль можно судить по тому, что нашъ добровольцъ, еще не совсѣмъ опытный стрѣлокъ, выпустилъ 180 пуль, другіе солдаты — до 300 пуль каждый.

Хуже всего было то, что патроны приходили къ концу, а полученіе новыхъ патроновъ было дѣломъ невозможнымъ, такъ какъ отрядъ попалъ подъ перекрестный огонь. Студентъ-добровольцъ роздалъ изъ своего запаса 120 патроновъ сосѣдямъ, взяли патроны у раненыхъ, но скоро и эти уже приходили къ концу, Положеніе грозило стать безвыходнымъ, еслибы не находчивость одного ротнаго командира. Онъ приказалъ прекратить стрѣльбу и кричать «ура», не двигаясь съ мѣста. Австрійцы подумали, что отрядъ готовится къ штыковой атакѣ и повыскакали изъ окоповъ. Воспользовавшись этимъ, отрядъ далъ нѣсколько залповъ по австрійцамъ и вызвалъ среди нихъ сильное замѣшательство.

Будучи раненъ въ грудь, студентъ-добровольцъ отсталъ отъ своего отряда и заблудился. Онъ блуждалъ часть дня и ночь. Проходя лѣсомъ, добровольцъ увидѣлъ огоньки и силуэты людей; остановился въ нерѣшительности, не зная, кто тамъ: враги или свои. Окликнулъ: «Земляки?» Тѣ тоже насторожились. Но вотъ блеснули въ темнотѣ штыки и студентъ-добровольцъ понялъ, что это наши солдаты, потому что ни нѣмцы ни австрійцы не носятъ штыковъ примкнутыми къ ружью. Такъ и оказалось. Раненаго студента проводили до деревушки X.

Трудно бываетъ въ окопахъ, но зато нѣтъ такой силы, которая могла бы удержать русскаго солдата, когда онъ переходитъ въ наступленіе и своимъ штыкомъ расчищаетъ дорогу впередъ.

Такое молодецкое дѣло было на рѣкѣ Вислѣ у мѣстечка П...

Въ этомъ мѣстѣ за полотномъ желѣзной дороги сосновый боръ. Сосны, какъ на подборъ, высокія, ровныя. Между ними десятки костровъ. Вкругъ костровъ на буркахъ лежатъ казаки. Подъ утро, если атака будетъ удачна и врага выгонятъ изъ П..., они пойдутъ въ погоню, отбивать обозы. Сейчасъ собираются ѣсть да и спать. Лошади уже поѣли и теперь отдыхаютъ. Слышится мѣрное фырканье. Въ полѣ краткая, зловѣщая тишина, черная тьма, а на горизонтѣ, далеко, — зарева, зарева, зарева. Надъ П..., какъ надъ кратеромъ Везувія, раскаленное небо.

— Сейчасъ начнется ружейная трескотня, — говоритъ кто-то. — Днемъ подготовляли атаку артиллерійскимъ огнемъ, замотали непріятеля. Теперь на закуску угостятъ еще пулеметами, оглушатъ ружьями вблизи и — въ атаку.

Такъ и вышло, Гдѣ-то, далеко вправо, обрушилась громадная полѣнница дровъ:

— Тра-а-а-ахъ, трахъ, а-а-ахъ!

Обрушилась и пошла сыпать влѣво. Только и слышалось отъ праваго края за полотномъ до П...

— Та-та-та-та! — суетились пулеметы.

— Тыр-р-р-а-а-а, тыр-р-р-а-а! — кидались горохомъ ружья.

— Тра-а-ахъ, трахъ, трахъ! — прокатилось въ послѣдній разъ и все затихло.

Духъ захватило: тамъ, въ концѣ этого поля, за двумя черными верстами, наши кинулись въ атаку. Молчитъ непріятель: сошлись, вѣдь, почти вплотную. Минута, другая, третья. Что будетъ? Засѣло, вѣдь, добрыхъ десять тысячъ. И озвѣрѣлыхъ. Удастся ли выкинуть ихъ штыками изъ П...? Еще минута, вторая. Слухъ обманываетъ и чудится, будто слышенъ лязгъ штыковъ. Вдругъ опять справа кто-то сильно рванулъ густую тьму, какъ плотную шелковую ткань.

— Р-р-а! Р-р-ра! Р-ра! Ура! Ура-а-а! — полилось лавиною по всему фронту.

— Выбили! Изъ первыхъ окоповъ выбили! — говоритъ кто-то изъ штабныхъ.

— Почему вы думаете, что выбили? Вѣрнѣе, кинулись въ штыки! — возражаютъ ему.

— По тону слышно! — радостно поясняетъ говорившій. — Радостный, ровный, сплошной крикъ, побѣдный! А въ атаку шли молча. Кинулись безъ крика. Насерчали очень за эти дни. Самая страшная атака, когда безъ крика. Не выдержали австрійцы.

Стрѣльба стихла, опять тишина. Двѣ-три минуты.

— Вторую линію берутъ... И опять молча... Сейчасъ должно быть «ура».

И какъ по командѣ справа налѣво новое:

— Р-р-ра! Р-ра! У-у-р-ра!... А-а-а!

— Взяли, взяли П...! — слышится радостно кругомъ, а впереди сыплется и сыплется:

— Р-р-ра! Р-ра! У-у-р-ра!.. А-а-а!

— Погодите, еще не кончено. Сидѣвшіе тамъ такъ не уступятъ: не таковскій народъ. Пойдутъ въ контръ-атаку.

Ждутъ пять, десять минутъ. Впереди мертвое молчаніе.

— Разбираются, плѣнныхъ отводятъ. Окапываются сами, поворачиваютъ окопный фронтъ лицомъ къ врагу, назадъ.

Съ боковъ, справа и слѣва, снова стукнули кулакомъ по пустому П...:

— Бахъ, бахъ!... Бахъ, бахъ, бахъ, бахъ!

— Черезъ нашихъ въ тылъ непріятеля жарятъ, чтобы не дать ему уйти и увезти обозы.

Вдругъ уже за П... торопливо, нервно затрещали ружья и пулеметы.

— Что это? Чьи выстрѣлы?... По нашимъ?

— Наши!... Говорилъ, что австрійцы не успокоятся, захотятъ вернуть П... Кинулись въ атаку, а наши ихъ отбиваютъ.

— Отобьютъ ли?

Стрѣльба то тише, то громче. Оборвалась... Снова загремѣло. Опять тихо.

— Штыки! Штыки работаютъ!

И чей-то шопотъ:

— Неужели отнимутъ? Такъ хорошо все было задумано и налажено. И...

— Р-р-а-а-а-а! Р-ра-а! Р-ра!—успокоили наши отъ П...

Опять тихо. Только орудія снова справа и слѣва вглубь, за П..:

— Стукъ! Стукъ!

— Заколачиваютъ! Двери заколачиваютъ австрійцамъ: не уходи!

Новыхъ 10—15 минутъ, и надъ П... опять: тра-та-та-та-та, тра-та-та, трахъ, ахъ, ахъ, а-ахъ!

— Вторая контръ-атака! Не угомонятся никакъ. Упорные!

Снова тишина и тишина долгая. Прорвало одинъ пулеметъ. Протявкалъ собаченкою и замолкъ.

— Чей?.. Оборвалъ скоро, — австрійскій.

— А что же наши?

Молчаніе. Только одинокіе кулаки изрѣдка: стукъ... стукъ... стукъ... Разорвался новый мѣшокъ съ горохомъ и посыпалось по доскамъ: тра, та, та, та, тра, трахъ, тра, а-а-ахъ!

Надъ П... и даже за нимъ поднялся крикъ. Голоса сливались, словъ было не разобрать. Вдругъ чей-то сильный, властный и, главное, такой спокойный, увѣренный голосъ осилилъ всѣ крики, и до насъ издали донеслось:

— Ко-он-ница!.. Конница впере-едъ! Сюда! Сюда! Пѣхота ко мнѣ! Сюда... а!

— Гонятъ, гонятъ! Наши гонятъ, — загудѣло у насъ кругомъ. — Побѣда!

И надъ П... загремѣло такое «ура», какого мы еще не слыхали.

— Конецъ! Дѣло сдѣлано! Больше ужъ не вернутся австрійцы. Теперь бы ихъ только гнать и гнать, не дать имъ вновь укрѣпиться...

Въ лѣсу уже темно — казаки спятъ на землѣ. На

рельсахъ освѣщенный вагонъ и передъ нимъ толпы солдатъ съ ружьями. Среди нихъ — плѣнные.

— Откуда?

— Свѣженькіе, только что спеченные, — пытается шутить солдатъ, опираясь отъ усталости на ружье, опущенное на землю. — Отъ П... Въ первыхъ окопахъ взяли: восемнадцать человѣкъ. Какъ вскочили мы, а они и сидятъ. Сразу сдались.

— Хорошо сдались, трогательно, — поясняетъ какой-то заморышъ въ шинели, изъ запасныхъ, весь въ поту, несмотря на холодную ночь. — Какъ вскочили мы къ нимъ, а они руки вотъ такъ, какъ въ родѣ на молитву, ладонями вмѣстѣ. Другіе за ноги хватаются, цѣлуютъ колѣни. Вытаскиваютъ карточки, портреты семьи. Жена-де, дѣти. Значитъ, не тронь меня, пожалѣй. Ну, да чего его трогать, ежели онъ сдался. Жалуй, милости просимъ. Тоже, чай, и имъ не сладко. Не по своей волѣ, — служба, своя присяга. Ну, да теперь отвоевались.

— Ѣшь, ѣшь, ребята, — добродушно прикрикнулъ онъ на плѣнныхъ, — ѣшь, да и отваливайся. Дай намъ чередъ. Изъ-за васъ, дьяволовъ, и мы трое сутокъ не ѣли.

Оказывается, вечеромъ пріѣхалъ вагонъ съ готовой горячей пищей на полторы тысячи человѣкъ и съ горою хлѣба. Всѣ солдаты, что были близко, — раненые и здоровые, — приходили и ѣли.

— Позабыли, какой скусъ въ горячемъ, — жадно хлебали раненые.

— Нутро хоть согрѣемъ, — добавляли другіе, — а то окостенѣли, чисто собаки. Застыли въ окопахъ.

Когда привели первую партію плѣнныхъ, — всѣ, какъ по командѣ, посторонились:

— Поди не ѣли, панове?

— Семь дней безъ горячаго, — чисто по-русски отвѣтилъ одинъ.

— Русскій? — удивились всѣ.

— Нѣтъ, полякъ изъ-подъ Кракова.

Плѣнные австрійскіе офицеры и нижніе чины.

— Да, братъ, у васъ народу всякаго, — помоталъ головой сибирякъ, раненый въ обѣ руки и запеленатый, какъ ребенокъ. — Однако ѣшь; говорить будешь послѣ...

Ночью еще приводили плѣнныхъ. Всего привели около двухсотъ. Это — здоровыхъ, а раненыхъ и несли и везли до слѣдующаго вечера. Своихъ раненыхъ къ утру набралось много. Подходили легко раненые. За оставшимися поѣхали подводы. Везли цѣлое утро и на день еще осталось. На иныхъ раненыхъ больно было смотрѣть: голова въ крови, разбита, рука про-

стрѣлена, въ груди штыковая рана. И ничего. Осунулся съ лица. Глаза закрыты, губы стиснуты, а молчитъ, не вздохнетъ со стономъ. Съ оторванными пальцами, съ простр'ѣленными руками, тѣ даже какъ будто стѣсняются своихъ ранъ. Смущенно говорятъ:

— Съ такой пустяковиной—и въ больницу. Послѣ настоящаго раненаго стыдно и доктору показывать.

— Дома-то, бывало, занозу засадишь въ палецъ или на гвоздь напорешь, и боли-то сколько, хлопотъ, а тутъ: два пальца, али тамъ въ мягкое мѣсто... и герой.

— Стало быть и герой мягкій,—шутитъ сосѣдъ съ голой ногой, перевязывая себѣ икру.

Всѣ хохочутъ.

Смѣются послѣ семнадцати дней подъ шрапнелью, послѣ трехъ дней голоданья безъ сна, въ холодныхъ окопахъ. Смѣются — съ окровавленной повязкой каждый!..

А немного поодаль, среди здоровыхъ, уже подготовляются къ новому дѣлу.

Необходимо послать развѣдку, чтобы обслѣдовать, гдѣ стоитъ вражеская артиллерія и сколько орудій. Партія развѣдчиковъ къ полуночи собралась въ паркѣ. Къ развѣдчикамъ вышелъ священникъ-доброволецъ и, благословляя ихъ, сказалъ:

— Братья мои, собираясь исполнить свой долгъ передъ Царемъ и родиной, мужайтесь. Будьте бодры духомъ и плотью. Творите ваше дѣло честно и стойко.

Пошли. Подъ ногами звякаютъ коробки изъ-подъ австрійскихъ консервовъ.

Засвѣтилъ прожекторъ. Пронесся шопотъ: «ложись», и всѣ, какъ случилось, такъ и припали къ землѣ, точно цѣлуя ея холодное лоно. Какъ крысы развѣдчики по обломкамъ моста на шоссе перебрались на другой берегъ рѣки, гдѣ саперы лихорадочно строили окопы. Звякалъ топоръ, шуршали вѣтви деревьевъ и падала съ хлястомъ земля. Развѣдчики раздѣлились на группы. Офицеръ объяснилъ, что стрѣлять нельзя, а если надо — убивать врага штыкомъ.

Каждый шорохъ, каждый звукъ рождаютъ тревогу. По тѣлу пробѣгаетъ легкая дрожь. Каждый успокаиваетъ себя: это шалитъ вѣтерокъ. Глаза отъ напряженнаго вглядыванія вдаль ломитъ. Темнота рождаетъ страхи. Деревья кажутся людьми. Вѣтеръ — ихъ дыханіемъ.

Но вотъ развѣдчики уже въ 20-ти шагахъ отъ австрійскихъ позицій.

Видно, какъ волны австрійцевъ вливаются въ окопы и тамъ пропадаютъ.

Когда были добыты всѣ нужныя свѣдѣнія объ австрійской артиллеріи, развѣдчики пошли наутекъ. На другой день съ утра всѣ насторожѣ. Приказано быть въ полномъ боевомъ вооруженіи. День проходитъ томительно-скучно. Непріятно дѣйствуетъ и погода — вѣтеръ, дождь. Ровно въ 4 часа дня раздается залпъ нашихъ орудій. Впечатлѣніе грандіозное. Вмѣсто разрозненныхъ выстрѣловъ австрійцевъ, нашъ залпъ грянулъ мощно и гулко. Стрѣльба по австрійскимъ позиціямъ длилась до ночи. Жители повылѣзли изъ своихъ норъ и съ ужасомъ смотрѣли на начавшуюся канонаду. Наконецъ, двинулись полки.

— Въ атаку! — скомандовалъ нашъ полковникъ, и батальоны подъ проливнымъ дождемъ, по вязкой глинѣ полѣзли въ гору. Шрапнели рвались, безостановочно трахали пулеметы, а солдаты, какъ загипнотизированные, бѣжали и бѣжали, не обращая вниманія, что товарища разорвало на куски, а другому снесло голову. Бѣжали на пулеметы и мертвыми падали на ихъ холодную сталь и тѣмъ прекращали губительное дѣйствіе этихъ

Ровно въ 4 часа раздается залпъ нашихъ орудій.

безпощадныхъ косилокъ жизни. Австрійцы не выдержали и бросились бѣжать изъ окоповъ. Позиція была взята.

За горкой, слѣва, тянулась сожженная деревня, и только тамъ, въ концѣ этой деревни, барабанили пулеметы: разъ-два — пауза, разъ-два — новая пауза.

Ночь сгустилась грозная, зловѣщая. Пальба не прекращалась. Снаряды рвались тамъ и здѣсь и рыли глубокія ямы. Слѣдующіе два дня слились въ одно цѣлое. Кипѣла битва. Съ полудня пошелъ дождь

со снѣгомъ. Холодъ пробиралъ до костей. Промокшія ноги ныли, но нужно было лежать въ окопахъ и не двигаться. Солдаты страшно обрадовались, когда, наконецъ, былъ отданъ приказъ итти въ наступленіе. Двигаться было трудно. Австрійцы срубили передъ фортомъ вѣковой помѣщичій паркъ и гигантскими деревьями преградили путь къ форту. Нужно было взбираться по лѣстницамъ. Тамъ же, гдѣ не хватало деревьевъ, австрійцы поставили проволочныя заграждения. Но полки неудержимо шли впередъ до самой ночи. Съ наступленіемъ ночи бой прекратился.

Солдаты расположились на отдыхъ. Подвезли кухню и раздали всѣмъ порціи и хлебово. Въ первый разъ за долгое, трудное время успокоительный сонъ смежилъ очи русскихъ героевъ...

III.

Послѣ сраженія.

Съ утра свѣтитъ солнце. Но свѣтъ его не радуетъ взора: онъ освѣщаетъ жуткія мѣста недавнихъ сраженій, мѣста, гдѣ вчера еще только проходили войска, широкими массами проложившія дорогу черезъ поля и дороги.

И чѣмъ дальше, тѣмъ картина печальнѣе: деревня, строенія, ограды — все носитъ на себѣ свѣжія раны, нанесенныя сталемечущими чудовищами. Вездѣ виднѣются сокрушенныя балки, обрушенные кирпичи, пробитое желѣзо или страшныя царапины по камню и по металлу, словно отъ когтей небывало-огромнаго звѣря. Лѣсъ неподалеку весь искалѣченъ артиллерійскимъ

обстрѣломъ. Громадные стволы расщеплены гранатами, съ лѣсныхъ гигантовъ снарядами, словно кожа, содрана кора на аршинъ и больше; дубы и вязы просверлены пулеметными иглами; молодяки какъ будто перерублены пополамъ. Они мѣшали свободному обстрѣлу и ихъ безжалостно уничтожили. Грустно ѣхать по дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ, на равныхъ промежуткахъ, словно толстыя тумбы, величавые пни. Еще недавно здѣсь была тѣнистая аллея, одна изъ тѣхъ, что придаютъ особую прелесть пейзажамъ Западнаго края. Теперь дорога сразу обезличилась, не-то облысѣла, не-то ослѣпла. Потребуется цѣлое столѣтіе времени, чтобы вновь придать ей прежній видъ... Въ другомъ мѣстѣ отрублены и повалены на дорогу обрамлявшія ее высокія ветлы. Словно гигантскій хворостъ лежатъ онѣ, перекинувшись съ одного края на другой. Прежде путь здѣсь шелъ словно въ густой заросли, между двумя зелеными стѣнами, съ однимъ отдаленнымъ просвѣтомъ впереди. Теперь слѣва и справа открылись тонкія болотистыя низины. Дорога стала плоской и скучной.

И только вдали едва виднѣется какая-то деревенька, вѣрнѣе, то, что отъ нея осталось. Деревня имѣетъ одну улицу и потому тянется на нѣсколько верстъ. Отъ богатаго села остались однѣ развалины. Дерева и соломы нѣтъ; остатки каменныхъ печей съ почернѣвшими трубами. Только однѣ трубы. Жуткое впечатлѣніе производятъ эти печальные темные памятники, длинной вереницей стоящіе вдоль дороги, ставшей одной могилой.

На пригоркѣ развалины костела и сотни трубъ отъ какой-то фабрики, одиноко торчащихъ и странно уцѣ-

Отъ богатаго села остались одни развалины.

лѣвшихъ. А вокругъ все говоритъ о томъ, что было вчера. Вотъ группа крестьянъ, роющихъ братскую могилу; тамъ дѣвочка, пытающаяся подъ проливнымъ дождемъ развести огонь на уцѣлѣвшей печкѣ, чтобы сварить найденный среди труповъ картофель; козы, потерявшія своего владѣльца и прячущіяся на печкахъ у трубы отъ холоднаго осенняго вѣтра и дождя; брошенные пушки, ружья, патроны, снаряды и осколки; окровавленная одежда, бѣлье; медикаменты, бумага, записныя книжки, клочки и молитвенники на русскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ и татарскомъ языкахъ.

Одинокій путникъ проѣзжаетъ по этимъ полямъ сраженій, ходитъ среди могилъ, читаетъ одинокія надписи.

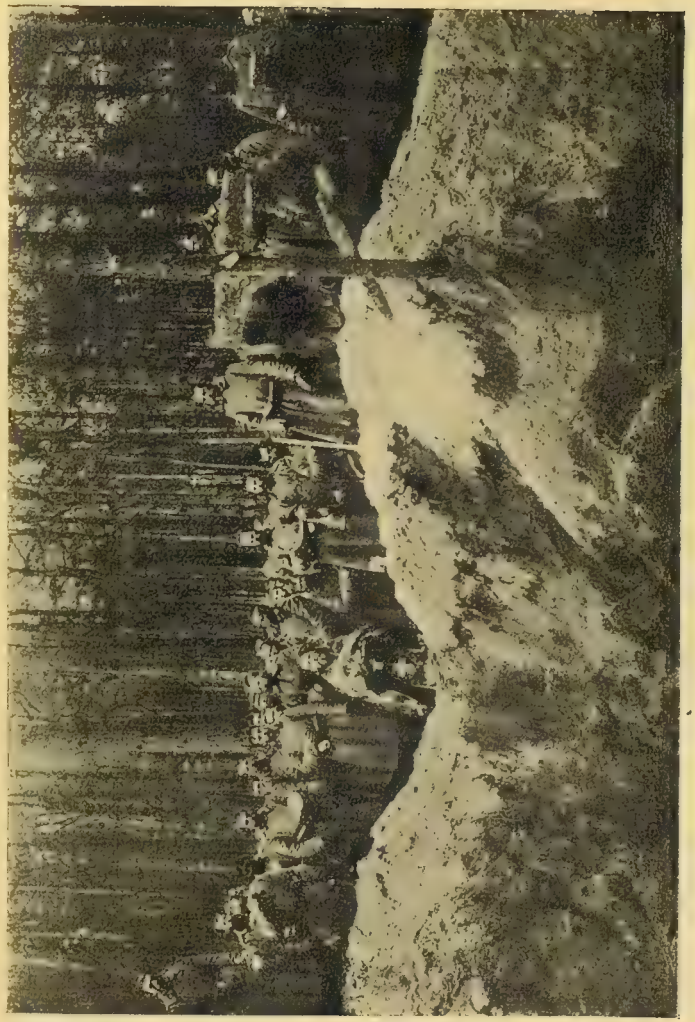
Въ самой деревнѣ, около училища, заваленнаго соломой, кто-то копошится. Тамъ размѣстились нѣсколько ротъ солдатъ. Вокругъ лежатъ сотни круговъ колючей проволоки, часть изгороди еще обтянута проволокой. На ней пока солдаты развѣсили для сушки рубахи, портянки, стиранные штаны. Въ концѣ колючаго забора солдаты копаютъ могилы.

— Казберюкъ, — выпрямляется одинъ изъ могилы и кличетъ здоровеннаго солдата отъ сосѣдняго двора, — поди сюда. Ты былъ въ японской войнѣ, — какъ копаютъ братскія могилы?

Казберюкъ подходитъ. Хозяйскимъ глазомъ глянулъ на вырытую землю и сказалъ:

— Песокъ... Копать легко... И сухо, — воды не будетъ...

Потомъ дѣловито, съ привкусомъ замѣтной гордости, что онъ-де это дѣло знаетъ, добавилъ:



У могилъ собрались сотни двѣ.

— Братскую могилу копаютъ такъ: квадратная сажень и поглубже. Кладутъ рядами. Положилъ рядъ и засыпаютъ известью. Потомъ опять рядъ накрестъ.

Подошелъ фельдфебель, заглянулъ въ могилу и сказалъ:

— Копай глубже: всѣхъ трехъ положимъ въ одну.

Въ школѣ, на черномъ крыльцѣ, показывается полковой священникъ въ подрясникѣ, съ епитрахилью на шеѣ. За нимъ вынесли трое носилокъ. Сквозь заборы съ сосѣднихъ дворовъ стали подходить солдаты. Всѣ съ обнаженными головами. Винтовки у кого въ рукѣ, у кого за спиною. У могилъ собрались сотни двѣ. Фельдфебель по привычкѣ хотѣлъ крикнуть:

— Шапки долой, на молитву!

Оглядѣлъ кругомъ, видитъ—всѣ безъ шапокъ, и какъ-то осѣкся. Священникъ началъ:

— Благословенъ Богъ нашъ...

У солдатъ лица стали углубленныя. Всѣ вперились глазами въ покойниковъ, а тѣ лежали на носилкахъ по-походному, — безъ гробовъ, обвёрнутые въ куски парусины. Одинъ былъ прикрытъ своею шинелью... Было уже около десяти утра. Священникъ и солдатъ-псаломщикъ запѣли: «Со святыми упокой, Христе, рабъ Твоихъ»... Сначала одинъ, потомъ и другіе робко, а далѣе и смѣлѣе запѣли и солдаты. Священникъ обошелъ носилки и произнесъ:

— Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшимъ рабамъ Твоимъ и сотвори имъ вѣчную память!

Опустились всѣ на колѣни и стройно и согласно вполголоса запѣли:

— Вѣчная память, вѣчная память, вѣ-чная па-амять!...

Много тутъ среди одинокихъ полей такихъ похороненныхъ въ окопахъ, просто засыпанныхъ землей, и изрѣдка крестъ изъ оголенныхъ вѣтокъ указываетъ, что это — мѣсто вѣчнаго упокоенія людей — неизвѣстно кого, своихъ или чужихъ, одного или многихъ. На нѣкоторыхъ крестахъ висятъ образки, монеты, веревочки, вѣнки, пулеметныя ленты... Рѣдко кто попадается на этихъ могильныхъ дорогахъ. Только иной разъ встрѣтишь одиноко идущую черезъ поле крестьянку-старуху, спрашиваешь дорогу и въ отвѣтъ на это слышишь жалобу, что ея сынъ пропалъ — его угнали австрійцы неизвѣстно куда. Изъ ихъ села непріятели угнали около 70 человѣкъ; сначала заставляли ихъ рыть окопы, а потомъ увели съ собой, — молодыхъ и стариковъ. Она говоритъ по-польски: «Былъ сынъ, а теперь не знаю гдѣ».

Но вмѣстѣ съ этимъ жуткимъ впечатлѣніемъ, которое внушаютъ поля сраженія, въ головѣ шевелятся и другія мысли. Несмотря на всѣ тѣ укрѣпленія, окопы, загражденія, которые возвели вотъ на этихъ мѣстахъ наши враги, чтобы сокрушить русскую мощь, несмотря на весь ихъ расчетъ, ничто не могло спасти ихъ отъ пораженія.

Наши солдаты, проводившіе иногда нѣсколько сутокъ въ переполненныхъ вагонахъ и совершившіе трудный ночной переходъ подъ дождемъ, являлись на поле битвы

бодрыми и готовыми на любой подвигъ. Солдаты покорно выжидали свое время подъ огнемъ, на позиціяхъ, вели перестрѣлку, стоя по колѣна въ холодной водѣ и въ концѣ концовъ рѣшали борьбу «штыковымъ» ударомъ.

Воздадимъ же должное имъ и, обозрѣвая поля сраженія, скажемъ: германское нашествіе на Варшаву разбилось о выносливость и мужество русскаго солдата, объ его вѣру въ свое дѣло и готовность за него умереть.

IV.

У походной кухни.

— Иншаллахъ! Зачѣмъ ходышъ? Зачѣмъ ходышъ?! Не ходы, нѣ чѣредъ! Нѣ твой чѣредъ!

— Дуракъ башка! Нѣ дамъ щей!

— Съ правой ногой! Въ затылыкъ! Станавысъ чѣредъ!

— Нѣ дамъ ныкому! Дуракъ башка!

— Иншаллахъ! Нѣ дамъ!

И патентованная крышка походнаго котла съ трескомъ опустилась, обрывая легкія струи ароматнаго пара, клубившагося горячимъ туманомъ надъ пышавшими жаромъ щами.

А Шарипъ Бердыхановъ стоялъ на подножкѣ въ классической позѣ героя, рѣшившагося умереть, но не сдаться. Правая рука его держала черпакъ, какъ бы фельдмаршальскій жезлъ, лѣвая покоилась на краю котла. Вся поза говорила: «Вы перейдете черезъ мой трупъ, прежде чѣмъ добраться до щей».

Толпа солдатъ съ минуту сыпала крѣпкими и звонкими ругательствами и остротами, но «басурманъ проклятый», «бритая башка» не поводилъ бровью. Онъ еще больше походилъ на классическаго героя, равнодушнаго и спокойнаго подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Наконецъ кто-то изъ толпы мѣтко опредѣлилъ положеніе, воздавая до нѣкоторой степени воинскія почести непреклонности героя: «у, чортъ стоеросовый!»

У походной кухни.

Затѣмъ солдаты становились въ очередь, крышка котла открывалась, клубы освобожденнаго пара снова щекотали обоняніе, проникая, казалось сквозь ноздри до самой глубины голодныхъ желудковъ и обволакивая ротъ слюной. И въ подставляемую посуду Шарипъ клалъ то, что каждому полагалось — съ точностью необыкновенной.

Эта сцена повторялась ежедневно. И ежедневно солдаты нарочно толпились у походной кухни, суя Шарипу

не въ очередь котелки, каждый день онъ захлопывалъ крышку, ругался, претерпѣвалъ ругань и поношенія и затѣмъ торжествовалъ побѣду. Это былъ какъ бы обязательный предъ-обѣденный обрядъ, въ сущности невинное развлеченіе, беззлобное и — странны законы любви! — любовное. Солдаты любили «бритую башку», зная что Шарипъ «помираетъ изъ-за щей», а татаринъ исправлялъ свое скромное дѣло съ изумительной преданностью своей ротѣ.

Надо было его видѣть въ тѣ дни, когда рота отходила такъ далеко, что подрядчикъ не успѣвалъ доставить ей мяса. Шарипъ ходилъ самъ не свой, ворчалъ сквозь зубы какія-то татарскія слова, въ которыхъ, судя по его тону, несомнѣнно разбиралъ всѣ душевныя и физическія свойства подрядчика съ самой нелестной для того стороны и дѣлалъ не менѣе суровый обзоръ его близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Татаринъ поминутно поглядывалъ на солнце, хлопалъ себя по бедрамъ и восклицалъ:

— Дэнъ бэжытъ, болванъ сыдытъ!

Наконецъ терпѣніе его лопалось; онъ садился на одну изъ уносныхъ лошадей и скакалъ въ роту, гдѣ докладывалъ командиру:

— Вашускуродіе, вэшай Козловъ! Мяса нэтъ!

Это вовсе не значило, что Шарипъ предлагаетъ за недостаткомъ говядины, пропитать сегодня роту козлинымъ мясомъ, при чемъ убить козловъ посредствомъ повѣшенія. Козловъ былъ подрядчикъ, т.-е. тотъ самый «болванъ», который «сыдытъ», когда «дэнъ бэжытъ»; по глубокому убѣжденію Шарипа, личный врагъ его

и недоброжелатель роты. Въ дѣйствительности этотъ Козловъ, шустрый ярославецъ, сразу вошелъ въ тонъ этой войны и, не думая почти о барышахъ, изъ кожи лѣзъ, добывая припасы для части. Шарипъ воевалъ съ нимъ безпощадно.

— Зачѣмъ вчэра нѣтъ мяся? Зачѣмъ рота животъ пустой? Зачѣмъ нѣ нашелъ? Зачѣмъ дѣнги получалъ?

Придирчивъ былъ Шарипъ невѣроятно. Но все это больше для формы. Особенно разбираться, тощая ли, жирная ли привезена говядина, на войнѣ не приходилось.

Козловъ довольно терпѣливо относился къ придиркамъ и ругани кашевара, прежде всего потому, что дѣло было «на-чистоту», т.-е. онъ не покушался на какія-либо плутни (онъ сразу почувствовалъ, что эта война — особое дѣло, когда надо «о душѣ подумать»...); и Шарипъ былъ для него неуязвимъ съ этой стороны, потому что Козлову и въ голову не приходило предложить ему какую-нибудь мзду — татаринъ, пожалуй, убилъ бы. Соображалъ ярославецъ и то, что Шарипу вся рота, офицеры и солдаты вѣрятъ на слово, зная его честность и преданность. Подрядчикъ ограничивался только тѣмъ, что дразнилъ Шарипа:

— Вотъ погоди, домой вернемся, тебя твои попы въ семи водахъ мыть будутъ... Свинины нажрался! А вамъ этого нельзя. Не приказано.

Шарипъ выходилъ изъ себя, дико вращалъ глазами и кричалъ:

— Отойды! Уб-бью!

Дѣло было въ томъ, что Козловъ, за недостаткомъ рогатаго скота, неоднократно доставалъ въ роту сви-

нину. Но въ эти дни, по приказанію командира, евреямъ и татарамъ выдавалась двойная порція каши. Конечно, Шарипу это дѣлалось извѣстнымъ первому и свинины онъ не ѣлъ. Но почему-то Козлову удавалось каждый разъ выводить его этимъ изъ себя. Татаринъ долго ругался, скрипя зубами.

Въ полкъ онъ попалъ незадолго до войны. Небольшого роста, толстый татаринъ съ круглымъ скуластымъ лицомъ, поступилъ въ полкъ по послѣднему набору. Въ первые же дни этотъ новобранецъ оказался настолько тугимъ на уразумѣніе строя и ружейныхъ пріемовъ, что обучавшій новобранцевъ офицеръ скоро отчаялся въ возможности сдѣлать изъ него солдата. Непреодолимымъ камнемъ преткновенія для Шарипа оказалось знаніе правой и лѣвой стороны. Обучали его и съ помощью классическихъ приспособленій — сѣно, солома, — т.-е. навязывали на одну руку клокъ сѣна, на другую — пучокъ соломы. Сѣно и солому Шарипъ уразумѣлъ, а дальше ни тпрру, ни ну... А старался, изо всѣхъ силъ старался. Но видно какого-то винтика у него не хватало.

По ночамъ вставалъ и командовалъ самъ себѣ:

— Сэно!.. Солома!..

И дѣлалъ повороты.

Рѣшили опредѣлить его на нестроевую должность. Тутъ и выяснилось, что Шарипъ служилъ въ Казани поваромъ въ трактирѣ.

Какъ только поставили его къ котлу, перемѣнился человѣкъ. То ходилъ съ растерянным видомъ, жалкій, унылый, даже похудѣлъ: кожа на толстыхъ щекахъ

обвисла. А тутъ откуда взялась расторопность, сметка. И щеки опять залоснились, и глаза повеселѣли. Отъ неудачнаго обученія непонятной для Шарипа строевой премудрости у него остались только новыя поговорки:

— Съ правой ногой!

— Лэвый плэчо кругомъ!

— Въ затылыкъ!

И такъ далѣе.

Когда началась война, Шарипу дали въ завѣдываніе обѣ ротныхъ походныхъ кухни. Состоявшій при второмъ котлѣ флегматикъ хохолъ Онуфрій Матвѣевичъ — изъ запасныхъ — былъ личностью мало замѣтной. Основнымъ и господствующимъ свойствомъ его характера была непреодолимая лѣнь. Поэтому онъ очень охотно подчинился Шарипу, который съ лихвой награждалъ его за утрату самостоятельности почти полнымъ освобожденіемъ отъ всякой работы.

Когда Шарипъ начиналъ хлопотать около котловъ, Онуфрій Матвѣевичъ для соблюденія приличій заявляетъ:

— Якъ голова гуде!

И укладывался вздремнуть подъ кустикомъ или, за отсутствіемъ кустовъ, просто подъ обозной телѣгой. Но, сдавая Шарипу на полную его волю свою кухню, хохолъ неизмѣнно говорилъ:

— Эге, бисовъ сынъ! Щобъ усе було ладно!

Шарипъ также неизмѣнно отвѣчалъ:

— Голова болытъ — спы! Хорошо будэтъ!

И принимался хлопотать у обѣихъ кухонь.

Днями торжества для Шарипа были провѣрки начальствомъ качества пищи.

Корпусный командиръ, попробовавъ наварныхъ шариповыхъ щей и каши, съѣлъ всю «порцію» и раза три похвалилъ татарина.

Шарипъ не изъ личнаго, конечно, хвастовства, а изъ искренняго желанія поддержать продовольственную, такъ сказать, честь своей роты, заявилъ въ отвѣтъ на генеральскую благодарность:

— Радъ старатьцы, ваша превусхудытэльства! Кушый на здоровье! Плохой щи — вчера лучшэ былъ, завтра ещо лучшэ будэтъ! Кушый еще!

И хотѣлъ было налить генералу еще порцію щей. Хотя вся эта рѣчь была въ сущности нарушеніемъ дисциплины, но Шарипъ говорилъ такъ горячо и убѣдительно, что генералъ засмѣялся и, отказываясь отъ второй порціи «плохихъ щей», еще разъ похвалилъ Шарипа и подарилъ ему рубль. Генеральскій рубль Шарипъ завернулъ въ бумажку и спряталъ въ среднее отдѣленіе — съ замочкомъ — своего объемистаго кошеля. Хвастаясь, онъ его показывалъ солдатамъ, держа двумя пальцами съ такой осторожностью, какъ будто бы этотъ рубль былъ какой-то очень хрупкой драгоцѣнностью.

— Большой анаралъ давалъ. Щы кушалъ, много кушалъ, менэ хорошо говорылъ, рубъ давалъ.

Теперь Шарипъ лежитъ въ госпиталѣ. Онъ дважды раненъ — въ руку и въ ногу — и контуженъ осколкомъ въ лѣвый бокъ. Татаринъ искренно тоскуетъ по своей ротѣ. Онъ глубоко убѣжденъ, что безъ него некому накормить роту.

— Онуфры башка плохой, болытъ, спытъ ночь, спытъ, дэнъ. Козловъ... Я говарылъ командыръ: вэшай Козловъ. Тэпэрь что?

И онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ говорилъ, что вотъ теперь, въ эту минуту, рота навѣрное стала на бивуакѣ и ждетъ кухонь, а Козловъ, конечно, опоздалъ, не привезъ во-время мяса, а Онуфрій Матвѣевичъ спитъ, ему что до того, что рота голодна...

Шарипъ выздоравливаетъ, но выпустятъ изъ госпиталя его еще не скоро. Раны то поджили, а контузія даетъ себя знать. Несмотря на непрекратившіяся еще боли, Шарипъ ежедневно надоѣдаетъ врачу и сестрамъ просьбами, чтобы его отпустили въ полкъ:

— Нэлза, вашускуродіе! Рота кушытъ хочэтъ! Безъ менэ Козловъ мяса не везэтъ. Дэнъ бэжытъ, Онуфры спытъ, мяса нэтъ, рота нэ кушытъ! Пусты, вашускуродіе. Здоровъ буду, чэстно слово, здоровъ буду. Пусты! Нэ болытъ!

Военно-кулинарная карьера Шарипа прервалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Рота съ вечера была выслана впередъ, въ сторожевую цѣпь. Кухни были оставлены при обозѣ, и кашевару было приказано ждать распоряженій. Часовъ съ двухъ ночи въ обозѣ услыхали сначала отдаленные звуки ружейной перестрѣлки откуда-то слѣва, потомъ справа, тоже очень далеко, забухали взрывы артиллерійскихъ снарядовъ. Ружейная трескотня съ минуты на минуту становилась явственнѣе. Очевидно, впереди по всей линіи разгорался бой.

Часа въ два ночи мимо стоянки обоза пронеслись,

звеня и грохоча, двѣ конныхъ батареи. Обозные солдаты бросали артиллеристамъ жадные вопросы, гдѣ идетъ бой, но тщетно. Артиллеристы, повидимому, страшно спѣшили: подъ гулкими ударами плетокъ лошади плотно влегли въ постромки и, роняя по дорогѣ бѣлые клочья пѣны съ потемнѣвшихъ отъ пота и оскаленныхъ мордъ, тяжело скакали, таща грузныя орудія. Лица ѣздовыхъ были сурово напряжены. Обозные солдаты стояли кучками, нервно прислушиваясь къ грозному говору пушекъ и къ скороговоркѣ ружейнаго и пулеметнаго огня.

Шарипъ проснулся еще раньше другихъ и зачѣмъ-то сталъ чистить котлы, повинуясь безотчетному чувству, заставлявшему его что-то дѣлать, работать, вообще не сидѣть, сложа руки, когда рота тамъ дерется. Такъ-же, какъ и другіе, онъ чутко прислушивался къ далекимъ отзвукамъ боя и, что-то ворча и бормоча, усердно теръ пескомъ давно уже заблестѣвшія, какъ серебро, внутреннія стѣнки котла...

Въ пятомъ часу утра въ обозъ прискакалъ ординарецъ бригаднаго командира и передалъ приказъ немедленно отходить назадъ. Поднялась суета. Начали крѣпить веревки на поклажѣ и запрягать лошадей.

Къ Шариповымъ котламъ ѣздовые подвели лошадей и начали было запрягать. Шарипъ, верхняя половина туловища котораго пребывала въ это время въ котлѣ, почувствовалъ, что кухня шатнулась, выпрямился и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на ѣздовыхъ.

— Зачимъ?

— Чего тамъ зачѣмъ! Отходить приказано.

И Шариповъ ѣздовой, Максимка, — какъ его звали всѣ, — тщедушный тульскій мужичокъ, обыкновенно тихій и вялый, быстро и ловко дѣлалъ свою привычную крестьянскую работу: пристегивалъ постромки и т.д.

— Зачимъ запрыгаеэшъ? Зачимъ? Гдэ рота? Тамъ. Гдэ мы? Тутъ. Куды ѣхать? Зачимъ ѣхать?

Максимка, молча, продолжалъ возиться съ лошадьми. Шарипъ слѣзъ съ кухни и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ Максимкѣ.

— Говоры, гдэ рота? Тамъ? Мы тутъ. Рота утромъ кушытъ хочэтъ. Ночь нэ спалъ, стрэлялъ, кушыть надо. Нэ поэду.

Максимка больше не возражалъ и спокойно сталъ отпрягать лошадей. Скоро обозъ двинулся. Остались только двѣ походныхъ кухни, Шарипова и Онуфрія Матвѣевича. Хохолъ проспалъ всю ночь, не просыпаясь, и теперь лежалъ у своей кухни, плотно съ головой накрывшись шинелью.

Шарипъ до разсвѣта хлопоталъ около кухонь, чистилъ картофель, мылъ капусту, перебиралъ не совсѣмъ чистую крупу. Какъ только забрезжило, онъ растолкалъ Максимку, прикурнувшаго тутъ же, у колеса.

— Садысь лошадь, бѣги Козловъ, говоры мясо сычасъ!

Максимка покорно сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ подрядчику, закупавшему провіантъ въ 10 верстахъ, въ небольшомъ еврейскомъ мѣстечкѣ.

Черезъ два съ половиной часа Шарипъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія, наконецъ услышалъ бѣгъ лошади и отдаленный скрипъ телѣги. Скоро Максимка съ Коз-

ловымъ подъѣхали. Козловъ привезъ мясо. Шарипъ не сталъ пререкаться съ подрядчикомъ и, поспѣшно обмывъ мясо, бросилъ его въ котлы. Въ одиннадцатомъ часу обѣ кухни, запряженныя — по мѣстной плохой дорогѣ — каждая четверикомъ, во весь опоръ мчались къ позиціямъ, гдѣ все гремѣло и трещало.

Скоро дорога кончилась; вѣрнѣе, дорога, поле, канавы слились въ одну однообразную болотистую равнину, залитую водой и мѣстами лишь вспухавшую зелеными пригорками. Зная приблизительно мѣсто назначенія роты, Шарипъ велѣлъ взять Максимкѣ прямикомъ. И кухни покатились по водѣ, разметывая грязныя брызги. Но вотъ что-то жикнуло въ воздухѣ и звонко шлепнуло въ воду. Еще... Еще... Шарипъ замоталъ головой.

— Скорэй, скорэй гоны! Стрэлаэтъ!

Максимка хотѣлъ что-то сказать, но словно икнулъ, схватился рукой за горло и, тихо-тихо наклонившись, упалъ съ облучка въ воду. Шарипъ перехватилъ выпавшія изъ его рукъ вожжи и, натянувъ ихъ изо всей силы, остановилъ лошадей. Соскочилъ. Поднялъ Максимку. А у того глаза уже постеклѣли.

— Эхъ! — сказалъ Шарипъ и, вскочивъ на облучокъ, погналъ лошадей. Выѣзжая на сухое мѣсто, онъ оглянулся и увидалъ, что вторая кухня давно отстала и остановилась посреди болота. Онуфрій Матвѣевичъ стоитъ и машетъ ему руками.

Шарипъ крикнулъ:

— Сюды скорэй! Мяса мало, щы мало!

И поѣхалъ дальше, уже не оглядываясь и поминутно настегивая лошадей. Воздухъ кругомъ словно

пѣлъ и звенѣлъ. Издали близилось громко жужжаніе, все громче и громче, все грознѣе и грознѣе. Ббухъ! — что-то шлепнулось, брызнуло, рвануло воздухъ. Одна изъ лошадей передней запряжки упала на колѣни и громко кричала. Шарипъ хотѣлъ крикнуть на нее, но не могъ. Его только что ожгло по боку, точно палкой ударило. Кряхтя, онъ слѣзъ съ кухни и, отстегнувъ постромки передней запряжки, поѣхалъ на парѣ.

Черезъ десять минутъ Шарипъ подъѣхалъ къ окопамъ своей роты. Онъ былъ смертельно блѣденъ. По пальцамъ безсильно повисшей лѣвой руки обильно струилась кровь. Правая щека была разорвана скользнувшей по ней пулей и нижная часть уха висѣла краснымъ лоскутомъ. Его окружили, снесли въ окопъ. Онъ слабо простоналъ:

— Щы! Мясо!

И потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, командиръ ласково-сердитымъ голосомъ сказалъ ему:

— Куда ты поперъ, сумасшедшій? На что намъ сейчасъ твои щи? Мы сейчасъ въ штыки пойдемъ.

— Сначалы кушытъ будэмъ, помыратъ потомъ будэмъ! — убѣжденно отвѣтилъ Шарипъ и, заведя глаза, опять лишился чувствъ.

Послѣ удачной атаки солдаты съѣли и щи и мясо, а Шарипа бережно отнесли на перевязочный пунктъ [1]).

---

[1]) Этотъ эпизодъ произошелъ въ дѣйствительности и описанъ въ журналѣ «Заря».

НАШИ ГЕРОИ.

I.

Герой Львова.

— Сегодня, по приказанію Его Императорскаго Величества, въ ставку пріѣдетъ генералъ Рузскій, — сообщилъ за завтракомъ въ вагонѣ-столовой одинъ изъ старшихъ офицеровъ штаба.

Это было въ понедѣльникъ, 22-го сентября.

Генералъ-адъютантъ Рузскій.

Герой Львова, герой второй отечественной войны, имя котораго, мало извѣстное до сихъ поръ, сейчасъ повторяется въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ нашего отечества съ восторгомъ, съ обожаніемъ. Конечно, набралось немало желающихъ видѣть знаменитаго генерала. Черезъ полчаса всѣ, получившіе разрѣшеніе, были возлѣ поѣзда Верховнаго

Главнокомандующаго. Здѣсь, на перекресткѣ двухъ шоссе, уже ожидало нѣсколько человѣкъ.

— Погода-то, погода, — райская! — замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Дѣйствительно, утро было удивительное. Небо густо-бирюзовое, безъ единаго облачка, яркое солнце. Совсѣмъ лѣто, если бы не ярко-золотой съ багровыми отливами осенній уборъ лѣса.

Не успѣли, однако, распространиться насчетъ погоды, какъ со стороны поѣзда показалась величественная фигура Верховнаго Главнокомандующаго. Какъ всегда, на лицѣ великаго князя играла привѣтливая улыбка. Поздоровавшись, Верховный Главнокомандующій отошелъ нѣсколько въ сторону и сталъ разговаривать съ однимъ изъ генераловъ. Въ ту же минуту вдали по шоссе показался автомобиль. Еще черезъ минуту онъ остановился шагахъ въ двадцати отъ собравшихся. Первымъ выскочилъ изъ автомобиля полковникъ, за нимъ—генералъ Рузскій. Сбросивъ шинель, онъ направился къ великому князю.

Выше средняго роста, худощавый, съ крупными, рѣзкими чертами лица, съ сѣро-сѣдыми, нѣсколько нависшими густыми усами, удивительно спокойный въ движеніяхъ.

«Такъ вотъ онъ каковъ, герой нынѣшней войны!» — подумалъ не одинъ изъ собравшихся. — «Человѣкъ, имя котораго, несомнѣнно, будетъ вписано въ исторіи».

Люди, хорошо знающіе генерала Рузскаго, говорятъ, что отличительными чертами его характера являются скромность и настойчивость. А еще къ его характеристикѣ

добавляютъ слѣдующее. Генералу Рузскому за свою многолѣтнюю службу приходилось очень много разъ участвовать въ различныхъ комиссіяхъ, гдѣ горячо обсуждается какой-нибудь вопросъ, произносятся громовыя рѣчи. Одни яростно нападаютъ, другіе такъ же яростно защищаются. А Рузскій сидитъ и молчитъ. Упорно молчитъ. Наконецъ, предсѣдательствующій обращается къ нему:

— Быть можетъ, вы желаете высказаться по этому поводу?

— Если позволите!

Скажетъ коротко, ясно и всегда такъ, что пренія сразу прекращаются: нечего возразить и нечего больше добавить.

— Идемъ же скорѣе! — Верховный Главнокомандующій нетерпѣливо подхватилъ генерала Рузскаго подъ руку и, не давъ ему поздороваться съ присутствующими, быстро повелъ къ поѣзду Государя Императора.

Въ тотъ же день, часа черезъ два, чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго были осчастливлены Монаршей милостью: Государь Императоръ выразилъ желаніе сняться среди офицеровъ штаба.

На небольшой полянкѣ возлѣ царскаго поѣзда были поставлены двѣ длинныя скамьи. Возлѣ нихъ разостлали нѣсколько шинелей. Большими группами стали подходить офицеры. Наконецъ, всѣ въ сборѣ. Фотографъ штаба установилъ аппаратъ. Оживленіе, разговоры, шутки. Изъ устъ въ уста передается послѣдняя новость:

— Генералъ Рузскій Высочайше пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта.

Прошло нѣсколько минутъ.

Изъ салона-вагона вышелъ Его Императорское Величество въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича, Петра Николаевича и Кирилла Владиміровича, министровъ военнаго и Двора, дворцоваго коменданта и начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Янушкевича. Милостиво раскланявшись съ офицерами, Государь Императоръ занялъ мѣсто въ центрѣ группы, имѣя съ лѣвой стороны Верховнаго Главнокомандующаго и генерала Рузскаго, а съ правой — генерала Янушкевича. Нѣсколько разъ щелкнулъ аппаратъ. Готово, — снято. Удостоивъ послѣ съемки милостиваго разговора нѣкоторыхъ генераловъ, Государь Императоръ вернулся въ поѣздъ.

Офицеры окружили генерала Рузскаго и поздравляютъ съ Монаршей милостью.

— Покорнѣйше благодарю, господа! — съ видимымъ смущеніемъ кланяется во всѣ стороны генералъ. — Извините, некогда. Нужно ѣхать. Вонъ и автомобиль уже поданъ.

— Позвольте! А вѣдь погоны у генерала на шинели не адъютантскіе! — замѣчаетъ кто-то.

— Какъ быть?

— Давайте вашу шинель! — обратился вдругъ къ генералу Рузскому Верховный Главнокомандующій. — Прикажите перешить съ моей шинели на генеральскую! — приказалъ Великій Князь одному изъ офицеровъ.

Приказаніе было исполнено очень быстро. Черезъ пять минутъ генералъ Рузскій садился въ автомобиль

Его Императорское Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, Верховный Главнокомандующій, среди офицеровъ штаба.

въ шинели, на которой красовались генералъ-адъютантскіе погоны. Раздались перебои мотора.

— Счастливаго пути!

Ген.-адъют. Рузскій отбываетъ на автомобилѣ изъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

— Успѣха въ дальнѣйшемъ!

Автомобиль уже далеко, а собравшіеся все еще продолжаютъ махать фуражками.

II.

Геройская смерть П. Н. Нестерова.

(Записано со словъ раненаго офицера-летчика товарища Нестерова и очевидца его послѣдняго полета.)

Я былъ, — говоритъ этотъ офицеръ, — въ городѣ Ж... въ тотъ моментъ, когда показался австрійскій аэропланъ. Обыкновенно они летаютъ высоко, —

около двухъ тысячъ метровъ. Тутъ же австріецъ шелъ на высотѣ 900—1000 метровъ. Медленно и плавно онъ сдѣлалъ кругъ надъ городомъ и началъ дѣлать второй. Въ городѣ по аэроплану началась безпорядочная трескотня.

Военный летчикъ шт.-кап. П. Н. Нестеровъ.

Нестеровъ, какъ мнѣ потомъ разсказывали товарищи, уже сидѣлъ на автомобилѣ и собирался уѣзжать съ аэродрома, когда показался аэропланъ противника.

Соскочивъ съ автомобиля, Петръ Николаевичъ приказалъ выкатить аппаратъ для взлета и поднялся въ погоню за австрійцемъ.

Когда я услышалъ знакомый шумъ мотора и увидѣлъ «Моранъ», я сразу же рѣшилъ, что это Нестеровъ хочетъ испугать врага, такъ какъ ни въ коемъ случаѣ не могъ предположить, что Петръ Николаевичъ дѣйствительно на него нападетъ. Австріецъ въ это время шелъ надъ городомъ, прямо на западъ, слегка забирая высоту. Очевидно, онъ увидѣлъ все, что ему

было нужно. Нестеровъ же на своемъ быстроходномъ «Моранѣ» обходилъ городъ съ южной стороны и, быстро поднимаясь, шелъ наперерѣзъ австрійскому, какъ охотникъ идетъ наперерѣзъ волку.

«Моранъ» быстро догонялъ австрійца, поднимаясь все выше и выше. Вотъ они уже на одной высотѣ, вотъ уже Нестеровъ выше противника и дѣлаетъ надъ нимъ кругъ. Австрійцы замѣтили появленіе страшнаго врага. Видно было, какъ ихъ аэропланъ началъ слегка снижать. Очевидно, летчикъ далъ на спускъ при полномъ моторѣ, чтобы увеличить скорость аппарата. Но уйти отъ быстроходнаго «Морана» было невозможно. Онъ зашелъ сзади, догналъ австрійца и, какъ соколъ бьетъ неуклюжую цаплю, такъ и Нестеровъ ударилъ противника. Сверкнули въ воздухѣ бѣлыя крылья «Морана», и онъ врѣзался въ австрійскій аэропланъ. Черезъ мгновеніе аппаратъ уже летѣлъ внизъ моторомъ, медленно кружась вокругъ продольной оси.

— Планируетъ! — крикнулъ кто-то, но я, какъ спеціалистъ, видѣлъ, что такое паденіе смертельно. Австріецъ послѣ удара моментъ еще держался. «Неужели напрасная жертва?» — мелькнуло у меня въ головѣ. Но вотъ и громоздкій бипланъ медленно повалился на лѣвый бокъ, потомъ перевернулся носомъ внизъ и сталъ стремительно падать. Болѣе тяжелый, онъ быстро перегналъ «Морана» и упалъ первымъ.

Всѣ въ городѣ, тихо и напряженно слѣдившіе за воздушной драмой, послѣ паденія аппаратовъ вдругъ закричали и забѣгали. Многіе говорили, что видѣли въ бинокль, какъ кто-то вылетѣлъ изъ аппарата во время

столкновенія; но изъ какого — никто, конечно, сказать не могъ. Я вскочилъ въ автомобиль и помчался вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ къ мѣсту катастрофы.

«Моранъ» Нестерова лежалъ на сухомъ полѣ, около болота. Передняя часть его и шасси были разбиты вдребезги. Мотора не было, рули были погнуты. Дальше, шагахъ въ двадцати къ западу лежалъ самъ Нестеровъ. Черепъ его былъ слегка смятъ, но тѣло разбито не особенно сильно.

Тутъ же, неподалеку отъ «Морана», лежалъ австріецъ, очевидно, выпавшій при паденіи изъ аппарата. Дальше, шагахъ въ сорока, въ болотѣ, лежалъ разбитый австрійскій аэропланъ.

Я подошелъ къ убитому австрійцу. Правая половина лица его была разбита, но все-таки лицо формы не потеряло. Орлиное, усатое, оно было спокойно. Руки разбросаны въ стороны, и когда я смотрѣлъ на него съ цѣлой стороны, то, казалось, что этотъ человѣкъ мирно спитъ.

Австрійца стали обыскивать и нашли у него воинское свидѣтельство.

— «Унтеръ-офицеръ Францъ Малина», — прочиталъ кто-то.

— Нашъ братъ, славянинъ, — тихонько отозвался стоящій рядомъ солдатикъ.

Сбѣжавшіеся солдаты и казаки старались вытащить изъ болота австрійскій аэропланъ. Это былъ трехмѣстный бипланъ «Альбатросъ», нѣмецкой работы, совершенно новенькій.

Онъ такъ увязъ въ болотѣ, что человѣкъ пятьдесятъ солдатъ долго не могли сдвинуть его съ мѣста.

Наконецъ, аэропланъ сдвинулся, и въ тотъ же моментъ кто-то изъ солдатиковъ закричалъ:

— Стойте, стойте! Тутъ еще человѣкъ лежитъ.

Изъ болота вытащили еще одного австрійца. Лицо его было сплошнымъ кровоподтекомъ и страшно изуродовано. У него нашли тоже бумагу, съ его портретомъ и надписью: «Лейтенантъ Розенталь».

Вокругъ Нестерова и австрійцевъ толпились люди. По шоссе прибывали все новыя и новыя лица. Изъ отношенія окружающихъ сразу было видно, кого мы потеряли въ лицѣ героя Нестерова. Каждый, вновь прибывшій, спрашивалъ:

— Неужели это Нестеровъ? — и, услыхавъ утвердительный отвѣтъ, многіе добавляли:

— Какъ жаль! Такой человѣкъ погибъ изъ-за какого-то австрійца! Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Многіе плакали. Какой-то докторъ отошелъ къ сторонкѣ и плакалъ навзрыдъ, повторяя:

— Зачѣмъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?..

Послѣ осмотра тѣло Нестерова положили на автомобиль и увезли. Затѣмъ увезли и австрійцевъ. Всѣ разошлись. Я пошелъ бродить по полю и саженяхъ въ ста отъ мѣста паденія, нашелъ кусокъ австрійскаго аппарата, а шагахъ въ двадцати отъ него — морановское стекло, защищающее летчика отъ вѣтра. Очевидно, эти части отвалились въ моментъ удара. Моторъ Нестерова попалъ въ болото недалеко отъ австрійскаго аппарата и также сильно увязъ.

Какимъ же образомъ произошло столкновеніе? За день передъ своей смертью Нестеровъ, въ кругу товарищей,

сказалъ: «А что если попробовать ударить австрійца колесами шасси по верхней плоскости и такимъ образомъ перевернуть его аппаратъ? Вѣдь самому можно потомъ выравняться». Ему возразили, что это — вещь почти невозможная, такъ какъ трудно учесть скорости аппаратовъ и трудно разсчитать моментъ удара. «А все-таки можно попробовать», — возразилъ Петръ Николаевичъ.

Очевидно, при видѣ австрійца у Нестерова явилось непреодолимое желаніе «попробовать». Догнавъ его, онъ началъ снижаться, чтобы ударить аппаратъ по верхней плоскости, но промахнулся и ударилъ подъ плоскость. Поэтому ударъ пришелся крыломъ и моторомъ, при чемъ сила удара была такова, что валъ мотора лопнулъ и моторъ оторвался. Послѣ удара «Моранъ» сталъ падать и, падая, очевидно, ударился рулями объ аппаратъ австрійца. Это видно изъ того, что, несмотря на паденіе аппарата носомъ, рули оказались сильно погнуты. Управленіе было потеряно и спасеніе невозможно. Шансовъ выйти изъ борьбы цѣлымъ, по-моему, у Нестерова почти не было, такъ какъ подвести аппаратъ горизонтально прямо къ верхней площади летящаго аэроплана не представляется возможнымъ изъ-за струи винта[1]). Нестеровъ, конечно, это зналъ. А разъ аппаратъ не у пилота въ рукахъ, то всѣ расчеты должны пойти прахомъ. Такъ и случилось.

Конечно, далеко не всѣ воздушныя развѣдки кончаются такъ печально. Большинство летчиковъ благо-

---

[1]) Воздушная струя, получающаяся при работѣ винта, настолько сильна, что никакой аппаратъ, попавшій въ нее, не можетъ сохранить равновѣсія.

получно прилетаетъ обратно, раздобывъ нужныя свѣдѣнія. Геройская смерть Нестерова только еще больше воодушевила нашихъ летчиковъ, и они часто спасаются изъ такого положенія, изъ котораго, кажется, уже нѣтъ никакого выхода. И только благодаря своей смѣлости и находчивости.

Вотъ, напримѣръ, въ какія обстоятельства попалъ летчикъ, ротмистръ Н., слывущій за самаго остроумнаго человѣка въ полку.

Съ капитаномъ генеральнаго штаба онъ былъ высланъ въ дальнюю развѣдку, въ глубь непріятельскаго расположенія. Это — самая опасная развѣдка. Путь «туда» былъ удаченъ, но на обратномъ пути моторъ «зашалилъ». Чуткое ухо авіатора уловило «перебои». Пришлось спуститься для осмотра аппарата.

На ротмистрѣ — обычная кожаная тужурка и головной уборъ. Погоны пристегнуты. На капитанѣ — обычная «гимнастерка». Принялись за работу. Вдругъ изъ-за холмика вынырнулъ австрійскій дозоръ — 7 человѣкъ съ унтеромъ. Ротмистръ Н., вооруженный только револьверомъ, не могъ и помышлять о сопротивленіи. Остроуміе выручило. Обращаясь къ дозору, пилотъ во всю силу легкихъ потребовалъ его къ себѣ.

Бѣдный «унтеръ», вообразивъ передъ собой важное и строгое начальство, бросился къ аппарату и сдѣлался ревностнымъ помощникомъ развѣдчиковъ. Помогъ сняться и только тогда понялъ хитрость, когда ротмистръ пожелалъ ему счастливаго пути.

«Унтеръ» попробовалъ исправить свою оплошность и открылъ огонь, но было слишкомъ поздно.

III.

Подвигъ поручика Парта.

(Письмо командира роты къ ректору Петроградскаго университета.)

«Въ ночь на 5-е сентября былъ убитъ на передовыхъ позиціяхъ поручикъ Парта, призванный изъ запаса студентъ Петроградскаго университета. Это былъ храбрый офицеръ, въ короткое время снискавшій любовь подчиненныхъ и товарищей.

Мнѣ хотѣлось бы, какъ его бывшему ротному командиру, чтобы память о немъ не умерла вмѣстѣ съ нимъ.

Боевая обстановка не позволяетъ мнѣ подробнѣе остановиться на дѣйствіяхъ скромнаго поручика, и потому я буду кратокъ.

Сначала онъ исполнялъ должность младшаго офицера. Всегда спокойный, онъ одинаково хладнокровно распоряжался орудійнымъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ, до того проникаясь боемъ, что часто забывалъ примѣняться къ мѣстности, и нижніе чины сами просили его пользоваться укрѣпленіями.

При наступленіи онъ всегда шелъ впереди, увлекая за собой нижнихъ чиновъ не словами, а единственно свой безпримѣрной храбростью. Многочисленныя его развѣдки всегда давали блестящіе результаты. Получавъ задачу, онъ никогда не отступалъ передъ опасностью, а только старался, не жалѣя себя, возможно лучше ее выполнить.

Въ ночь на 26-е августа нашей ротѣ предстояло подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ занять окопы,

очень длинные по фронту, съ ходами, въ которыхъ можно было предположить присутствіе непріятеля. Рота залегла у самыхъ окоповъ. Впереди, шагахъ въ 50-ти, былъ небольшой окопъ, въ которомъ помѣщались австрійцы, лучшіе стрѣлки. Они стрѣляли разрывными пулями, стараясь помѣшать намъ занять окопы.

Поручикъ Парта вызвался изслѣдовать окопы съ двумя охотниками. Безстрашно, ползкомъ онъ пробрался въ окопы, съ револьверомъ въ рукахъ прошелъ весь окопъ и въ концѣ его захватилъ 12 плѣнныхъ и освободилъ нашего солдата сосѣдняго полка, взятаго австрійцами въ плѣнъ и для издѣвательства раздѣтаго до-гола холодной ночью.

Австрійцы сдались потому, что предполагали, что за поручикомъ Парта слѣдуетъ еще много солдатъ. Послѣ этого вся рота ползкомъ заняла окопы, и на слѣдующій день всѣ позиціи австрійцевъ были взяты нашими войсками.

Въ бою 4-го сентября поручикъ Парта командовалъ даже всей ротой, такъ какъ я временно принялъ батальонъ. На этомъ посту онъ былъ такъ же храбръ и скроменъ, какъ и на прежнемъ. Храбро онъ велъ роту подъ шрапнельнымъ огнемъ впередъ и подъ убійственнымъ огнемъ противника готовился двинуться въ атаку. Но неожиданно на флангѣ появился непріятельскій пулеметъ. Двинуться далѣе было нельзя: нужно было сначала покончить съ пулеметомъ. Въ этотъ моментъ непріятельская пуля поразила поручика Парта въ грудь, и онъ упалъ. Двадцать минутъ онъ пролежалъ безъ сознанія, но затѣмъ очнулся и началъ давать распоряженія,

чтобы вывести роту изъ тяжелаго положенія, но силы ему измѣнили.

Затѣмъ онъ опять пришелъ въ себя, нѣсколько разъ спросилъ о положеніи роты, а затѣмъ тихо скончался. Ему предстояло получить высшую награду за свои боевыя заслуги, но судьба рѣшила иначе.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, положившій животъ свой за царя и отечество. На своемъ скромномъ посту ты сумѣлъ быть героемъ, не подозрѣвая объ этомъ и думая, что только исполняешь свой долгъ.»

IV.

Незамѣтные герои.

Въ Н-ской батареѣ есть охотникъ — старикъ-вахмистръ, Василій Васильевичъ, лѣтъ 60. Онъ отбылъ уже всѣ сроки службы, но такъ настойчиво просилъ военное начальство пустить его на войну, такъ убѣдительно указывалъ на свою бодрость и удивительно сохранившіяся силы, что его взяли. И вотъ онъ — въ полку. А что это за человѣкъ, судите сами: въ дѣлѣ подъ N батарея должна была выѣхать на позицію подъ жестокимъ огнемъ нѣмцевъ. Орудія вынеслись на указанное мѣсто, снялись съ передковъ, а затѣмъ передки пошли за прикрытіе, но — галопомъ. Такое нарушеніе устава не понравилось Василію Васильевичу, онъ рявкнулъ: «налѣво, кругомъ», и повелъ передки такъ, что огонь имъ былъ прямо въ лобъ. Довелъ ихъ до линіи, снова скомандовалъ: «налѣво, кругомъ», и спокойной рысью направилъ къ закрытію. За необы-

чайное самообладаніе и лихость Василій Васильевичъ представленъ къ Георгію, и, конечно, его получитъ. Во время боя артиллерійская прислуга укрывается за щитами, но Василій Васильевичъ еще ни разу за щитъ не становился, несмотря на то, что и офицеры, и солдаты не разъ ему говорили, что не слѣдуетъ себя выставлять подъ огонь. Пролетающимъ снарядамъ Василій Васильевичъ иногда раскланивается, а когда его офицеры спрашиваютъ, зачѣмъ ихъ привѣтствуетъ, онъ спокойно отвѣчаетъ: «такъ способнѣе».

Своей женѣ Василій Васильевичъ пишетъ: «слава Богу, живъ и здоровъ, сегодня черезъ мою старую голову пролетѣло болѣе полторы тысячи пудовъ стали и свинцу».

У Василія Васильевича есть свой любимецъ: восемнадцатилѣтній юноша, тоже охотникъ, питомецъ одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній Петрограда. Онъ постоянно участвуетъ въ развѣдкахъ и лихо воюетъ. Василій Васильевичъ прозвалъ этого юнца на нѣмецкій ладъ — «кинда». Нянчится съ нимъ, когда только можно, и очень волнуется, если онъ долго не возвращается съ развѣдки. Однако старикъ при другихъ постоянно трунитъ надъ юношей:

— Вамъ бы лошадку со стриженой гривкой да по манежу, а онъ вишь тутъ, на развѣдку.

Вскорѣ старику Василію Васильевичу пришлось своей выдержкой удивить весь полкъ.

Въ дѣлѣ подъ С. снарядъ разорвался какъ разъ около орудійнаго колеса, орудіе на нѣсколько минутъ замолкло.

— Вы что не стрѣляете?! — крикнулъ руководившій стрѣльбой офицеръ.

— Чичасъ, ваше благородіе, — отвѣтилъ Василій Васильевичъ и въ ту же минуту, ошеломленный ударомъ по головѣ, онъ свалился, затѣмъ вскочилъ съ лицомъ, залитымъ кровью, и крикнулъ своимъ товарищамъ: «ни чорта, братцы, цѣлъ», отвѣтилъ на окрикъ офицера и вслѣдъ затѣмъ орудіе загрохотало вновь. Контуженный и съ перебитыми ногами лежалъ онъ вблизи орудія и, превозмогая адскую боль отъ перебитыхъ ногъ, уцѣлѣвшими руками ставилъ дистанціонныя трубки.

— Ноги перебиты, такъ руки есть, — сказалъ онъ наводчику, уговаривавшему его лежать смирно.

Раненый въ голову, онъ не ушелъ на перевязку до десяти часовъ вечера, да и вечеромъ явился на перевязочный пунктъ только по приказанію офицера. А дня черезъ три, разматывая на пунктѣ повязку, самъ выдавилъ изъ раны какой-то осколокъ и подалъ доктору со словами: «а у меня, ваше благородіе, осколокъ гранаты въ головѣ завязъ».

Невидимое геройство, незамѣчаемое рыцарство сплошь да рядомъ проходитъ мимо насъ, а мы и не видимъ. Среди ужасовъ войны, среди звѣрства однихъ и находящихъ заслуженную оцѣнку подвиговъ другихъ, сколько неизвѣстныхъ геройствъ, сколько безыменныхъ героевъ, которымъ даже будущее не принесетъ ничего, кромѣ вѣнка съ лаконической надписью: «незамѣтнымъ героямъ».

Раненый нижній чинъ разсказываетъ:

«Мы были въ развѣдкѣ: 15 человѣкъ съ полуротнымъ. Ходили долго и уже не могли вернуться къ своимъ. Мы замѣчали непріятеля и слѣва, и справа, и отовсюду; слышали выстрѣлы, канонаду и прятались по оврагамъ. Случайно залетѣвшій снарядъ сразу положилъ восемь человѣкъ. Мы, оставшіеся, шесть рядовыхъ и полуротный, переползли въ другой оврагъ, долгое время скрывались.

На развѣдкѣ.

и наконецъ, порѣшили итти вправо, надѣясь тамъ добраться до своихъ. Вокругъ не было никого; мы торопливо шли, отходя отъ дороги; какъ вдругъ изъ-за холма, по шоссе показались автомобили съ нѣмецкими офицерами. Откуда то появились ихніе солдаты; насъ окружили, опросили и повели въ деревню. Въ пустомъ домѣ, запертые, окруженные часовыми, просидѣли мы трое сутокъ. Обращались съ нами не плохо, но кормили

скверно: давали мало и невкусно. Приводили другихъ плѣнныхъ и помѣщали вмѣстѣ съ нами. Ночью третьихъ сутокъ мы увидали въ окно, что часовой, находившійся съ этой стороны, заснулъ: прислонился къ углу, опустился къ землѣ, склонилъ голову и, обнявъ ружье, спалъ. Вдвоемъ мы высадили раму, вылѣзли; гдѣ ползкомъ, гдѣ бѣгомъ, гдѣ прямо ложась на землю, выбрались изъ деревни.

Пять дней мы бродили, слыша непріятеля, но прячась и не показываясь ему. Кое-что ѣли, что оставалось съ собой, но больше голодали. Полуротный все старался обойти позиціи, чтобы выбраться къ своимъ. На пятый день снарядъ пролетѣлъ недалеко отъ насъ. Никого не затронулъ, но я упалъ. Долго ли лежалъ безъ чувствъ — не знаю. Очнулся; полуротный подтащилъ меня къ водѣ и все мочилъ мнѣ голову. Пробовалъ подняться и итти — не могъ: ноги не слушались, голова кружилась. Полуротный взвалилъ меня къ себѣ на спину, приказалъ держаться за него руками и такъ долго несъ меня, все стараясь обойти непріятельскія позиціи, чтобы найти своихъ. Кое-гдѣ онъ спускалъ меня на землю. Я пытался итти, поддерживаемый имъ и когда опять ноги начинали подгибаться, голова кружиться — полуротный опять взваливалъ меня на спину и мы двигались медленно, то скрываясь, то выбираясь на открытое мѣсто. Шли долго, но отдыхали мало; все торопились: все хотѣли скорѣе добраться до своихъ. Когда уже выбрались за непріятельскія позиціи, у кустарниковъ нашли нашего раненаго офицера: онъ ползъ, опираясь на руки и волоча ноги —

раненъ онъ былъ шрапнелью въ правую ступню, — итти совсѣмъ не могъ. Полуротный поднялъ и его и поочередно несъ то меня, то его, поддерживая другого. Такъ мы, ужъ совсѣмъ медленно, подвигались впередъ, ожидая, когда же увидимъ своихъ. Но прежде, чѣмъ ихъ увидѣть, мы наткнулись на разбитый снарядный ящикъ. Прислуга была перебита, ящикъ разломанъ, но лошадь была жива. Полуротный подстроилъ кое-какъ дроги, прикрѣпилъ шинель, чтобы мы не сползали, посадилъ насъ, сѣлъ самъ и на лошади мы кое-какъ добрались до своихъ...

Но еще трогательнѣе выступаетъ наружу душа героя-солдата, когда онъ, среди ужасовъ войны, помогаетъ беззащитнымъ жителямъ.

Близъ одного изъ мѣстечекъ, въ виду приближенія боевой линіи, было дано распоряженіе выселить всѣхъ жителей. Въ ближайшей изъ деревень не осталось уже никого; солдаты ходятъ отъ хаты до хаты, свидѣтельствуя, не забытъ ли кто въ деревнѣ. Всюду пусто; только въ одной убогой избѣ находится старикъ, отецъ хозяина этой избы.

— Выходи, старикъ, — окликаютъ его солдаты. — Здѣсь оставаться небезопасно.

— Какъ же я уйду, когда я не могу этого сдѣлать!

— Почему не можешь?

— Я слѣпой.

И вотъ тутъ-то и разыгрывается трогательная сцена...

Солдаты выводятъ старика изъ избы, запираютъ двери на ключъ, который опускаютъ въ карманъ старика, а потомъ, передавая его другъ другу, отъ

дозора до дозора, доводятъ старика до самой узкоколейки. Пріѣхалъ старикъ въ Варшаву цѣлъ и невредимъ. Здѣсь, на вокзалѣ, встрѣтила его встревоженная семья, прибывшая въ Варшаву по своимъ дѣламъ раньше, но не имѣвшая уже возможности вернуться домой.

А вотъ и другой примѣръ, не менѣе трогательный. Горитъ деревня. Всѣ бѣгутъ; вокругъ рвутся шрапнели. Появляется кавалерійскій разъѣздъ. Нигдѣ ни души, а потому онъ поворачиваетъ назадъ. Вдругъ одному изъ кавалеристовъ послышался со стороны горящаго дома дѣтскій плачъ. Не обращая вниманія на то, что товарищи его уже отъѣхали, кавалеристъ соскакиваетъ съ лошади и, рискуя своей жизнью, спасаетъ изъ пламени младенца. Теперь, какъ передаютъ, онъ отдалъ своего младенца на попеченіе одной почтенной женщины и когда только можно навѣщаетъ его.

V.

Женщины-герои.

Подвиги русскихъ женщинъ, раздѣлявшихъ судьбы своихъ мужей, давно и прекрасно воспѣты. И войны, начиная съ первой отечественной, не разъ показали намъ геройскій духъ женщины.

Нынѣшняя война тоже уже успѣла выдвинуть своихъ женщинъ-героевъ. Вотъ при одномъ изъ лазаретовъ сестра со строгимъ лицомъ, Елена Сергѣевна Тимощенко, жена офицера пограничной стражи.

Когда отрядъ выступалъ на театръ военныхъ дѣйствій, она стала проситься съ мужемъ.

Тотъ категорически отказалъ.

— Куда тебѣ, милая! Вѣдь это въ походъ, а не на прогулку.

Ни просьбы, ни слезы не помогли. Мужъ ушелъ, а Елена Сергѣевна начала томиться. Ее неудержимо влекло на подвигъ, на поля сраженій. Туда, гдѣ лилась кровь, гдѣ страдали и ждали помощи сотни, тысячи раненыхъ. Она чувствовала, что эту помощь она можетъ, она должна дать.

Въ это время Е. Тимощенко узнала, что сосѣдній отрядъ пограничной стражи тоже собирается въ походъ. Недолго думая, она явилась къ командиру и сообщила о своемъ желаніи слѣдовать съ отрядомъ. Снова начались пререканія. Женщина... Неудобно... На счастье Елены Сергѣевны оказалось, что при отрядѣ нѣтъ фельдшера. Въ качествѣ такового она и была принята.

Отрядъ былъ пѣшій. Но Еленѣ Сергѣевнѣ было предоставлено мѣсто на подводѣ съ имуществомъ отряда. Выступили въ походъ. Черезъ два-три, дня въ отрядѣ оказались уже раненые. Впрочемъ при самой мирной обстановкѣ и самымъ мирнымъ образомъ: сапоги растерли ноги, на ногахъ появились раны, — итти невмоготу.

Тимощенко тотчасъ же отказалась отъ своего мѣста на подводѣ, уступивъ его «раненымъ», а сама пошла пѣшкомъ за отрядомъ.

А переходы въ иные дни приходилось дѣлать громадные: по 25, по 30 верстъ. Одно время шли дожди. Холодно, мокро, ноги скользятъ по грязи. Отдыхали чаще всего подъ открытымъ небомъ. Но никто не слы-

халъ отъ Елены Сергѣевны ни единой жалобы. Она обмывала солдатамъ больныя ноги, прикладывала примочки, а на досугѣ писала письма на родину. Такъ въ непрерывныхъ переходахъ прошло недѣли двѣ.

13-го августа отрядъ принялъ участіе въ бою. Бой начался въ 11 часовъ утра. Цѣлый день Елена Сергѣевна работала, не покладая рукъ, на перевязочномъ пунктѣ. Въ сумерки бой началъ немного стихать. Тимощенко стала разспрашивать о судьбѣ своего отряда. Убитыхъ много, раненыхъ еще больше. Командиръ отряда, штабъ-ротмистръ У., раненъ тяжело.

— Гдѣ же онъ?—встрепенулась Елена Сергѣевна.

На перевязочномъ нѣтъ. Видѣли на полѣ сраженія, далеко отсюда. Въ одинъ моментъ въ душѣ самоотверженной женщины созрѣло благородное рѣшеніе. Разыскать, помочь, спасти. Быть можетъ, живъ еще, ждетъ помощи. Несмотря на густыя сумерки, Елена Сергѣевна бросилась туда, гдѣ громыхали орудія, гдѣ трещали еще ружейные выстрѣлы и откуда тянулась почти непрерывная цѣпь санитаровъ съ носилками. Бросилась совершенно одна. Нѣсколько часовъ шарила по всѣмъ оврагамъ, ложбинамъ, кустамъ и перелѣскамъ. Останавливалась, прислушивалась, окликала.

Тѣмъ временемъ наступила ночь. Тогда Тимощенко прибѣжала на бивуакъ отряда, взяла съ собою денщика штабъ-ротмистра и вернулась на поле сраженія. Снова начались поиски. Нѣсколько разъ Елена Сергѣевна натыкалась на трупы убитыхъ, склонялась надъ ними, ощупывала лица,— стояла непроглядная тьма. А надъ головою ея шипѣли, свистѣли и рвались снаряды,

потому что, несмотря на позднюю ночь, артиллерія продолжала свой грозный, жутко-грозный, среди черной тьмы ночи, поединокъ. Въ одномъ мѣстѣ цѣлый снопъ пуль прожужжалъ надъ самыми головами Тимощенко и денщика; у солдата оказались прострѣленными фуражка и рубаха. Въ другомъ снарядъ шлепнулся такъ близко, что все лицо у Елены Сергѣевны оказалось засыпаннымъ землею.

Проходили часы. Стихла канонада. Надъ полемъ нависла полная глухихъ стоновъ умирающихъ и неясныхъ шороховъ тишина, — зловѣщая, жуткая, волнующая. Точно два призрака, отъ куста къ кусту, отъ ложбинки къ ложбинкѣ пробирались двѣ фигуры: мужская и женская. Только подъ утро отыскала Тимощенко командира отряда. Онъ былъ безъ памяти. Какъ быть? Не оставлять же здѣсь до разсвѣта. Рѣшили нести на бивуакъ.

Тяжело и такъ, а безъ носилокъ вдвое тяжелѣе, А тутъ еще темно; ноги то и дѣло скользятъ въ разныя стороны. Часа три шли до бивуака, совсѣмъ разсвѣло.

Пришли и остановились въ изумленіи: ни бивуака, ни перевязочнаго пункта, ни души вокругъ. Оказалось, ночью пришло извѣстіе, что австрійцы отступаютъ, нашимъ было приказано ихъ преслѣдовать. Всѣ и передвинулись; здоровые въ одну сторону, раненые,— въ другую.

Какъ быть? Рѣшили нести раненаго дальше. Куда-нибудь къ своимъ.

Денщикъ соорудилъ изъ вѣтвей что-то въ родѣ носилокъ. Положили раненаго, понесли. Идутъ часъ, идутъ два. Никого не видно, точно все вокругъ вымерло.

Стали совѣтоваться, въ какую сторону итти. Богъ его знаетъ, куда отрядъ ушелъ. Пошли наугадъ. Только къ вечеру, сдѣлавъ верстъ 19, напали на перевязочный пунктъ, гдѣ и сдали раненаго.

Два дня послѣ этого Елена Сергѣевна не могла поднять рукъ: носилками оттянуло...

Какъ высока и беззавѣтна русская женская душа сумѣла показать не только интеллигентная женщина, но и ея младшая сестра, простая русская баба. Правда, ея дѣятельность выражается можетъ быть гораздо болѣе просто и буднично, чѣмъ дѣятельность интеллигентной женщины, но причины, толкающія русскую бабу на эту дѣятельность, не менѣе прекрасны и высоки. Вотъ тому примѣръ.

Н-скій полкъ уже не первый день стоялъ на позиціяхъ у австрійской границы. Отъ скуки рыли окопы, но думали только о движеніи впередъ.

Утро. Въ избу командира полка вбѣгаетъ его денщикъ Сидоровъ и, ухмыляясь, докладываетъ:

— Такъ что, ваше-скродь, въ полкъ баба пріѣхала!

— Какая баба? Что ты врешь!

— Такъ точно, къ рядовому изъ 15-й роты изъ Верхнеднѣпровска пріѣхала.

— Что за ерунда! Зачѣмъ?

— Такъ что, ваше-скродь, сестрой милосердія при емъ хочетъ быть.

— При мужѣ? Позвать его сюда!

Черезъ нѣкоторое время появляется счастливый мужъ. Лицо испуганное. Командиръ извѣстенъ строгостью. Подтверждаетъ рапортъ Сидорова.

— Ну, вотъ что,—рѣшаетъ полковникъ, бывшій въ шутливомъ настроеніи,—выбирай изъ трехъ: или одѣнемъ бабу солдатомъ и пусть стрѣляетъ съ твоей ротой, или отправить ее на аэропланѣ домой, или пусть пока моетъ посуду на полковой кухнѣ, а тронемся дальше, какъ-нибудь пусть сама добирается до своего Верхнеднѣпровска.

— Дозвольте посовѣтоваться, ваше-скродь!

— Совѣтуйся.

Совѣтъ длился цѣлыя сутки. На другой день солдатъ снова предсталъ передъ полковникомъ.

— Ну, какъ?

— Такъ что, ваще-скродь, стрѣлять не хочетъ, на еропланѣ летѣть не хочетъ, а на кухню просится...

— Ладно. Ступай...

Прошло нѣсколько дней. Бабой не нахвалятся. Перемыла бѣлье солдатамъ, на кухнѣ помогала. Присмотрѣли ея таланты врачи и говорятъ адъютанту:

— Вы бы доложили полковнику,— можетъ, онъ оставитъ ее при лазаретѣ, вѣдь мытья тамъ много будетъ.

Но прежде, чѣмъ адъютантъ рѣшился выступить съ такимъ необычнымъ предложеніемъ, прозвучала тревога. Черезъ десять минутъ первые ряды уже выступали, бросивъ ненужные окопы, а за ними, змѣей вытягиваясь по шоссе, тронулся и весь полкъ. Позади него — обозъ и высоко возсѣдая на послѣднемъ возу, на кипѣ прессованнаго сѣна, прослѣдовала баба изъ Верхнеднѣпровска, серьезно и просто глядѣвшая туда, гдѣ и вправду ждала ее обязанность:

— Быть при емъ сестрой милосердія.

ПОДЪ „КРАСНЫМЪ КРЕСТОМЪ“.

I.

Первые раненые.

Маленькая одинокая станція неподалеку отъ передовыхъ позицій. Здѣсь раскинулся перевязочный пунктъ «Краснаго Креста», и всѣ съ тревогою и нетерпѣніемъ ждутъ первыхъ раненыхъ.

Давно готово все къ пріему, давно шипитъ походная кухня, бурлитъ кипятокъ въ огромномъ жестяномъ самоварѣ, разставлены койки-носилки, въ углу свалена гора бѣлыхъ, наскоро сколоченныхъ костылей. Студенты-санитары и сестры отъ нечего пока дѣлать бродятъ вокругъ навѣса, продвигаются далеко по дорогѣ «туда» и долго всматриваются, — не везутъ ли, не идутъ ли? Вытягиваютъ впередъ шеи, и кто-то проситъ:

— Тише, господа, тише, кажется...

Но это только показалось, — канонады еще не слышно. Часовъ въ одиннадцать привезли, наконецъ, перваго раненаго, — офицеръ. Красавецъ-мужчина, атлетическаго сложенія. Его встрѣчаетъ докторъ:

— Что, капитанъ, куда?

Капитанъ улыбается:

— Пустяки!

— Ну, хорошо, хорошо. Посмотримъ сейчасъ, что за пустяки такіе.

На перевязкѣ выясняется, что у капитана почти совсѣмъ оторвало ухо и кромѣ того раздроблено плечо. На языкѣ боевого офицера это — только пустяки!

Подходитъ раненый солдатъ.

— У тебя что, землякъ?

«Землякъ» улыбается:

— Богъ его знаетъ — руку повредило.

«Повредило» — это значитъ раздробило всю кисть.

Прошелъ часъ-два, и работа на пунктѣ уже въ полномъ разгарѣ. Отъ мѣста сраженія ведетъ сюда шоссе. Грязно на немъ, топко. Скоро темнѣетъ, а по шоссе все ковыляютъ и ковыляютъ новые раненые. Идутъ поодиночкѣ и маленькими группами. Идутъ молча. И слишкомъ остры еще только что пережитыя впечатлѣнія, и слишкомъ тяжела дорога. Гдѣ-нибудь во тьмѣ вспыхнетъ спичка, и потомъ долго краснѣется папироса.

Большинство тащитъ съ собой винтовки. Иной раненъ въ ногу, еле плетется самъ, а винтовку не бросилъ.

Вотъ трогательная сцена и она неединична. У солдата шрапнелью отбиты обѣ ноги, итти самостоятельно онъ уже не можетъ. Подводы ему не попалось. Товарищъ взвалилъ его себѣ на плечи и, забывъ о своей собственной серьезной ранѣ, доноситъ его до табуретки «Краснаго Креста».

Рядомъ съ пѣшими громыхаютъ санитарные фургоны; за ними медленно ползутъ частныя, крестьянскія подводы, — это везутъ подобранныхъ на полѣ тяжело раненыхъ. Къ полуночи на пунктѣ уже негдѣ повер-

нуться; стычка тамъ была большая и раненые все прибываютъ.

Доктора, студенты и сестры давно сбились съ ногъ. Каждому нужно сдѣлать перевязку и съ этимъ медлить нельзя; каждаго нужно накормить и дать ему чаю. И оттуда, и отсюда доносится одна и та же просьба:

— Сестрица, чайку.

Ночи давно стоятъ холодныя, — стаканъ кипятку желаннѣе хлѣба. Первымъ раненымъ давали щи, кашу, были заготовлены горы хлѣба, но все это таетъ и таетъ. Гдѣ же взять ночью среди поля?!..

Сотня носилокъ давно уже заполнена. Некуда класть тяжело раненыхъ, и, раненые полегче, сами уступаютъ имъ свои мѣста. Лежать на полу, въ проходахъ. Солдаты-санитары тащатъ заготовленную солому и стелютъ ее уже подъ открытымъ небомъ, — хорошо еще, что дождикъ только накрапываетъ!

— Сестрица, чайку бы,

— Сейчасъ, сейчасъ, милый.

— Сестрица, поѣсть бы!

— На вотъ хлѣба.

— Да не мнѣ, вотъ этому...

Солдатъ указываетъ на сосѣда.

— Только онъ самъ ѣсть не можетъ.

Сестра теребитъ того за ногу:

— Ну, землячокъ, ну... задремалъ...

Землячокъ не задремалъ, а уже «уснулъ». Тронули ему руку, — она такъ и осталась въ воздухѣ.

— Санитары, поставьте его въ сторонку, вотъ тутъ, въ уголокъ...

Поставили въ сторонку, — спи мирнымъ сномъ, безвѣстный герой!

Раненые собираются въ кружки, сидятъ на полу «по-турецки», курятъ цыгарки и вспоминаютъ, — все такъ еще свѣжо, такъ горячо еще дыханіе смерти. Забыты раны. Ни стоновъ ни ропота. Вспоминаютъ и все еще будто продолжаютъ переживать все тѣ же незабываемыя минуты.

— Мы только вступили въ деревню, идемъ, души не видно кругомъ, и вдругъ «бацъ, бацъ», — и пошло.. Палитъ, проклятый, съ чердаковъ, изъ окошекъ... за угломъ стоитъ и жаритъ...

— Мы съ полуротой, — весело началъ раненый съ пушистой русой бородой и голубыми глазами, — два полка разогнали!

— Ну, ужъ два полка! — сказали мы.

— Вѣрно, два полка! Съ полуротой!

— Это вѣрно! Австрійцы — трусы! — подтвердилъ раненый, лежавшій на другой кровати.

— Какъ мы трахнули въ нихъ залпами, сразу тёку дали! — одушевленно махалъ руками голубоглазый раненый.

— Ха-ха-ха! — поддержали его смѣхомъ сосѣди.

— Ха-ха-ха! — особенно смѣялся, почти до слезъ, раненый съ обвязанной головой, которому боль челюсти не давала ѣсть, а онъ передъ нетронутой тарелкой супа хохоталъ, какъ ребенокъ.

Очевидно, они дѣтской радостью радовались своимъ побѣдамъ, своему выздоровленію, посрамленью врага и искренно ликовали, что полурота русскихъ можетъ разбить и положить два австрійскихъ полка.

— Они обѣдали у деревни, — разсказывалъ раненый съ бѣлокурой бородой, — а мы подошли изъ лѣсочка. Ротный нашъ и говоритъ: «Стой, ребята! Давай обойдемъ ихъ съ двухъ сторонъ и трахнемъ сразу наперекрестъ залпами. Они подумаютъ, что это пулеметы». Раздѣлились мы на три части. Одни пошли на лѣвую флангу, другіе на правую флангу, а мы съ ротнымъ — посередкѣ. Взялъ ротный винтовку, прицѣлился въ часового, — бацъ. Въ первый разъ не попалъ. Часовой вотъ такъ голову повернулъ. Бацъ въ другой разъ. Свѣсилъ голову, упалъ. Тутъ мы съ трехъ сторонъ трахъ, трахъ. Ротный кричитъ: «Чаще, ребята!» А у насъ трещитъ — чистый пулеметъ. Ну, тутъ они затрепыхались, почли бросаться туды, сюды!

— Ха-ха-ха! — смѣялись сосѣди.

— Побили мы тутъ ихъ сколько!.. Страсть!.. 30 человѣкъ въ плѣнъ взяли!..

Голоса подхватываютъ:

— А у насъ еще было...

— Мы прямо поперли...

Горятъ глаза; одинъ спѣшитъ перебить другого. У каждаго такъ много впечатлѣній.

Иная картина тамъ, въ перевязочной. Тамъ на узкихъ, длинныхъ столахъ лежатъ тяжело раненые. Вокругъ — доктора и студенты въ бѣлоснѣжныхъ балахонахъ. Лица ихъ серьезны, сосредоточенны, — слишкомъ велика и отвѣтственна ихъ работа. Имъ ввѣрены десятки жизней. Въ борьбѣ со смертью медлить нельзя, и бороться съ ней надо увѣренной, твердой рукой. Но и здѣсь, гдѣ такъ много крови, — и здѣсь нѣтъ криковъ, нѣтъ стоновъ.

Раненый лежитъ навзничь, закинувъ руки подъ голову, и спрашиваетъ, словно рѣчь идетъ объ его сосѣдѣ:

— А отъ этого не умираютъ?

Докторъ торопитъ помогающую ему сестру:

— Марли скорѣе! Іоду! Еще!

И успѣваетъ еще утѣшить раненаго:

— Ничего, ничего, будешь живъ! Вотъ такъ промоемъ... вотъ такъ еще...

И раненый молчитъ и только прикосновеніе іода къ «свѣжему мясу» вырываетъ у него крикъ:

— Ваше благородіе... ваше...

— Ну, ну, потерпи, землякъ! Вотъ такъ, хорошо.... Ну, вотъ... такъ, съ этимъ живутъ, братецъ...

И землякъ терпитъ, — разъ его благородіе говоритъ, съ этимъ живутъ, можно потерпѣть... Его благородіе лучше знаетъ...

Часъ ночи, два часа. Канонада тамъ все тише и тише; блѣднѣе стало зарево орудійной пальбы и пожаровъ. Притокъ раненыхъ слабѣетъ.

У навѣса глухо пыхтитъ длинный, сѣрый санитарный поѣздъ. Наутро въ немъ размѣстятъ раненыхъ и поѣдутъ они туда, вглубь Россіи, гдѣ ихъ ждетъ ласка и привѣтъ.

II.

Съ санитарнымъ поѣздомъ.

Прекрасно устроенный санитарный поѣздъ увозитъ съ собой на родину раненыхъ и больныхъ. Въ товарномъ вагонѣ двѣнадцать коекъ, — шесть внизу и шесть

наверху. Весь матеріалъ — веревки и дерево. Матрасы-носилки вставляются на свои мѣста въ вагонѣ и тихо покачиваются, какъ ласковыя колыбели. Во всякую минуту ихъ можно однако закрѣпить наглухо. Въ вагонѣ третьяго класса — аптека, бѣльевой складъ и весь медицинскій персоналъ поѣзда. Этотъ персоналъ будетъ жить здѣсь во время своихъ продолжительныхъ рейсовъ и спать на такихъ же матрасахъ, какъ и раненые. И обѣдъ онъ будетъ получать изъ того же вагона-кухни, который щеголяетъ теперь своими новыми котлами для щей и каши и своей превосходной плитой. Черезъ часъ поѣздъ уходитъ. Санитары уже по мѣстамъ, каждый у спускной лѣстницы своего вагона. На сестру милосердія приходится по четыре вагона, и два врача главенствуютъ надъ поѣздомъ.

Надвигается сырое и холодное, бѣлесоватое утро. На позиціяхъ скоро снова загрохочутъ пушки и надо спѣшить съ погрузкой раненыхъ. Флагъ «Краснаго Креста» надъ пунктомъ не смутитъ, конечно, нѣмцевъ. Карабкаются по вагоннымъ ступенькамъ легко раненые. Быстро, почти бѣгомъ, проносятъ на носилкахъ раненыхъ болѣе серьезно. Все въ суетѣ, въ послѣднихъ сборахъ. Каждая сестра заботливо считаетъ и уводитъ свою партію на четыре вагона.

— Всѣ ли вынесены?

— Всѣ.

Пусто въ длинномъ баракѣ навѣса; въ перевязочной чернѣются горы использованной, при свѣтѣ дня, конечно, красной марли. Въ вагонахъ — смутный гулъ разговора. Солдаты довольны. Радуются тому, что такъ

удобны и покойны койки вагоновъ. Вспоминаются иные вагоны и иные, безконечно длинные, переѣзды...

Наконецъ, вагоны наполнены. Врачи послѣдній разъ обходятъ поѣздъ и получаютъ сообщеніе сестры, что въ одномъ изъ вагоновъ оказались пассажиры, — довольно неожиданные въ такомъ поѣздѣ зайцы. Всѣ идутъ туда.

Дѣйствительно, въ одномъ изъ вагоновъ на полу между койками сидятъ двѣ женщины. Сидятъ молча на какихъ-то узелкахъ и глядятъ въ потолокъ вагона, точно не о нихъ идетъ рѣчь.

— Это, ваше вс-діе, жены. Разыскали насъ здѣсь въ больницахъ. Вы ужъ дозвольте. Мы недалече, на родину... А ежели препятствіе отъ начальства, мы ихъ шинелями закидаемъ, ихъ въ кучѣ и не видать будетъ.

— Пущай ихъ... сидятъ, — медленно произноситъ съ койки тяжело раненый.

Женщины продолжаютъ сидѣть, — молчаливыя, безучастныя. Имъ все равно, онѣ готовы просидѣть ночь подъ горой солдатскихъ шинелей.

— Но какъ же это? Если по правиламъ, то это... — въ раздумьи говоритъ врачъ. И вдругъ машетъ рукой и отходитъ отъ вагона. Раздается послѣдній звонокъ.

— Убрать лѣстницы, убрать лѣстницы! — перекатывается отъ вагона къ вагону команда.

Свистокъ. И медленно покачиваясь, поѣздъ идетъ въ тихую глубь Россіи.

Березки, тронутыя нѣжнымъ и еще легкимъ золотомъ осени, плывутъ мимо. Знакомый, безконечно милый

и оттого кажущійся такимъ простымъ и обыденнымъ пейзажъ развертывается понемногу. Теперь, въ предутренній часъ онъ кажется немного грустнымъ. И кажется, что его, грустнаго и беззащитнаго, окутала чуткая тишина. Точно она жадно прислушивается къ шуму поѣзда и къ тому, что въ немъ происходитъ. А въ вагонѣ идетъ разговоръ. Говорятъ о томъ, что пришлось пережить въ страшно короткое время, чего обыкновенно не доводится пережить въ всю жизнь. Говорятъ о войнѣ. Говоритъ собственно молодой, русый парень съ веселыми сѣрыми глазами и съ прострѣленнымъ локтемъ но его понемногу перебиваютъ всѣ. Всѣ пережили такъ же много и въ такое же короткое время и дѣлятся впечатлѣніями. Всклокоченный и сожженный солнцемъ солдатъ изъ запасныхъ придвинулся ближе, волоча на костылѣ ногу, сломанную шрапнелью. Русый парень ухмыляется и веселые сѣрые глаза вспыхиваютъ искрами, точно онъ разсказываетъ веселую исторію въ веселой компаніи.

— Это, братцы, даже удивительно, какъ австріецъ бѣжитъ. Ну, бѣжитъ онъ не сразу. Ежели его сила большая, то онъ въ ту пору наступаетъ и сыпитъ пулями. Такъ и жарятъ ружья и пулеметы. Выбилъ это онъ насъ изъ позицій и приказано намъ отступить. Полковой командиръ у насъ даже заплакалъ. А потомъ подошла къ намъ дивизія, артиллерія начала на него накрывать, и мы опять на него. Ну, тутъ ужъ онъ отступать, штыкового боя не принимаетъ. Тутъ меня въ цѣпи въ локоть и чкнуло. Гляжу, рубаха въ крови, рука ровно плеть мотается.

— Это вѣрно, — говоритъ сожженный солнцемъ запасный. — Австріецъ, онъ пужливый, это всѣ говорятъ. Ну, нѣмецъ, который въ ихней Пруссіи, этотъ вполнѣ сурьезный. Лѣзетъ колоннами и изъ орудій палитъ. Съ имъ чижало, трудовъ стоитъ.

Запасный помолчалъ, покачалъ головой и прибавилъ:

Въ цѣпи.

— Ну, родина у него есть. Наглядѣлся я тамъ на ихнюю жизнь. Что домá, что скотина, коровы тамъ или свиньи, — все какъ слѣдуетъ. Хорошая родина. И въ домъ ихній взойдешь, всего много. Вотъ только хлѣба не запасаютъ. Хошь весь домъ обшарь, ни одного коровая не сыщешь. У австрійцевъ, слышь ты, бѣднота, а у нихъ родина. А вотъ поди-жъ ты, тоже бунтуетъ.

— Скажи на милость — ухмыляется плохо говорящій по-русски уфимскій татаринъ, — скажи на милость, я съ братомъ изъ одной деревни и въ одной

ротѣ иду, и въ одинъ день и меня и брата лѣвымъ рука пуля хлопаетъ.

Всѣ смѣются такому удивительному совпаденію. Братъ татарина старается демонстративно приподнять для всеобщаго обозрѣнія «свой лѣвымъ рука».

— Ничего, князья, — весело говоритъ сѣроглазый солдатъ. — Ничего! Подлѣчимся маленько да и назадъ, въ армію. Коли стрѣлять нельзя, такъ въ нестроевые, въ обозъ. Мало ли тамъ дѣловъ разныхъ.

— А я, видно, дома останусь, — говоритъ сожженный солнцемъ запасный. — Только какъ я съ ей, съ ногой этой, пахать буду. Мудреное дѣло.

И запасный солдатъ грустно глядитъ на свою вытянутую, сплошь забинтованную ногу.

Долгая остановка на маленькой и пустой станціи для ужина. Сестры обходятъ вагоны, раздавая счетомъ приготовленные ломти хлѣба. Санитары разносятъ въ ведрахъ дымящіяся щи изъ кухни-вагона. Врачи и фельдшера обходятъ весь поѣздъ. Кое-гдѣ надо перемѣнить повязку, наложить новый бинтъ. Высаживаются нѣсколько человѣкъ, уходящихъ на родину. Уходятъ бабы, любовно промолчавшія весь вечеръ на полу вагона рядомъ со своими мужьями. Онѣ наговорятся потомъ, будетъ еще для этого времени въ деревенскомъ досугѣ. Кончается ужинъ. И опять раздается перекатывающаяся отъ вагона къ вагону команда:

— Убрать лѣстницы, убрать лѣстницы!

Въ разговорахъ о бесѣдахъ незамѣтно проходитъ день. Надвигается вечеръ, пора спать, одолѣваетъ дремота. Раненые молчаливо укладываются по койкамъ,

укрываясь теплыми одѣялами. И только въ одномъ, совсѣмъ темномъ, углу льется неторопливо рѣчь одного изъ солдатъ, которому пришлось раненому провести одну страшную ночь, которой ему никогда не забыть.

— И рана ничего, рана легкая... Ночь вотъ была страшная, — шопотомъ передаетъ онъ своему товарищу, — никогда не забуду.

— Какая ночь? — тоже шопотомъ спрашиваетъ его тотъ.

— Какъ подбили меня, — закрывъ глаза, точно вспоминая, передаетъ первый солдатикъ, — я упалъ. Упалъ и безъ памяти сталъ — оглушило меня. Долго ли пролежалъ — не знаю. Только очувствовался, — смотрю, ночь. Да темная, темная, ничего не видать. Лишь кусты чернѣютъ. Кругомъ слякоть — дождь, видно, шелъ. А вдали гдѣ-то зарница вспыхиваетъ — пушки, знать, тамъ работаютъ. А гулу не слыхать, — можетъ уши мнѣ заложило. Помню, что ногу мнѣ испортили. Боли нѣтъ, одна слабость. Ощупалъ, на рукахъ кровь осталась. Вынулъ я платокъ изъ кармана, положилъ подъ него кусокъ газеты и плотно накрылъ рану. Накрылъ и крѣпко завязалъ. Попробовалъ — ползти могу. Но куда? Гдѣ наша сторона, а гдѣ вражеская? Не припомню, а все-таки поползъ между кустовъ — и прямо на солдата нашего наткнулся. Лежитъ сердешный безъ движенія, на черное небо смотритъ, руки разбросалъ. Окрестилъ я ему руки на груди, перекрестилъ и дальше поползъ. Чувствую — холодно: зазнобило. Нашелъ на дорогѣ шинель, прикрылся, и все ползу... Вдругъ въ кустахъ движенье, — кто-то увидѣлъ меня и шарахнулся. Со-

бака, что ли, грызла кого, или человѣкъ испугался. Да что меня, думаю, пугаться: самый я разнесчастный человѣкъ, меня дитё малое можетъ теперь обидѣть! Хотѣлъ окликнуть, — боюсь, на австрійца нарвешься. Подождалъ минуту и опять поползъ. Смотрю, — куча какая-то движется: лошадь. Господи! Никогда мнѣ такъ никого не было жалко! Большая, грузная и какъ малый ребенокъ! Человѣкъ легче кончается. Трясетъ она ногами, дрожитъ, вся ходенемъ ходитъ и стонетъ... Право слово, стонетъ, какъ человѣкъ плачетъ. Можетъ, и слезу льетъ, — не видать мнѣ въ темнотѣ-то. Думаю: «Пристрѣлить надо, что ей зря мучиться?» Но боюсь, что на выстрѣлъ австріяки сбѣгутся, въ плѣнъ возьмутъ. А мнѣ лучше смерть, чѣмъ въ плѣнъ итти. Отползъ я отъ лошади и на зарядный ящикъ наткнулся; взялъ лѣвѣе, — лощинка. Тамъ цѣлая куча труповъ наложена, и стонъ слышится изъ кучи: «А-а-а-а-а!...» Прислушался: гдѣ человѣкъ стонетъ, — не разберу. Да и что я сдѣлаю, чѣмъ я ему помогу? Перелѣзъ черезъ трупы, они мягкіе, теплые, хотѣлось около нихъ согрѣться. Рукой въ чью-то кровь попалъ, и выползъ на полянку. На ней много людей лежитъ, — кто мертвый, а кто еще стонетъ. Одинъ бредитъ, все зоветъ кого-то: «Не подпускай», — кричитъ, — «пушки сюда, пушки!» Подползъ я къ нему, смотрю: его благородіе, поручикъ изъ шестой роты. Гляжу ему въ лицо, а онъ какъ крикнетъ: «За мной, ребята! Ура-а-а-а!» И такъ мнѣ жалко стало и его и всѣхъ... Слеза даже прошибла... Вижу, револьверъ валяется поручика. Взялъ я его, — ему не надо, а мнѣ, можетъ, обороняться придется. И опять

ползу... Кругомъ стоны, крики, бредъ, лошади трепыхаются. Куда я ползу самъ не знаю. И пришла мнѣ въ голову мысль: отчего санитаровъ нѣтъ? Они по ночамъ съ фонарями ходятъ и тѣла подбираютъ. А тутъ никого... Почему? Страшно мнѣ стало. Озябъ я очень и такъ ослабѣлъ, что ужъ и двигаться не могу. Прилегъ, накрылся шинелью и... не то заснулъ, не то въ безпамятство пришелъ. Очнулся, — солнце свѣтитъ, надъ головой идетъ бой. Какъ горохомъ сыплютъ пулеметы, рвется въ воздухѣ шрапнель, жужжатъ пули. Осмотрѣлся я, — вижу дѣло плохое: я въ обстрѣлѣ. Сзади меня наши, а впереди австріяки. Вотъ почему, думаю, санитаровъ то не было! Что дѣлать? Если остаться на мѣстѣ и ждать, кто кого одолѣетъ, то, навѣрное, убьютъ. Поскачетъ за убѣгающими конница или артиллерія, и раздавятъ меня лошадьми или пушкой. Разбора на войнѣ нѣтъ, лишь бы настигнуть врага: ѣдутъ по живымъ людямъ, какъ по шоссе, только кости хрустятъ...

А если, думаю, наши погнутся, то попадешь въ плѣнъ, — тоже не сладко. И вотъ я поползъ въ свою сторону. Раздвигаю кусты и ползу, а надъ головой пули: «ж-ж-ж-ж-ж!...» Крикнуть бы нашимъ, да далеко, не услышатъ, чуть картузы солдатскіе видны изъ-за окоповъ. Смотрю, — кусты окончились, чистое поле до самыхъ нашихъ окоповъ. Приподнялъ я немного голову и закричалъ:

— Ребята! Свой!

Да нѣтъ, не слышатъ, еще пуще жужжатъ пули. Что дѣлать? Если ползти по полю, не разсмотрятъ

и убьютъ, да и австрійцы увидятъ. Вернулся я въ кусты, вынулъ ножикъ и, — чикъ-чикъ, — срѣзалъ большую хворостину. Надѣлъ на нее свой картузъ и поползъ. Вижу, — замѣтили меня наши. Запрыгало у меня сердце отъ радости. «Братцы, свой!» — кричу. Всматриваются и руками машутъ. Слышу, кричатъ: «Ползи скорѣе». А потомъ: «Ложись!» Прилегъ я вплотную къ землѣ. И во-время: шрапнель ударила въ десяти шагахъ и взрыла песокъ. Вижу, надо скорѣе бѣжать. Австрійцы, должно быть, замѣтили меня. Откуда у меня явились силы — не знаю. Поднялся я на здоровую ногу, переступилъ больной и побѣжалъ. Чувствую страшную боль въ ногѣ, вотъ-вотъ упаду, а бѣгу, бѣгу. Солдаты машутъ рукой. «Молодецъ!» — кричатъ мнѣ. А кругомъ скачутъ австрійскія пули. Подбѣжалъ я къ окопамъ и упалъ. И не помню больше ничего... Теперь вотъ, слава Богу, чаекъ попиваю въ теплѣ... Да, самое страшное, когда человѣка забудутъ...

Да, на войнѣ все возможно, всѣ ужасы, и бываетъ даже, что не одного человѣка, но и весь госпиталь забываютъ на полѣ сраженія. Это еще страшнѣе.

III.

Забытые госпитали.

На фонѣ пожарища высится огромное зданіе. Это — народный домъ. Русскіе, занявъ городъ, устроили въ немъ госпиталь. Надъ входной дверью дома развѣвается теперь бѣлое полотнище флага съ краснымъ крестомъ посрединѣ, а на ступенькахъ стоитъ ополченецъ съ вин-

товкой. Въ русскомъ госпиталѣ осталось всего четыре больныхъ, и всѣ они австрійцы. Одинъ — сербъ, другой — румынъ изъ Трансильваніи. У него черные волосы и цыганское лицо. Третій — полякъ, молчаливый и грустный. А четвертый, бѣлесый, маленькій, съ глупымъ вздернутымъ кверху носомъ — нѣмецъ изъ Будапешта. Всѣ они сошлись здѣсь по волѣ злой судьбы. Живутъ они на соломѣ мирно. Въ общей жизни участвуетъ и нашъ солдатъ, по виду грозный, а на самомъ дѣлѣ добродушный волжанинъ. Казалось, что въ госпиталѣ не четыре человѣка, а пять. И если бы не груды камней и не оголенныя печныя трубы, какъ мертвецы глядѣвшія въ окно, то можно подумать, что госпиталь находится не въ галиційскомъ городѣ, въ которомъ иногда бываетъ слышна далекая канонада, а гдѣ-нибудь въ мирномъ русскомъ селѣ Симбирской губерніи, далекомъ отъ военныхъ волненій.

Австрійцы не ранены: они больны дизентеріей. У серба же, кромѣ того, опухли и посинѣли отчего-то ноги. Въ бою никто изъ нихъ не участвовалъ. Они въ первый же день по приходѣ сюда заболѣли. Форма болѣзни тяжелая и они до сихъ поръ не могутъ поправиться и сидятъ теперь худые, желтые и унылые.

— Много ихъ перемерло, — говоритъ солдатъ. — Тутъ, на соломѣ, болѣе ста лежало. Не выносятъ они.. Какъ бы и эти не кончились?

— Кто ихъ лѣчитъ?

— Фершалъ оставленъ. Доктора и сестры уѣхали за арміей.

Скоро у серба развязался его живой языкъ, и онъ сталъ выражать свою радость, что русскіе побѣждаютъ. И все повторялъ:

— Мы — братья...

Спустя нѣсколько минутъ онъ уже разсказываетъ исторію своей болѣзни и исторію боевъ подъ городомъ. Ему о бояхъ разсказывали раненые австрійцы, лежавшіе съ нимъ въ госпиталѣ. Разсказъ его простой, но яркій и жуткій. Всѣ эти четыре австрійца не видали ужасовъ сраженія, слышали лишь орудійные выстрѣлы и трескотню пулеметовъ. Да шуршали по каменной стѣнѣ ихъ госпиталя шальныя пули. Но судьба дала имъ испытать другой ужасъ.

Австрійскія войска медленно отступали подъ натискомъ русской арміи. Много было раненыхъ, а еще больше больныхъ дизентеріей. Бои шли въ десяти верстахъ отъ города, и тамъ же, подъ городомъ, въ пустомъ, разграбленномъ и полуразрушенномъ фольваркѣ [1]) австрійцы устроили госпиталь. Зданіе большое, въ два этажа. Оно было полно ранеными и больными. Среди нихъ нѣсколько русскихъ солдатъ, подобранныхъ австрійцами послѣ одной какой-то стычки. Насталъ моментъ, когда австрійцамъ надо было поспѣшно отступить къ городу. Отступленіе было бѣгствомъ: оставили пушки, зарядные ящики, раненыхъ, бросили и госпиталь. Больные, проснувшись утромъ, слышали, какъ поднялась суматоха. На дворъ фольварка пріѣхали запряженныя фуры, что-то тяжелое выносили. Кто-то

[1]) Усадьба въ польскомъ помѣстьѣ.

громко, крикливо распоряжался. Потомъ фуры выѣхали и загрохотали по шоссе. Звуки удалялись, замирали и, наконецъ, наступила тишина. Лишь вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу да иногда слышны были пушки, ухающія гдѣ-то вдали.

Никто въ то утро не пришелъ къ больнымъ и раненымъ мѣрять температуру, никто не далъ пищи и воды, не осмотрѣлъ, не сдѣлалъ перевязки. Госпиталь стоялъ безъ звуковъ. Лишь метались въ жару и бредили больные...

Австрійскіе медики и санитары поддались общей паникѣ и бѣжали вслѣдъ за своей разстроенной арміей. И вотъ въ госпиталѣ началась новая, таинственная и странная жизнь. Словно, это былъ не домъ, наполненный людьми, а царство тѣней. Всѣ, кто еще былъ въ сознаніи, прислушивались:

— Скоро ли придутъ русскіе?

Ждали, что вотъ-вотъ застучатъ о каменную мостовую подковы лошадей, загрохочетъ обозъ, лѣсъ наполнится звуками. Войдутъ въ оставленный госпиталь русскіе и наполнятъ его своими врачами, сестрами милосердія и санитарами. Тогда вернется сюда обычная, нормальная жизнь.

Но прошелъ день и никто не пришелъ. Еще прошелъ день въ томительномъ, тревожномъ ожиданіи. И еще... Никого не было. Пушечные выстрѣлы доносились все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, оборвались. Теперь лишь вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу.

Случилось такъ, что русскіе прошли въ пяти верстахъ отъ госпиталя и не замѣтили его. Фольваркъ

стоялъ въ сторонѣ и былъ густо окруженъ соснами. Можетъ быть, и видѣлъ кто сквозь деревья одинокое зданіе, но не обратилъ вниманія. Некогда было заѣхать.

Сначала кое-кто изъ раненыхъ и больныхъ еще двигались. Носили воду тяжелымъ, искали по фольварку пищи, отворяли двери и слушали: «Не идутъ ли?» Выползали на дворъ и ждали, лежа на камняхъ. Кричали по лѣсу больнымъ, надрывнымъ крикомъ: «Спасите!» Но въ отвѣтъ слышали только шумъ деревьевъ...

Казачій разъѣздъ.

Наконецъ, жизнь въ госпиталѣ стала гаснуть. Неперевязанныя раны загнивали и разлагались. Больные, помучившись въ агоніи, умирали. Трупы гнили и заражали воздухъ. Уже некому было принести воды. Умолкали крики. Лишь изрѣдка прорѣзалъ тишину протяжный волчій вой помѣшавшагося человѣка, да кружились надъ домомъ и кричали хищныя птицы, прилетѣвшія на запахъ...

Госпиталь умиралъ.

Нашелъ его казачій разъѣздъ, но войти въ мертвый домъ долго никто не рѣшался. Донесли начальству и въ фольваркъ пріѣхали русскіе. Провѣтрили, очи-

стили, похоронили умершихъ, а оставшихся въ живыхъ перевезли въ городъ.

Четыре австрійца были изъ числа этихъ послѣднихъ. Они помнятъ страшный госпиталь, и когда разсказываютъ о немъ, то тѣни ужаса мелькаютъ въ ихъ зрачкахъ...

Другой госпиталь попалъ въ линію обстрѣла. Ни русскіе, ни австрійцы не могли его считать своимъ. Онъ былъ посединѣ между ними, къ нему нельзя было подойти. Здѣсь нѣсколько дней безпрерывно гремѣла адская музыка, шли бои. Обѣ стороны держались твердо. Австрійцы сломились и подались, наконецъ, назадъ, но каждую пядь оставленной земли густо покрыли кровью.

Госпиталь стоялъ одинокій въ долинѣ. Все вокругъ него было сломано и разбито. И домъ стоналъ отъ боли, когда пролетали надъ нимъ гранаты. Жуткая жизнь текла въ госпиталѣ. Раненые чувствовали надъ собой смерть. Она со зловѣщимъ хохотомъ, какъ метель въ степи, летала надъ крышей дома и заглядывала въ окна. Надъ ухомъ рвались шрапнели, и съ трескомъ разсыпались въ разныя стороны пули. Звенѣли и бились стекла. Ночью госпиталь озарялся молніями выстрѣловъ и освѣщался заревомъ пожара.

Ни на минуту не умолкалъ шумъ и трескъ. Онъ перемежался или сливался съ разсыпной дробью пулеметовъ. И оставленнымъ въ госпиталѣ людямъ казалось, что валится крыша и рушится домъ. Легко раненые и тѣ, кто могъ ползать по землѣ, расползлись, какъ муравьи, изъ страшнаго мѣста. Каждый въ свою

сторону: австрійцы къ австрійцамъ, русскіе къ русскимъ. А тяжелые въ безпамятствѣ стонали, бредили и кричали...

Медиковъ въ госпиталѣ не было. Помощи никакой. Госпиталь былъ просто страшной тюрьмой. И вотъ въ нашемъ отрядѣ «Краснаго Креста», который работалъ за русскими позиціями, явилась смѣлая мысль перенести раненыхъ къ себѣ, въ безопасное мѣсто. Ночью нѣсколько санитаровъ, съ офицеромъ «Краснаго Креста» во главѣ, отправились въ опасное предпріятіе. Прошли линію нашихъ позицій и осторожно стали красться по открытому полю... Стояла тишина... Войска за день утомились и спали. Отрядъ благополучно дошелъ до дома, вошелъ въ него и вынесъ на носилкахъ нѣсколькихъ тяжело раненыхъ. Всѣхъ сразу было нельзя взять. Въ случаѣ удачи хотѣли повторить путешествіе. Но когда они двинулись съ носилками на плечахъ домой, австрійскій часовой замѣтилъ процессію, и тишину внезапно всколыхнулъ артиллерійскій шрапнельный снарядъ. Видѣли австрійцы «Красный Крестъ» на рукавѣ санитаровъ или нѣтъ, — неизвѣстно. Могло случиться, что въ темнотѣ они приняли нашихъ санитаровъ за развѣдчиковъ. Шрапнель ударила въ носилки, убила двухъ раненыхъ и одного санитара. Санитары пошли быстрѣе. Но ружейная пуля догнала офицера и пробила ему ногу. Его положили на носилки и принесли на перевязочный пунктъ.

Такъ и остались раненые въ госпиталѣ безъ помощи. Надъ ихъ головами, быть можетъ, и до сихъ поръ еще носится смерть...

IV.

Сестра Царя.

Счастливымъ чувствуетъ себя раненый, попадающій, наконецъ, послѣ всего страшнаго, пережитого въ чистый, свѣтлый госпиталь, подъ ласковое попеченіе сестеръ милосердія. Но трижды счастливымъ считаетъ себя тотъ, кому судьба помогла устроиться въ госпиталѣ, гдѣ за ранеными ухаживаетъ Государева Сестра, Великая Княгиня Ольга Александровна. Раненые, побывавшіе въ этомъ госпиталѣ, съ сіяніемъ въ глазахъ разсказываютъ о той особенной нѣжности и ласкѣ, о томъ материнскомъ, согрѣвающемъ теплѣ, съ какимъ относится къ нимъ Великая Княгиня.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна, въ костюмѣ сестры милосердія.

Вотъ въ углу госпиталя лежитъ раненый командиръ. Раненъ двумя пулями — одной въ руку, а другой — въ ногу. Послѣд-

няя, по его разсказу, была очень непріятна, такъ какъ не давала ему возможности продолжать наступленіе. Онъ подползъ къ холмику и, стащивъ сапогъ, перевязалъ наскоро ногу и прилегъ; вокругъ шелъ бой, и раненый не могъ пройти на перевязочный пунктъ.

Въ это время третья шальная пуля ранила его въ плечо. Онъ схватился за него рукой, но въ ту же минуту отъ боли впалъ въ обморокъ.

Что было дальше — командиръ не знаетъ. Очнулся онъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ было много раненыхъ. Послѣ подачи первой помощи его, въ числѣ многихъ, отправили въ лазаретъ Великой Княгини Ольги Александровны. Онъ не видалъ никогда Ея Высочество, и когда къ нему подошла сестра милосердія, небольшая, худенькая, съ лицомъ прекраснѣйшей доброты и нѣжности, онъ, конечно, и не догадывался, кто была она.

— Нога вотъ, — говоритъ командиръ, — да и плечо... а рука — это пустое.

— Снимите рубаху, я осмотрю вашу рану, — сказала тихо и просто сестра.

Командиръ раздѣлся. Сестра осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача и минутъ черезъ десять раненаго повели въ операціонную, гдѣ уже было много раненыхъ. Когда дошла очередь до него, начали очищать рану. Сестра стояла около; тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше шли другія операціи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и выниманіе кусочковъ доставило, конечно, тоже не мало боли.

— Пожалуйста, ваты, — сказалъ докторъ.

Сестра подала.

— Мало...

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какой-то жидкостью. Всѣ приказанія врача она исполняла безпрекословно въ то время, какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты! Воды!... Ножницы № 6... Скорѣй! Примите руку... Ваты!... Дайте шприцъ... скорѣе!...

Все это исполнялось моментально, безъ малѣйшаго смущенія и волненія; на раненаго въ упоръ смотрѣли два добрыхъ глаза, полныхъ нѣжности, состраданія и какой-то, казалось, печали; въ то же время эти глаза смотрѣли строго и притягивали къ себѣ, заставляя на секунды отвлекаться отъ боли... Наконецъ, очистка кончилась.

— Можете сейчасъ же терпѣть перевязку ноги? — спросилъ докторъ.

— Могу, — сказалъ командиръ.

Сестра развязала бинтъ и въ тазу, поданномъ фельдшеромъ и другой сестрой, начала мыть рану; послѣдняя была не велика, но пуля прошла насквозь, кость не дала излучинъ и рана была довольно легкая. Но отъ долгаго времени снаружи начиналось нагноеніе, которое надо было очистить. Мягкими, нѣжными, осторожными руками сестры была промыта рана, и докторъ сдѣлалъ, что нужно. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала перевязка пальца. Страданія обезсилили командира и въ безсознательномъ состояніи его перенесли на кровать. Что

произошло потомъ, онъ не помнитъ, но часовъ около восьми онъ очнулся. Къ нему подошла другая сестра; спросивъ, не надо ли чего, она бережно укрыла его вторымъ одѣяломъ, поправила подушки и принесла чаю съ виномъ. Затѣмъ она принесла тазикъ съ теплой водой, отерла раненому лицо, руки, шею, послѣ чего онъ почувствовалъ себя свѣжѣе и бодрѣе. Только что онъ собирался приподняться, чтобы пить чай, какъ подошла та сестра, что мыла ему раньше рану, и, подхвативъ подъ здоровое плечо, помогла подняться. Затѣмъ она сѣла на край кровати, налила въ блюдечко чаю и стала поить, точно ребенка.

— Вы семейный?—спросила сестра, — дѣтки есть? Ну, что жъ, поѣдете ихъ провѣдать, а потомъ опять?...

Командиръ отвѣчалъ, что черезъ мѣсяцъ должно быть вернется къ ротѣ.

— А вы очень любите свою роту? — спросила сестра и, не дождавшись отвѣта, сказала:

— Вамъ надо спать, уже поздно, девять часовъ, а завтра поговоримъ...

Затѣмъ сестра встала, мягко провела рукой по волосамъ раненаго и какъ-то по-матерински, какъ можетъ говорить лишь мать, сказала:

— Ну, спите, будьте умницей...

— Сестра! — произнесъ вдругъ командиръ, — скажите: въ этомъ лазаретѣ работаетъ Великая Княгиня Ольга Александровна?...

— Да, а что?

— Мнѣ бы повидать..

— А вамъ зачѣмъ? — улыбнулась сестра.

— Да какъ же, — вѣдь Царская Сестра и вдругъ такую работу исполняетъ... да и потомъ говорятъ, она такая хорошая, добрая... мнѣ бы ручку поцѣловать Великой Княгинѣ...

— А вы мнѣ обѣщаете спать, если я вамъ это устрою?

— Обѣщаю, — сказалъ раненый, ободрившись.

— Ну, цѣлуйте скорѣе и спите, — сказала Сестра и ладонью закрыла мнѣ ротъ.

Въ первую секунду командиръ обомлѣлъ, не зная, что сказать. Затѣмъ, схвативъ руку, прижалъ ее къ губамъ.

— Ваше Императорское Высочество...

Сестра тихо отвела руку и сказала:

— Зовите меня «Сестрой» и помните, что вы дали обѣщаніе спать.

Съ этими словами она отошла. Не отрывая глазъ отъ Сестры, которая медленной походкой обходила койки раненыхъ, поправляла, что нужно и потомъ скрылась въ дверяхъ, слѣдилъ за нею командиръ.

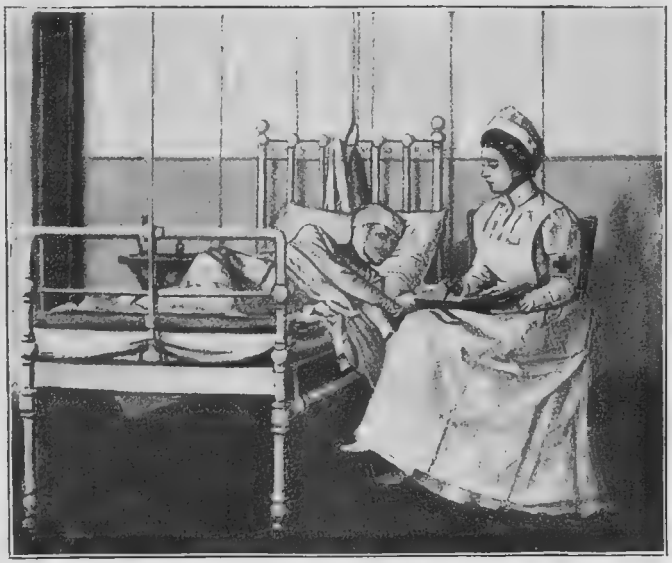
Всѣ слѣдующіе дни раненый, какъ и всѣ другіе, ждали лишь той минуты, когда къ нимъ подойдетъ Великая Княгиня, и эти минуты были для него настоящимъ праздникомъ и до могилы не забудутся.

Уѣзжая, дрожащими руками, забывъ свои раны, припалъ онъ къ рукѣ Сестры, а она говорила:

— Желаю вамъ здоровья и семьѣ вашей всего, всего лучшаго....

И такое отношеніе у Великой Княгини ко всѣмъ, кому повезетъ счастье попасть подъ ея заботу и ласку. Пожилой штабъ-офицеръ разсказываетъ:

— Когда я былъ раненъ тремя пулями пулемета, меня, по пріѣздѣ съ поля сраженія, направили въ ровненскій госпиталь, въ которомъ работаетъ Великая Княгиня Ольга Александровна. Я увидѣлъ Ея Высочество въ первый же вечеръ, когда насъ привезли. Великая Княгиня, въ бѣломъ халатѣ и такой же наколкѣ, съ



Въ лазаретѣ.

краснымъ крестомъ на груди и полотенцемъ черезъ плечо, стояла возлѣ раненаго въ бокъ офицера, которому врачъ дѣлалъ перевязку. Я послѣ перевязки поклонился Августѣйшей Сестрѣ милосердія; она милостиво протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Сестра усадила меня на табуретъ, разспросила о ранѣ и, по-

ручивъ другой сестрѣ, вышла. Былъ уже вечеръ, когда меня перевязали и уложили въ постель. Въ 7 часовъ утра на слѣдующій день Ея Высочество подошла къ моей кровати, сѣла и стала разспрашивать о ранѣ, о боѣ, о семьѣ. Я тихо отвѣчалъ на вопросы, не отрывая взора отъ ласковыхъ глазъ Великой Княгини. Рядомъ со мной лежалъ серьезно раненый капитанъ. Онъ повернулъ голову въ нашу сторону; Великая Княгиня наклонилась къ его лицу и тихо спросила, не надо ли ему чего. Затѣмъ она медленно и нѣжно стала гладить капитана по головѣ, по лицу и говорила:

— Вамъ сегодня хорошо, вотъ мы сейчасъ помѣряемъ температуру.

Затѣмъ взяла со столика термометръ, сама поставила его больному и отмѣтила минуты. Въ это время въ госпиталь вошелъ большого роста адмиралъ, который обходилъ раненыхъ и подошелъ къ намъ.

— Леля, — обратился онъ къ Великой Княгинѣ, — ты вѣдь совсѣмъ съ ногъ свалишься, иди спать, а то я самъ тебя уложу, иди отдохни.

Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Великій Князь Александръ Михайловичъ.

— Ну, какъ дѣла, капитанъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ моему сосѣду.

— Да ничего, — отвѣтилъ тотъ, — вотъ безпокоитъ меня одна мысль, а рана — это ничего, заживаетъ.

— Какая? — спросилъ Великій Князь.

— Да вотъ, уѣхалъ и не знаю, принятъ ли въ корпусъ сынишка, попалъ ли...

— Ну, попалъ навѣрное, — сказалъ Его Высочество, — это вамъ сегодня же сообщатъ...

— Какъ же это? — спросилъ капитанъ.

— Да вы ужъ не безпокойтесь, какъ ваша фамилія, какъ сына зовутъ?

Капитанъ заплакалъ. Великая Княгиня достала платокъ, вытерла лицо ему и, сказавъ что-то по-французски Великому Князю, вынула термометръ.

— Вотъ и молодцомъ вы сегодня, — сказала она.

Великій Князь вышелъ, а Великая Княгиня подозвала сестру, сказала ей подать чай и пошла къ другимъ койкамъ.

Цѣлый день я видѣлъ Ея Высочество то здѣсь, то тамъ. То отдавались распоряженія, то дѣлались перевязки, то она утѣшала и ласкала раненыхъ, то снова шла въ операціонную. Видѣлъ я ее съ лѣкарствами и тазомъ въ рукахъ, видѣлъ во время операціи. Я видѣлъ Великую Княгиню днемъ и ночью, рано утромъ и во время обѣда и чая; я всегда и постоянно видѣлъ ея нѣжную, ласковую, успокаивающую, худенькую фигурку, которая появлялась въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ нужнѣе помощь и утѣшеніе.

Одно присутствіе Ея Высочества, съ ея манерой матери, любящей и нѣжной, вливало бодрость раненымъ и терпѣніе переносить страданія боли. Эта Сестра утѣшенія была предметомъ нашего благоговѣнія и безконечной любви къ ней...

Вечеромъ капитанъ получилъ телеграмму, которую принесъ ему Великій Князь Александръ Михайловичъ.

— Сынъ вашъ принятъ въ кадетскій корпусъ, — прочиталъ Его Высочество, и капитанъ залепеталъ слова благодарности.

— Молчите, молчите, — строго сказалъ Великій Князь, — вамъ нуженъ покой. Не плачьте, Сестра сердится, что вы плачете.

Дней черезъ десять капитана перевели.

Уѣзжая, — говорилъ капитанъ, — я подошелъ къ Великой Княгинѣ, поблагодарилъ за все. Она протянула мнѣ руку, взяла за голову и, погладивъ по лицу, сказала:

— Ну, будьте умницей, будьте здоровы!

Слезы стояли въ моихъ глазахъ.

— Ваше Императорское Высочество, — обратился я, — удостойте написать мнѣ на память что-нибудь...

Великая Княгиня взяла листокъ бумаги и карандашомъ написала: «На добрую память подполковнику Н-го полка НН. Великая Княгиня Ольга Александровна».

Я храню, — кончилъ свой разсказъ капитанъ, — буду хранить и заповѣдаю хранить своимъ дѣтямъ эту надпись, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе о лазаретѣ и нашемъ «ангелѣ-утѣшителѣ», какъ называютъ раненые Государеву Сестру, Сестру милосердія.

V.

Среди плѣнныхъ.

Былъ тусклый, вѣтреный и холодный вечеръ.

Низко на небѣ сходились и расходились грязно-черные клочья, сквозь нихъ проступала безконечная, слѣпая, сѣрая муть.

Въ Москвѣ, на Смоленскомъ рынкѣ громадная толпа, непрерывно наростая, стоитъ неподвижно; женщины придерживаютъ шляпы, кутаются въ платки. Всѣ глаза устремлены въ одну сторону, на длинную полоску рельсовъ, поблескивавшую вдоль Новинскаго бульвара,

Дамы, солдаты, господа въ котелкахъ, торговцы. рабочіе, мальчики, бабы, студенты стоятъ плечо къ плечу и никто не толкается, не проситъ «не напирать», какъ

Въ вагонѣ раненые солдаты.

будто всѣмъ какъ разъ этого и хочется: прижаться другъ къ другу какъ можно ближе и крѣпче. Долго стоятъ такъ. Наконецъ, вдали, въ концѣ туманной перспективы показался вагонъ съ ясно, какъ полоска свѣжей крови, краснѣющей надписью. Онъ двигался медленно, но чѣмъ больше онъ приближался, тѣмъ тѣснѣе сдвигалась толпа — беззвучная, онѣмѣвшая; наконецъ, онъ подошелъ совсѣмъ и въ сгустѣвшейся въ узкомъ проѣздѣ между высокими домами мглѣ ярко закраснѣлъ крестъ. Въ вагонѣ раненые солдаты.

Кто-то прошепталъ: «Господи, Господи»... Сквозь закрытыя окна вагоновъ не было видно ничего, но должно быть глаза собравшихся видѣли все сквозь стѣнки и занавѣси, видѣли этихъ блѣдныхъ, неподвижныхъ, съ запрокинутыми головами людей, своихъ, самыхъ близкихъ, самыхъ милыхъ, самыхъ нужныхъ...

Не успѣлъ еще этотъ вагонъ скрыться, какъ вдали показались другіе два, въ окнахъ которыхъ тоже виднѣлись сѣрыя шинели и безкозырки, но не свои, а чужія.

Народъ кинулся къ нимъ со всѣхъ сторонъ; въ нѣсколько мгновеній вагонъ былъ окруженъ плотнымъ кольцомъ.

— Нѣмцы! — сказалъ кто-то, и толпа весело засвистала, зашумѣла, надвигаясь къ вагонамъ.

— Нѣмцевъ, нѣмцевъ привезли!..

И вдругъ все смолкло. Пруссаковъ поочередно и потихоньку выводили изъ вагоновъ наши солдаты.

— Раненые! — послышались голоса.

— Побили ихъ. Всѣ битые.

Наши солдаты съ точной служебной старательностью помогли плѣннымъ спуститься на мостовую и медленно, шагъ за шагомъ, повели ихъ къ казармамъ. Итти надо было довольно далеко. Огромнаго роста пруссакъ съ перевязанной ногой шелъ, прихрамывая и опираясь на плечо нашего унтеръ-офицера. Съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ солдатъ бережно велъ плѣннаго, помогая ему переступать черезъ лужи; потомъ, убѣдившись, что раненому трудно итти по грязной и скользкой мостовой, онъ вывелъ его изъ толпы и повелъ по тротуару.

Среди плѣнныхъ тамъ и сямъ виднѣлись грубыя шинели нашихъ солдатъ, поддерживавшихъ плѣнныхъ подъ руки или за талію. Толпа сдержанно переговаривалась:

— А сытые, братцы, ничего, сытый народъ.

— Сытѣе много противъ нашего.

— Большіе, большіе, страсть. Вонъ въ каскѣ-то, видно, офицеръ у нихъ?

— Это — австріякъ.

— Не, австріяковъ тутъ нѣтъ. Пруссія.

— Возиться еще тутъ съ ними!—вдругъ крикнулъ «хозяинъ», стоявшій у дверей запертой пивной.—Они кровь нашу пьютъ. Дать бы по шеѣ раза два.

На него оглянулись и посмотрѣли съ недоумѣніемъ. Никто не отозвался, не поддержалъ. Толпа продолжала подвигаться тихо-тихо. Послѣ нѣкотораго молчанія чей-то голосъ сказалъ:

— У насъ этого нѣтъ. Что-жъ такъ...

И сейчасъ же нѣсколько голосовъ заговорило:

— Что же, ихъ разъ побили. Попало ужъ довольно.

— Вѣрно, не дважды бить.

— А я, ребята, сейчасъ по-нѣмецки съ однимъ говорилъ. Вѣрно, вѣрно, я умѣю. Кормили, говоритъ, ихъ плохо, хлѣба у нихъ нѣтъ. Сапогъ тоже нѣтъ. Нехватаетъ сапогъ.

Заявленіе о плохой пищѣ у нѣмцевъ производитъ замѣчательный эффектъ, несмотря на только что засвидѣтельствованную ихъ «сытость». Раненые почти всѣ въ глубокихъ кожаныхъ туфляхъ: этого достаточно, чтобы повѣрить, что сапогъ нѣмцамъ нехватаетъ... Толпа втискивается между плѣнными; теперь уже чуть не

каждаго поддерживаетъ кто-нибудь. Въ карманы грязныхъ, порванныхъ, мѣстами окровавленныхъ шинелей суютъ булки, яблоки, копейки. Нѣмцы глядятъ вокругъ наивными, растерянными, круглыми глазами. Они ждали жестокости, расправы, ненависти, глумленія, а вмѣсто этого—сердечность, жалостливость, восклицанія: у насъ этого нѣтъ!..

Всѣхъ здоровыхъ плѣнныхъ прежде чѣмъ отправить въ отдаленные отъ войны города помѣщаютъ сначала въ особомъ лагерѣ за Москвой, среди полей картофеля, между глинистыхъ откосовъ, по которымъ бѣгутъ поѣзда окружной желѣзной дороги.

Лагеря, въ сущности, правильнаго нѣтъ, а есть ряды товарныхъ вагоновъ и въ нихъ, между ними и около нихъ, на глинистомъ лугу, кишитъ многотысячная толпа. Много любопытныхъ, много женщинъ, мальчугановъ, которые съ безпокойнымъ любопытствомъ впиваются глазами въ плѣнныхъ и прилипаютъ ко всякой кучкѣ, гдѣ начинаются разговоры. Много нашихъ солдатъ въ темно-сѣрыхъ мундирахъ.

Плѣнные рѣзко выдѣляются. Они всѣ свѣтло-сѣрые. Мундиры, куртки и брюки на всѣхъ нѣжнаго, серебристо-сѣраго цвѣта. А на головахъ австрійскіе кепи, фески, каски съ орлами и съ начальными буквами именъ двухъ зажегшихъ поля Европы пожаромъ войны,—Франца-Іосифа и Вильгельма.

Густые потоки, цѣлое море свѣтло-сѣрыхъ людей. И здѣсь вдругъ воочію видишь, что скупыя офиціальныя извѣстія, какъ тамъ-то взяли нѣсколько тысячъ непріятеля въ плѣнъ и тамъ-то нѣсколько тысячъ,—

волнующая, сложная и красочная дѣйствительность. Каждый день подъѣзжаютъ и подъѣзжаютъ поѣзда съ тысячами плѣнныхъ, и еле-еле успѣваютъ ихъ провѣрять въ сосѣднихъ казармахъ и направлять въ дальнѣйшій путь.

Плѣнные поодиночкѣ бѣгаютъ съ чайниками и котелками въ гору, гдѣ въ казарменномъ зданіи выдается имъ пища, сѣрыми пятнами разсыпаются по полю, свободными группами сидятъ на корточкахъ около костровъ, вытирая слезы отъ дыма и покраснѣвшіе отъ холода носы. Въ котелкахъ варятъ супъ изъ картошки, которую, кажется, здѣсь же выкапываютъ съ молчаливаго дозволенія владѣльцевъ полей... Кипятятъ чай. Кое-кто на крышкахъ котелка заботливо сушитъ спитой чай, чтобы снова пустить его въ дѣло.

Всѣ эти плѣнные привезены съ австрійскаго фронта, частью съ прусскаго. Худые, изможенные, съ безпокойными глазами, они озираются и услужливо вскакиваютъ, когда публика обращается къ нимъ съ вопросами. Но уже, видимо, какой-то главный страхъ прошелъ. Эти вздрагиванья и торопливость—только слѣды недавняго потрясенія. Плѣнные охотно отвѣчаютъ; на улыбки отвѣчаютъ улыбками. Смотрятъ довѣрчиво, обращаются съ просьбами размѣнять ихъ австрійскія кроны на русскія деньги. И серебро звенитъ, пересыпаясь изъ русскихъ кошельковъ въ руки плѣнныхъ, при общемъ гомонѣ, восклицаніяхъ, вопросахъ, отвѣтахъ, среди общаго непониманія въ словахъ, но какого-то особаго разговора при помощи жестовъ, киваній, дружескихъ интонацій, успокоительныхъ улыбокъ.

Многіе плѣнные, получивъ деньги, сейчасъ же бѣгутъ покупать пирожки, которые соблазнительно розовѣютъ на лоткахъ разносчиковъ. Другіе жуютъ яблоки и булки, купленныя съ лотковъ. Продавцы ныряютъ тутъ и тамъ съ дѣловымъ видомъ, словно въ ярмарочной толпѣ.

Да, война далеко, уже далеко для плѣнныхъ. И кажется, что даже это чужое глинистое поле подъ моросящимъ дождемъ и эта чуждая любопытствующая толпа даютъ напуганнымъ плѣннымъ успокоеніе.

— Страшно было въ сраженіи?—спрашиваетъ кто-то одного изъ плѣнныхъ.

— О!—съ ужасомъ говоритъ онъ, округляетъ глаза и взглядываетъ вверхъ, поднявъ руку, какъ бы вновь переживая тотъ леденящій ужасъ, когда воздухъ рвался, гремѣлъ, оглушалъ и убивалъ дождемъ снарядовъ.

— Страшно!—добавилъ онъ, содрогаясь, и глядитъ на спрашивающаго дѣтскими, испуганными глазами.

Чехи, нѣмцы, поляки, мадьяры, боснійцы, турки въ сѣрыхъ фескахъ — смѣсь народностей, которую составляетъ Австрія и которая брошена на насъ въ видѣ пестраго, нестройнаго войска.

Нѣмцы хмурятся, славяне улыбаются публикѣ и всего охотнѣе откликаются чехи.

Спросишь какого-нибудь плѣннаго:

— Вы нѣмецъ?

Онъ, встрепенувшись, бодро и весело отвѣчаетъ, энергично тряся головой:

— Нѣтъ, нѣтъ! Чехъ! Я — чехъ!

И сразу придвигаются нѣсколько человѣкъ, которые привѣтственно кивaютъ, весело восклицаютъ:

— Мы — чехи! Нѣтъ, мы — чехи!

И говорятъ это настойчивой, искательной ласковостью, какъ бы подсказывая въ интонаціяхъ: «Мы же свои — родные! Ну, какъ же вы не узнали? Мы — чехи!»

Въ большой группѣ столпились нѣсколько молодыхъ и пожилыхъ бабъ, русскихъ солдатъ и свѣтло-сѣрыхъ плѣнныхъ.

Бабы съ любопытствомъ въ упоръ разсматриваютъ плѣнныхъ. И тѣ смотрятъ на нихъ жалобно и размягченно.

Бабы прежде всего жалѣютъ:

— Тоже, вѣдь, не сладко! А? На чужой-то сторонѣ!

Плѣнные, не понимая, безпокойными, вопросительными глазами впиваются въ чужіе глаза и безпомощно озираются на конвойнаго.

Конвойный охотно и пространно глагольствуетъ.

— Еще бы! — говоритъ онъ бабамъ. — Тоже вотъ какъ начнутъ о своихъ разсказывать, — плачутъ. Тоже, вѣдь, дома-то жены, дѣти, хозяйство.

— А зачѣмъ вы пошли насъ убивать? А? — строго и пытливо спрашиваетъ баба высокаго плѣннаго.

Онъ безпомощно переминается передъ ней.

— Мы, вѣдь, васъ не убивали! — настойчиво говоритъ баба. — Вы зачѣмъ въ нашихъ начали стрѣлять?

— Постой-ка, ты! — миролюбиво вмѣшался конвойный. — Они, конечно, и не рады бы. Они, ежели бы знали, что вотъ этакъ, честь-честью, кормить да обогрѣвать будутъ, они бы, конечно, подняли этакъ руки: сдаюсь и шабашъ.

Онъ снисходительно смотритъ на плѣнныхъ, они безъ вражды смотрятъ на него. Видимо, примирились и отчасти сблизились за дорогу.

— А это у тебя что? — хватаетъ одна изъ бабъ за руку плѣннаго въ сѣрой фескѣ и съ любопытствомъ смотритъ на кольцо съ большимъ темнымъ камнемъ.

— Это у тебя жена? А? Жена, говорю, дома осталась?

— Гм... давай... продавай... — бормочетъ плѣнный, не понимая, — продавай... Два рупъ!..

— Да нѣтъ! — говоритъ конвойный, — Жѳна есть? Вотъ этакая! — и онъ тычетъ на бабу въ голову.

— А! Есте! Есте! — радостно бормочетъ плѣнный.

— И дѣти? — спрашиваетъ конвойный, указывая ладонью на четверть отъ земли.

— Есте! Есте! — киваетъ плѣнный и поднимаетъ три пальца.—Есте! Мушчи!..

— Ага! Три сына! — переводитъ конвойный. — Ну, вотъ, турокъ, а, вѣдь, тоже...

Турокъ или, вѣрнѣе должно быть, отуреченный босніецъ, растревоженный воспоминаніемъ о далекомъ домѣ, съ увлеченіемъ и долго что-то разсказываетъ о своей семьѣ, и бабы, ничего не понимая, терпѣливо его слушаютъ, вздыхая.

Въ другой группѣ нѣмецъ, обросшій рыжей щетиной, въ черной каскѣ съ одноглавымъ орломъ, разсказываетъ довольно охотно, какъ его вмѣстѣ съ отрядомъ въ 250 человѣкъ, когда они выдвинулись на развѣдки около Вислы, перехватили казаки, часть перестрѣляли, а часть взяли въ плѣнъ.

— Продайте каску! — неожиданно обратился къ нему по-нѣмецки одинъ изъ публики.

Нѣмецъ отшатнулся, какъ бы отъ удара и, помолчавъ, сдержанно сказалъ, что каска принадлежитъ кайзеру, и что она ему теперь дорога, какъ память. Онъ снялъ каску и показалъ вдавленное мѣсто отъ пули, а на лбу указалъ легкую запекшуюся ранку отъ той же пули.

Въ одной большой группѣ происходила почти свалка. Двѣ раскраснѣвшихся дамы, накупивъ полныя руки пирожковъ, раздавали ихъ плѣннымъ, а тѣ бросались, какъ голодные волчата, выхватывая пирожки и скаля зубы жалкой улыбкой.

Плѣнные были, видимо, вообще голодны длительнымъ голодомъ. Изъ ихъ сбивчивыхъ разговоровъ выяснилось, что до своего плѣненія они во время похода нѣсколько недѣль плохо питались. Во время переѣзда плѣнныхъ въ товарныхъ вагонахъ, среди военной суеты тоже не могли они разсчитывать на комфортъ. И сейчасъ около маленькихъ дымныхъ костровъ они жадно глотали простой супъ изъ картошки съ накрошеннымъ чернымъ хлѣбомъ, жадно ѣли яблоки, пирожки, хлѣбъ и другія приношенія сердобольной публики. Одинъ плѣнный въ четыреугольной манеркѣ вскипятилъ чай, набросалъ въ него кусками сахаръ, размѣшалъ перочиннымъ ножомъ и торопливо, жадно, озираясь, обжигаясь, пилъ черезъ край.

Въ нѣсколькихъ товарныхъ вагонахъ толпились плѣнные въ пиджакахъ, пальто, велосипедныхъ фуражкахъ и шляпахъ. Это — иностранные подданные изъ западныхъ городовъ.

— Ишь, горемычные! — жалѣли изъ публики.

— А наши то заграницей! Еще похуже! — возражали имъ другіе.

— Все-таки несладко!...

— А чѣмъ же плохо? — бойко вмѣшался конвойный, стоявшій среди плѣнныхъ. — На войнѣ не спрашивается, ѣдятъ, какъ вотъ и мы ѣдимъ. Еще имъ лучше: имъ 33 копейки даютъ въ день, а намъ — 32.

И онъ смѣется, подшучиваетъ, а за нимъ начинаютъ улыбаться и хмурые плѣнные.

Странные, неожиданные звуки хоровой пѣсни раздаются изъ одного вагона. Плѣнные, биткомъ набившись въ товарный вагонъ, усердно и нестройно пѣли пѣсню, а одинъ изъ плѣнныхъ въ серединѣ толпы серьезно махалъ суковатой палкой, наподобіе дирижера. Въ углу вагона кто-то закричалъ очень ужъ фальшиво. Дирижеръ замахнулся на него палкой. Пѣсня смолкла. Плѣнные хохотали. Смѣялся, хватаясь за животъ, и конвойный, стоявшій у вагона.

— Это чехи, — пояснилъ онъ, указывая на гудящій смѣхомъ вагонъ.

Не хуже, чѣмъ здоровые плѣнные въ лагерѣ, чувствуютъ себя и тѣ раненые плѣнные, которыхъ помѣстили въ лазаретъ. Лазаретъ этотъ находится въ Лефортовѣ, гдѣ рядомъ съ огромными казармами военнаго училища выдѣляется громадное зданіе съ надписью на фронтѣ: «военный гошпиталь».

Это самый большой военный госпиталь въ Россіи. Зданіе старое, еще павловскихъ временъ и, какъ все этой эпохи, слишкомъ казарменное и мрачное. «Казен-

ная» окраска, облѣзлая штукатурка. Но все это угрюмо только снаружи. Внутри же полная противоположность. Все оборудовано и приспособлено по послѣднему слову науки и техники.

Нашелся здѣсь пріютъ и для первыхъ плѣнныхъ — раненыхъ германцевъ: во дворѣ военнаго госпиталя стоитъ большой флигель. Въ немъ большія, свѣтлыя комнаты. Чисто, какъ и вездѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ русскими больными, размѣщены и плѣнные. Кровати и постельное бѣлье имъ предоставлены такія же, какъ полагается русскимъ. Бѣлье абсолютно свѣжее.

Всѣ плѣнные лежатъ, укрывшись желтыми больничными халатами. На тумбочкахъ у каждаго изъ нихъ стоитъ посуда съ ѣдой. Пища имъ дается та же, что и своимъ.

Раннее утро, но всѣ они уже проснулись и лежатъ съ открытыми глазами. Всѣ они — нижніе чины. Самый старшій изъ нихъ — унтеръ-офицеръ. Онъ, между прочимъ, раненъ тяжелѣе другихъ. У него прострѣлена навылетъ грудь, прострѣлено и легкое.

Большинство — молодежь, а двое-трое — просто мальчики. Впечатлѣніе нѣкоторой солидности производитъ только одинъ рыжій солдатъ, съ большими выхоленными усами, въ золотыхъ очкахъ и съ золотымъ обручальнымъ кольцомъ. Должно быть, какой-нибудь зажиточный коммерсантъ, прямо отъ кассы взятый подъ ружье.

У насъ нельзя встрѣтить солдата въ очкахъ, — такихъ близорукихъ у насъ не берутъ; этотъ же плѣнный безъ очковъ не видитъ почти ничего.

Опасно раненыхъ среди нихъ нѣтъ, но раны всѣхъ ихъ отнесены къ числу серьезныхъ. Тѣмъ не менѣе видъ у нихъ довольно бодрый; нѣкоторые даже весело смѣются, оживленно между собою болтаютъ.

Говорятъ, что въ первыя минуты они сильно трусили, все ждали отъ «русскихъ варваровъ» какихъ-то неистовыхъ звѣрствъ; видя, что опасенія ихъ, конечно, не оправдались, они сразу ожили и, видимо, начали чувствовать себя, во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ чувствовали бы себя въ германскомъ лазаретѣ.

Въ палату входитъ главный врачъ и привѣтствуетъ плѣнныхъ:

— Гутъ моргенъ! (Доброе утро!)

Тѣ поворачиваютъ къ нему свои лица, улыбаются и въ отвѣтъ кивaютъ головами.

Докторъ обходитъ каждаго изъ нихъ:

— Нравится ли пища?

— Очень.

— Есть ли аппетитъ?

— Хорошій.

Затѣмъ начинаются вопросы о самочувствіи, о состояніи ранъ. Назначаются перебинтовки, перевязки. Тонъ разговоровъ самый мягкій, обычный для врача при бесѣдѣ съ больными. Никто изъ нихъ по-русски, разумѣется, ни слова.

Одинъ изъ плѣнныхъ — познанскій полякъ, и докторъ говоритъ съ нимъ по-польски.

— Доволенъ ли ты уходомъ за тобой?

— Бардзо.

— А правда ли, что у васъ тамъ нѣмцы добивали нашихъ раненыхъ?

Полякъ отвѣчаетъ, подумавъ:

— Самъ не знаю, а только слыхалъ, что правда.

Въ концѣ обхода рыжій солдатъ въ золотыхъ очкахъ обратился къ доктору съ маленькой претензіей: ему не позволяютъ въ общей палатѣ курить; а, какъ раненый въ ногу, выходить въ коридоръ онъ не можетъ.

— А что куришь? — спрашиваетъ докторъ, — сигары?

Тотъ утвердительно киваетъ головой.

— О, да, да, сигары.

Обходъ доктора законченъ, и плѣннымъ начнутъ сейчасъ дѣлать перевязки.

Наши больные солдатики этой же палаты толпятся вокругъ нѣмцевъ и разглядываютъ ихъ съ добродушнымъ любопытствомъ. Нѣмцы, сосѣди по кроватямъ, отвѣчаютъ имъ тѣмъ же.

Хорошо живется плѣннымъ у насъ въ Россіи — ихъ окружаетъ забота, тепло и ласка.

Каково-то нашимъ солдатамъ, которыхъ судьба забросила въ плѣнъ къ врагу?

ВЪ ЗАВОЕВАННОМЪ КРАЮ.

I.

Въ Восточной Пруссіи.

Однажды одному офицеру пришлось, выполняя военное порученіе, совершить поѣздку отъ нашихъ передовыхъ позицій въ Восточной Пруссіи на разстояніи 150 верстъ.

Эта поѣздка по только что занятой вражеской землѣ представляла много опасностей.

Офицеръ могъ взять съ собою лишь одного денщика, такъ какъ большаго числа людей его часть отрядить не могла. Правда, офицеру дано было полномочіе взять въ случаѣ надобности людей изъ какого-либо встрѣчнаго казацкаго отряда, но онъ этимъ полномочіемъ не воспользовался. Такимъ образомъ, весь переѣздъ черезъ Пруссію офицеръ совершилъ вдвоемъ съ денщикомъ.

Путь по бывшей прусской землѣ никакъ не могъ считаться безопаснымъ. Хотя регулярная германская армія принуждена была далеко отступить предъ натискомъ нашихъ войскъ, всѣ мѣстности были полны нѣмецкими шпіонами и лазутчиками. Преимущественно на велосипедахъ они слѣдили за передвиженіемъ нашихъ частей, пользовались всякимъ случаемъ нанести

намъ какой-либо ущербъ и не брезгали убійствомъ изъ засады. Иногда въ мѣстностяхъ, уже занятыхъ нами, появлялись вновь и нѣмецкіе кавалерійскіе разъѣзды. Офицеръ зналъ, что все время долженъ быть на-сторожѣ и что успѣхъ его предпріятія зависитъ прежде всего отъ крайней осмотрительности.

Въ первый же день пути произошла встрѣча съ однимъ изъ нѣмецкихъ шпіоновъ. Оглядывая кругозоръ въ бинокль, офицеръ замѣтилъ, что на краю дороги отдыхаетъ какой-то въ одеждѣ «защитнаго» цвѣта, положивъ около себя велосипедъ. Осторожно приблизившись, офицеръ громкимъ голосомъ приказалъ неизвѣстному не трогаться съ мѣста. Тотъ, напротивъ, различивъ русскіе мундиры, быстро поднялся, сразу вытащилъ револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, по счастью, не причинившихъ вреда; потомъ вскочилъ на свою машину и помчался по дорогѣ. Офицеръ еще разъ закричалъ ему: «Halt!»[1]). Велосипедистъ продолжалъ летѣть, стараясь достичь ближняго лѣска, гдѣ могъ скрыться, съ тѣмъ, чтобы потомъ извѣстить своихъ товарищей о двухъ одинокихъ путешественникахъ. Колебаться было нельзя, и офицеръ въ свою очередь направилъ револьверъ. Второй пулей шпіонъ былъ убитъ наповалъ.

Не меньшую опасность представляли нѣмецкія селенія. Въ то время, какъ жители польскихъ деревень въ Восточной Пруссіи встрѣчаютъ русскихъ привѣтливо и охотно оказываютъ имъ всякія услуги, — жители

---

[1]) Стой!

селеній нѣмецкихъ или скрываются, или прибѣгаютъ къ самымъ безобразнымъ формамъ партизанской войны. Наши солдаты, напримѣръ, глубоко убѣждены, что нѣмцы отравляютъ колодцы, хотя врядъ ли это осуществимо уже въ силу техническихъ трудностей. Во всякомъ случаѣ нѣмцы стрѣляютъ изъ оконъ по проходящимъ русскимъ, ночью пытаются зарѣзать сонныхъ и т. д. Строго удостовѣренъ фактъ, что въ одной деревнѣ какая-то нѣмка, женщина пожилая, мать большого семейства, выстрѣлила одному офицеру въ спину послѣ того, какъ тотъ спросилъ у нея молока и заплатилъ за крынку серебрянымъ рублемъ, но неосторожно повернулся, поднося стаканъ къ губамъ.

Въ виду всего этого благоразуміе требовало не проводить ночей въ домахъ. Послѣ цѣлаго дня труднаго пути, офицеръ съ своимъ денщикомъ рѣшилъ переночевать въ полѣ. Уже вечеромъ, въ наступающей темнотѣ, имъ пришлось пересѣчь небольшую рощу. Черезъ нее они ѣхали, не спуская пальцевъ съ курка. За рощей оказалась обширная поляна, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было не опасаться нападенія неожиданнаго. Привязавъ не безъ труда лошадей, офицеръ и его денщикъ согласились караулить по очереди, такъ какъ общая опасность временно сравняла ихъ. И эта первая ночь въ темномъ полѣ, вдали отъ товарищей, когда надо было полагаться только на свои собственныя силы и остерегаться каждаго шороха, каждой тѣни, каждаго куста, наводила на душу болѣе жуткое чувство, чѣмъ часы ожесточеннаго боя, подъ нѣмецкими пулями и шрапнелью.

Продолжая путь на слѣдующій день, офицеръ одно время затруднялся въ выборѣ дороги. Хотя съ нимъ была подробная карта и компасъ, все же не легко было разобрατся среди множества перекрещивающихся тропинокъ, идущихъ по изрѣзанной мѣстности, съ оврагами, озерами и лѣсками. Замѣтивъ въ отдаленіи довольно большую помѣщичью усадьбу, офицеръ рѣшился обратиться туда за справками. Первоначально онъ разузналъ, конечно, кого можетъ встрѣтить въ усадьбѣ и убѣдился, что тамъ только старикъ-хозяинъ и его столь же старый слуга. Помѣщикъ, — мѣстный старожилъ-нѣмецъ, гордящійся своимъ гербомъ, весьма почтенный съ виду, — встрѣтилъ русскихъ дружелюбно. Онъ предложилъ офицеру завтракъ, отъ котораго тотъ отказался, и разсказалъ, что всѣ его слуги, кромѣ одного, при приближеніи русскихъ разбѣжались. «Самъ же я,» — добавилъ старикъ, — «не пожелалъ покинуть родного дома, гдѣ я родился и надѣюсь умереть. Русскимъ я никакого зла не сдѣлаю и вѣрю, что они также не сдѣлаютъ зла мнѣ». Офицеръ спросилъ разъясненій относительно дороги. Помѣщикъ выразилъ готовность помочь русскимъ, вышелъ изъ комнаты и вернулся со своимъ слугою Карломъ, говоря, что этотъ Карлъ проведетъ путниковъ, куда надо.

Карлъ также имѣлъ видъ весьма почтенный, съ сѣдыми волосами и сѣдыми усами, и казался типомъ стараго преданнаго слуги, безпрекословно выполняющаго волю хозяина. Идя впереди путешественниковъ и указывая имъ дорогу, Карлъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и между прочимъ сурово осуждалъ бѣ-

жавшихъ слугъ, которые не поняли, что мирные жители во время войны должны продолжать свою обычную работу. Скоро однако офицеръ замѣтилъ, что Карлъ ведетъ ихъ совсѣмъ не по тому направленію, какъ слѣдовало, — по какой-то узкой тропинкѣ между болотистыми лугами. Спустя нѣкоторое время офицеръ могъ вполнѣ убѣдиться, что Карлъ имѣетъ намѣреніе завести въ непроходимыя топи. Опять пришлось взяться за револьверъ и направить его прямо въ лобъ проводнику. Понявъ, что его коварство открыто, Карлъ поблѣднѣлъ и задрожалъ. Сразу пропала вся его почтенность, и онъ сталъ униженно умолять о пощадѣ. Постоянно угрожая револьверомъ, офицеръ заставилъ проводника вывести себя на правильную дорогу.

Въ тотъ же день офицеру и его денщику случилось быть свидѣтелями возмутительнаго дѣла. По дорогѣ они натолкнулись на нѣсколько опрокинутыхъ и разломанныхъ повозокъ, около которыхъ лежали обезображенные трупы польскихъ крестьянъ. Позднѣе одинъ изъ товарищей убитыхъ, почти чудомъ самъ избѣгнувшій смерти, объяснилъ, что здѣсь произошло. Это возвращались съ пустыми телѣгами мѣстные польскіе крестьяне, помогавшіе русскимъ подвозить провіантъ. На нихъ, совершенно безоружныхъ, напалъ отрядъ нѣмецкой кавалеріи, совершавшій развѣдку въ этой мѣстности. Нѣмцы рѣшили наказать поляковъ за помощь русскимъ. Крестьяне никакъ не ожидали, что ихъ будутъ рубить, хотя они не защищаются (да имъ и нечѣмъ было защищаться), и наивно закрывали лица руками, ожидая только побоевъ. Вмѣсто того

нѣмцы разсѣкли имъ черепа и прокололи ихъ пиками. Повстрѣчавъ дальше разъѣздъ казаковъ, офицеръ указалъ имъ на присутствіе въ окрестностяхъ отряда нѣмецкихъ кавалеристовъ; всѣ они въ тотъ же день были настигнуты.

Третій день пути уже не представлялъ тѣхъ опасностей, какъ два первыхъ. Мѣстность была вполнѣ очищена отъ германскихъ войскъ и остерегаться приходилось только «мирныхъ» жителей. Впрочемъ, большинство селеній по дорогѣ оказывалось совершенно пустыми. Русскіе полки уже выступили далѣе, а мѣстное населеніе не вернулось. Многія селенія имѣли такой видъ, словно всѣ жители ушли на нѣсколько часовъ на прогулку: въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ нѣмцы ничего не успѣли увезти съ собой и ничего не разрушили. Дома были вполнѣ приспособлены къ жизни, которую можно было начать сегодня же; магазины наполнены товарами: виномъ, мануфактурой, ювелирными издѣліями. Обычно командиры нашихъ полковъ приставляютъ къ дверямъ магазиновъ стражу, предупреждая, что мародерство будетъ строжайше преслѣдоваться. Теперь же попадались и такія селенія, гдѣ съ уходомъ стража была временно снята, такъ что дома и магазины стояли неохраняемые никѣмъ.

Офицеръ не могъ скрыть, что при такомъ зрѣлищѣ у его денщика возникло сильное желаніе привезти цѣнный подарокъ своей женѣ. Великъ былъ соблазнъ при видѣ богатаго выбора дорогихъ вещей, какъ бы не принадлежащихъ никому. Офицеръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ своему авторитету, чтобы напо-

мнить денщику о солдатскомъ долгѣ. Въ концѣ концовъ денщикъ долженъ былъ удовольствоваться нѣмецкой шашкой съ золотымъ вензелемъ и поясомъ съ серебряными инкрустаціями, — своей законной военной добычей, взятой еще на полѣ брани. Такихъ трофеевъ много у всѣхъ русскихъ солдатъ, такъ какъ на поляхъ битвъ валяются цѣлыя груды нѣмецкаго оружія; нашимъ уже надоѣло его подбирать.

Все путешествіе длилось три дня. Но несмотря на непродолжительность, оно потребовало бо́льшаго напряженія духа, чѣмъ трехдневный безпрерывный бой. Сознаніе исполненнаго долга и удачно выполненнаго порученія, конечно, давали высокое нравственное удовлетвореніе. И все же, прибывъ къ мѣсту расположенія нашихъ значительныхъ силъ, откуда предстояло ѣхать уже въ полной безопасности, офицеръ почувствовалъ такое облегченіе, какого не зналъ послѣ окончанія многодневныхъ боевъ и послѣ блестящей побѣды, одержанной при участіи его полка,

II.

Въ поѣздѣ по Галиціи.

Поѣздъ тихо, осторожно подходитъ къ В..., гдѣ раньше была граница между Россіей и Австріей. Вагоны проходятъ мимо нагроможденныхъ обломковъ досокъ, бревенъ и желѣзныхъ частей. По обѣ стороны дороги — картина разрушенія. Сгорѣли громадное депо и мастерскія, торчатъ лишь желѣзныя балки, искривленныя и порыжѣвшія. Сгорѣла даже маленькая стрѣ-

лочная будка, одиноко торчавшая между рельсовыхъ путей. Отъ нея остались фундаментъ и нѣсколько опаленныхъ досокъ.

Ближе къ станціи картина ярче. Сгорѣла водокачка и ея огромный заржавленный водоемъ валяется на боку. Ѣхавшій въ поѣздѣ здѣшній желѣзнодорожный служащій объясняетъ:

— Мы ждали австрійцевъ и вынуждены были сжечь.

Около станціи разбросаны ржавыя земледѣльческія орудія: паровыя молотилки, плуги и т. п. Сожженъ пакгаузъ съ невостребованными грузами. Отъ пакгауза остались однѣ нелѣпо торчащія, искривленныя желѣзныя балки. Служащіе говорили, что пакгаузъ былъ полонъ цѣнныхъ грузовъ. По счастью пассажирское зданіе уцѣлѣло: динамитъ случайно не взорвался.

Поѣздъ остановился. Пассажиры стали перетаскивать вещи на «австрійскую сторону» станціи. Тамъ уже ждали два маленькихъ дрянныхъ австрійскихъ вагона третьяго класса. Стекла въ нихъ почти всѣ перебиты, двери плохо затворяются. Вагончики снаружи и внутри сѣрые, грязные, сорные.

Народу сѣло много. Военнымъ, понятно, предпочтеніе. Ихъ размѣстили прежде всѣхъ. Остальная публика стояла въ проходахъ, около горъ своего багажа. Внутри вагона уцѣлѣли австрійскія объявленія въ рамкахъ на нѣмецкомъ, польскомъ и русинскомъ языкахъ, плакаты о вѣнскихъ гостиницахъ и австрійскихъ курортахъ.

Прицѣпили маленькій паровозъ, на которомъ было клеймо «Berlin». Онъ осторожно потащилъ поѣздъ за собой. На правой сторонѣ обнаружилось пожарище.

Австрійцы сожгли здѣсь русскія желѣзнодорожныя казармы и нѣсколько клуней.

На паровозъ поѣзда прыгнулъ рабочій, у котораго на красной фуражкѣ написано: «проводникъ». Онъ, какъ лоцманъ, проводящій пароходъ между минъ, направлялъ паровозъ черезъ опасный мостъ въ завоеванную сторону.

У П... длинными рядами стоятъ на запасныхъ путяхъ товарные вагоны. Тутъ ихъ болѣе ста. Какихъ только надписей на нихъ нѣтъ! Всѣ желѣзнодорожные центры Австріи представлены здѣсь. Сѣренькіе вагончики — галиційскіе. На нихъ надписи: «Lwow», «Jaroslaw» и т. п. Большіе красные вагоны — венгерскіе. На нихъ помѣтка «M. O. V.». Есть даже прусскіе вагоны съ надписью: «Würtemberg».

Русскимъ достались сотни вагоновъ и болѣе 60 паровозовъ. Уже тысяча двадцать восемь верстъ желѣзнодорожнаго пути въ Галиціи и Буковинѣ принадлежатъ Россіи. Теперь уже больше, такъ какъ наша побѣдоносная армія, идущая въ сердце Венгріи и къ Кракову, проходитъ вдоль желѣзнодорожныхъ путей. И каждый день поэтому даетъ намъ новыя пріобрѣтенія.

За товарными вагонами видны грандіозные элеваторы. Въ нихъ осталась австрійская мука. Часовые охраняютъ ее.

На путяхъ вездѣ мусоръ, тряпки, бумага, палки. Поѣздъ прошелъ мимо большого и длиннаго угрюмаго зданія съ навѣсомъ. Это — вокзалъ. На перронѣ — два-три человѣка, въ окнахъ — никого. Верхній этажъ

зданія пустой: вѣтеръ хлопаетъ открытыми окнами. Вся многочисленная австрійская желѣзнодорожная администрація убѣжала. На мѣстѣ ея теперь — только 5—6 русскихъ служащихъ. Они ютятся въ четырехъ комнатахъ, оставляя огромное зданіе пустымъ.

Мѣстечко расположено кругомъ вокзала. Изъ окна вагона виденъ большой двухъэтажный домъ, весь изрѣшетенный пулями; рядомъ съ нимъ домъ сожженъ и торчатъ однѣ лишь стѣны. П... очень пострадалъ отъ мѣстныхъ мародеровъ въ тотъ періодъ, когда австрійская власть покинула мѣстечко, а русская власть еще не пришла.

Поѣздъ стоитъ мало. Къ двумъ вагончикамъ прицѣпили еще длинный и тяжелый хвостъ товарныхъ вагоновъ съ мукой и паровозъ, тяжело дыша, поплелся впередъ.

Путь здѣсь одноколейный до самаго Т... Безлюдье поражающее. Села попадаются часто, видны чистые на видъ большіе дома, блещущіе отличной штукатуркой. Кругомъ — рощицы, аллеи. Бросаются въ глаза зажиточность и высокая культура. Вьется лента прекраснаго шоссе съ приготовленными для ремонта кучками щебня. Но людей нѣтъ, словно всѣ вымерли. Стоитъ лишь наша охрана у мостовъ и на путяхъ — ополченцы. Да изрѣдка выскочатъ изъ-за насыпи ребята въ широкихъ шляпахъ, босикомъ и закричатъ издали:

— Пане, киньте цукеру (сахару)!

Или:

— Киньте тютюну (табаку)!

Закричатъ — и испугаются. И спрячутся за вагонъ. Подойти ближе боятся, — чужіе и страшные русскіе для нихъ.

На пути первая станція — «Б...». Рядомъ — польское названіе станціи. Зданіе большое, помѣстительное. Казармы для служащихъ, еще какіе-то дома, погреба, но людей нѣтъ. Дома пустые: окна отворены, стекла разбиты. Изъ нихъ глядитъ тьма. Набросаны вороха бумаги, какихъ-то писемъ и документовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это — станціонное дѣлопроизводство, развѣянное по вѣтру, какъ ненужное теперь.

Звонковъ нѣтъ. Поѣздъ тихо подошелъ, о чемъ-то подумалъ и такъ же тихо ушелъ. Пассажировъ новыхъ не сѣло. Стрѣлочникъ повернулъ стрѣлку и поѣздъ беззвучно поплелся къ слѣдующей станціи.

Изъ австрійцевъ на службѣ остались только переѣздные сторожа. Они въ синей австрійской формѣ, въ кепи съ австрійскимъ значкомъ. Когда проходитъ поѣздъ, эти сторожа стоятъ навытяжку рядомъ съ русскими солдатами.

Вторая станція — «М...». Вывѣска сдѣлана новая, по-русски. Но сбоку виденъ польскій текстъ. Здѣсь также пусто: зданій больше, чѣмъ людей.

И всѣ станціи таковы. Безъ звонковъ, безъ буфетовъ, безъ пассажировъ, съ разбитыми окнами. Путь устланъ соромъ. На мостахъ одинокіе часовые и воткнутыя въ землю длинныя палки, обмотанныя соломой, которая полита смолой или керосиномъ. Тутъ же, въ сторонкѣ, ночевки солдатъ: шалаши или бала-

ганы съ разбросанными кругомъ дровами и пепломъ костра.

А по сторонамъ — молчаливыя испуганныя села вплоть до самаго Т..., одного изъ крупныхъ городовъ Галиціи. За него австрійцы сражались довольно горячо.

На штукатурѣ вокзала видны слѣды пуль. Тутъ произошла схватка. Три австрійскихъ полка были разбиты около Т..., остатки въ паникѣ искали спасенія въ вагонахъ поѣзда.

Т... — чистый городокъ. Жизнь тутъ возстановлена, открыты магазины, на улицѣ — народъ. Но остались слѣды войны. Большой домъ еврейскаго госпиталя стоитъ разрушеннымъ австрійской гранатой. Разрушеніе только въ одномъ мѣстѣ, но домъ превращенъ въ нежилой. Разбиты окна, обваливается штукатурка. Рядомъ нарядное зданіе банка испорчено тремя снарядами: зіяютъ ихъ черныя дыры.

Остальное все въ цѣлости. Лишь прошла глубокая борозда въ душѣ жителей. Они до сихъ поръ со страхомъ вспоминаютъ пятичасовую перестрѣлку.

— Пули свистали по улицамъ, убили и ранили много цивильныхъ (не военныхъ),— разсказываетъ одинъ еврей-торговецъ. — Мы бросились въ погреба, тамъ отсиживались. Человѣкъ пятнадцать съ ума сошли. До сихъ поръ больны. Да и мы всѣ долго были въ родѣ сумасшедшихъ. Одна больная полька даже выстрѣлила въ русскаго солдата, но не попала... Виноваты во всемъ наши войска. Они увѣряли, что не допустятъ русскихъ до города. Мы и остались...

Еврей испуганно смотрѣлъ вокругъ себя.

На окраинѣ, гдѣ была самая жаркая схватка, никакихъ слѣдовъ ея. Словно ничего и не было. Въ полѣ — черная гладь пашни. Лишь двѣ братскихъ могилы напоминаютъ о недавнемъ быломъ.

О томъ, какъ запугано мѣстное населеніе, разсказываетъ корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ, лично посѣтившій Галицію. Разсказъ его жуткій и печальный:

«Когда я сѣлъ въ товарный вагонъ», — говоритъ этотъ корреспондентъ, — «тамъ были уже новые обитатели. На нашей соломѣ невозмутимо сидѣли два еврея, а въ углу стояла женщина въ синемъ костюмѣ. Но пришелъ кондукторъ и евреевъ высадилъ. Они долго упирались и клялись, что будутъ сидѣть такъ смирно, что панъ начальникъ ихъ не замѣтитъ. Но кондукторъ хладнокровно выбросилъ ихъ вещи и они быстро побѣжали въ слѣдующій вагонъ. Женщина подошла къ кондуктору и стала лепетать:

— Панъ добрій... панъ добрій...

Кондукторъ оглядѣлъ ее, засмѣялся и ушелъ. Женщина обратилась за поддержкой къ намъ. Она раскрыла свою сумку и, доставъ бумагу, подала мнѣ.

— Я — русская, — сказала она по-польски, — жила въ Россіи.

Бумага оказалась документомъ. Въ родѣ метрики. Тамъ, въ одной изъ графъ, стояло слово «Russland».[1]) Затѣмъ она дала мнѣ другую бумагу — свой акушерскій дипломъ, выданный изъ львовскаго университета.

Все это она дѣлала нервно, испуганно. Глаза ея выражали мольбу. Мы всѣ успокаивали ее, какъ могли.

[1]) Russland — по-нѣмецки Россія.

Она сѣла, наконецъ, на боченокъ и стала говорить, что ея мужъ въ австрійской арміи. Показала намъ его открытки съ позицій. Такія открытки въ изобиліи у каждаго австрійскаго солдата.

— Но какъ только ваши взяли Львовъ, письма прекратились. Некуда стало ему писать. Что съ нимъ — не знаю... Ѣду въ Львовъ узнать...

— Что же онъ вамъ писалъ?

— Скоро хотѣлъ пріѣхать. Я его ждала.

Потомъ она начала разсказывать объ австрійцахъ: Какіе они плохіе люди! И было видно, что говорила она это потому, что боялась меня, спавшихъ въ углу людей и сумерекъ, которыя спустились на землю. Она не вѣрила въ наше миролюбіе и видѣла въ насъ побѣдителей. Я не зналъ, какъ успокоить ее. Все равно, она ничему не повѣритъ. Легъ на солому, подложилъ подъ себя иззябшія ноги и притворился спящимъ. Она замолчала.

Прошло минутъ пять. Вдругъ я слышу — она тихо запѣла. Прислушиваюсь. Тоскующая малороссійская пѣсня. И языкъ малороссійскій. Сразу исчезло все: и громыхающій поѣздъ съ холоднымъ вагономъ, и война съ ея ужасами. Открылось южное теплое небо...

О, зрада, зрада,
Кари очи, зрада...

Можетъ быть, эта пѣсня осталась у нея отъ дѣтства, проведеннаго гдѣ-то въ Россіи,

Ой, зидешь, зидешь
Русску Украину...

И вотъ эту хорошую минуту я испортилъ самымъ глупѣйшимъ образомъ. Пѣсня понравилась, и я, по привычкѣ все записывать, захотѣлъ ее записать. Вынулъ блокъ-нотъ и сѣлъ съ «австріячкой» рядомъ. Она повторила слова пѣсни, но уже холодными губами. И я видѣлъ, какъ глаза ея испуганно метнулись.

Я записалъ и спряталъ книжку. Она молчала.

— Прошу пана, можетъ, я чего дурне співала? — обратилась она вдругъ ко мнѣ.

— Ничего дурного. Хорошая пѣсня.

— Нѣтъ, пане... Я дурне співала... Это нельзя співать...

Глаза ея наполнились слезами. Она поблѣднѣла и плачущимъ голосомъ повторяла:

— Дурне... Ахъ, я...

И вдругъ зарыдала истерическими слезами. Проснулись мои спутники. Втроемъ мы стали ее утѣшать и какъ будто успокоили.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я русина, который говорилъ съ ней по-польски.

— Испугалась баба.

— Чего?

— Вы въ книжку записали, а она думала, что теперь ее за пѣсню поведутъ къ разстрѣлу... Австріячка она, а вы русскій!

— Боже мой!..

— Время теперь военное. А они напуганы австрійскими войсками. Тѣ, уходя, говорили, что русскіе рѣжутъ дѣтей и женщинъ.

«Австріячка» молча слѣдила за моими движеніями. Если бы я сидѣлъ спокойно, — успокоилась бы и она. Но я на станціи сошелъ на платформу.

Когда вернулся, — ея уже не было. Русинъ разсказывалъ, что она, какъ только я ушелъ, съ крикомъ и слезами спрыгнула на землю и скрылась въ темнотѣ. Она думала, что я пошелъ привести свой планъ въ исполненіе. Я прошелъ по вагонамъ. Ея не было нигдѣ...»

Отъ Т... поѣздъ пошелъ быстрѣе. Попрежнему онъ тихо подходитъ въ станціи, тихо и уходитъ. Въ одномъ мѣстѣ, около полотна дороги, мелькнули двѣ братскихъ могилы и скрылись.

На станціи «О...» — картина полнаго разрушенія. Это — единственная станція по пути до Львова, уничтоженная австрійцами, но не ихъ войсками: войска все надѣялись вернуться. Станція разрушена начальникомъ станціи. Въ немъ въ одномъ явилось сомнѣніе въ возвратѣ. Онъ поджегъ зданія. Говорятъ, русскіе застали его за «исполненіемъ долга»...

Разрушены казармы, товарный складъ, торчатъ желѣзныя балки, сожжены стрѣлочныя будки. Отъ пассажирскаго зданія остались однѣ стѣны. Навѣсъ надъ платформой тяжко свисъ и готовъ обрушиться. На немъ навалены камни. Сдѣлано чище, чѣмъ въ В... Но осталась небольшая казарма. Въ ней и пріютились русскіе желѣзнодорожники.

Въ К... — яркіе слѣды происшедшаго здѣсь жаркаго боя. Прямо противъ вокзала — нѣсколько крестовъ на свѣже-засыпанныхъ могилахъ. Кресты ставились наспѣхъ: Нашли доски — дѣлали крестъ изъ

досокъ; не нашли — срывали вѣтки дерева и изъ нихъ сплетали крестъ. Есть могилы и безъ крестовъ — только холмики.

Недалеко отъ вокзала что-то чернѣетъ — то яма или, вѣрнѣе, коридорчикъ въ землѣ, на одномъ концѣ котораго углубленіе и навѣсъ надъ углубленіемъ.

Правильный рядъ такихъ ямъ уходилъ къ горизонту. Это — австрійскіе окопы, которые представляютъ верхъ саперной техники. Навѣсъ какъ будто каменный и покрытъ землей, но сдѣланъ онъ изъ цемента. Этотъ навѣсъ предохраняетъ солдата отъ снарядовъ. Поверхъ навѣса — ложбинка для ружья. Навѣсъ длиной съ ружье безъ штыка. Въ такомъ окопѣ солдатъ свободно стоялъ и видѣлъ непріятеля, самъ не будучи замѣтенъ.

При видѣ этихъ ямъ вспоминается разсказъ одного солдата, участника боя подъ К...

— Послѣ Т... непріятель пропалъ изъ виду. Ищемъ его, — нѣтъ. Идемъ впередъ. Расположились однажды на полѣ обѣдать. Кто уже взялъ себѣ похлебки, кто еще нѣтъ. Вдругъ легкій выстрѣлъ. И по полю показались дымки. Мы оказались подъ выстрѣлами. Австрійцы стрѣляли изъ окоповъ. Мы ихъ не видимъ, а они по насъ жарятъ. Окопались и мы. Но не достанемъ ихъ винтовкой, да и только! Видны одни штыки, по штыку и палили. Но съ фланговъ къ нимъ зашла наша артиллерія и давай ихъ угощать гостинцами. И мы стали напирать, подошли вплотную. Людей потеряли, а подошли. Выскочили они изъ окоповъ, а мы ихъ пулеметами. Они во вторые окопы и снова исчезли. Опять мы на нихъ навалились. Выскочили они и бѣ-

жать. А пулеметы имъ взадъ. Сколько ихъ тутъ погибло! Все поле было усѣяно тѣлами...

За первымъ рядомъ окоповъ второй такой же рядъ. Валяются тряпки, грязные бинты. На днѣ окоповъ обоймы отъ патроновъ; деревянное ложе ружья, сломанное колесо отъ зарядnаго ящика и тутъ же самъ пустой ящикъ на боку въ лужѣ грязи.

Дождь и время уже засыпаетъ окопы. Возвращаются испуганные жители и на крови мирно сѣютъ хлѣбъ. Есть окопы уже засыпанные. Плугъ прошелъ по нимъ и сравнялъ.

Вдали холмъ, какъ будто зеленый. На немъ большой деревянный крестъ: братская могила. Миромъ и покоемъ обвѣяно кровавое поле...

Поздно ночью поѣздъ подходитъ къ Львову, столицѣ завоеваннаго края.

III.

Львовъ.

Городъ Львовъ, нынѣ перешедшій къ русскимъ, является и въ дѣйствительности однимъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, насчитывающимъ около семисотъ лѣтъ своего существованія.

Точное выясненіе времени основанія Львова было предметомъ многихъ научныхъ изысканій, которыя все-таки и донынѣ этого вопроса опредѣленно не разрѣшили. Первыя лѣтописныя свѣдѣнія о Львовѣ относятся къ 1259 году; согласно имъ, городъ устроенъ приблизительно около 1250 года. Подъ вліяніемъ нашествія

монголовъ всюду, по всѣмъ областямъ тогдашней Руси, которыя уцѣлѣли отъ татарскаго погрома, стали воздвигать укрѣпленные города. Однимъ изъ такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ и Львовъ. Основателемъ города былъ удѣльный перемышльскій князь Левъ Даніиловичъ, сынъ знаменитаго князя, а затѣмъ короля галицкаго и русскаго Даніила Романовича.

Въ 1340 году погибъ отъ отравленія послѣдній галицкій князь Юрій II, и Галицкою Русью послѣ ряда войнъ овладѣваетъ польскій король Казимиръ Великій. Львовъ отъ этихъ войнъ подвергся совершенному разоренію, вслѣдствіе чего Казимиръ вынужденъ былъ перенести городъ на иное мѣсто и такимъ образомъ прежній городъ превратился въ предмѣстье новаго.

Съ половины XVII столѣтія Львовъ перенесъ цѣлый рядъ нападеній. Такъ, въ 1648, 1655 годахъ городъ осаждалъ Богданъ Хмельницкій, въ 1672 году Львовъ обступили турки, и городъ вынужденъ былъ уплатить имъ контрибуцію въ 80 тыс. талеровъ, въ 1674 и 1695 гг. на Львовъ нападали турки и крымскіе татары, но получили отпоръ въ первый разъ со стороны Яна Собѣскаго, а во второй — отъ гетмана Яблоновскаго. Въ 1704 году, во время войны польскаго короля Августа II съ королемъ шведскимъ Карломъ XII, Львовъ былъ взятъ шведами, которые разрушили церкви, костелы и разграбили дома и лавки. Одно время Львовъ былъ занятъ подъ предводительствомъ генерала Кречетникова русскимъ отрядомъ, на смѣну котораго въ 1772 году явился австрійскій гарнизонъ.

Съ того времени Львовъ сталъ достояніемъ австрійской короны; австрійскія власти предприняли рядъ мѣръ, совершенно измѣнившихъ видъ города: городскіе валы, стѣны, башни были уничтожены и на ихъ мѣстѣ проведены бульвары, улицы; въ этой строительной дѣятельности не были пощажены даже памятники христіанской старины.

Въ 1870 году Львовъ, превратившійся къ этому времени въ городъ съ исключительнымъ преобладаніемъ польскаго элемента, получилъ широкое самоуправленіе и съ того времени сталъ быстро богатѣть и развиваться. Въ 1906 году населеніе Львова достигало внушительной цифры, — 178,000 человѣкъ (безъ войска).

Во Львовѣ въ настоящее время имѣются: университетъ Франца-Іосифа, политехникумъ, академіи — коммерческая и ветеринарная, семь гимназій, изъ нихъ одна русская и одна нѣмецкая, два реальныхъ училища, двѣ учительскихъ семинаріи — мужская и женская, военное училище, консерваторія, не считая цѣлаго ряда другихъ учебныхъ заведеній низшаго разряда.

Достался Львовъ русскимъ цѣлымъ и невредимымъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ:

Львовъ окруженъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями. На 15 верстъ отъ города во всѣ стороны тянутся проволочныя загражденія и волчьи ямы.

Русскимъ ясно было, что здѣсь предстоитъ битва. Когда австрійцы скрылись въ городѣ, русскіе осторожно подошли къ нему и окопались.

А между тѣмъ въ самомъ городѣ въ это время, по словамъ львовской газеты «Польское Слово», выходившей въ то время, происходило слѣдующее:

«Въ семь часовъ вечера, неизвѣстно кто, крикнулъ на Лыгаковскомъ полѣ: «Казаки идутъ!» Въ паническомъ ужасѣ толпа бросилась къ городу; паника охватила не только населеніе, но и войско. Долго до поздней ночи и даже на слѣдующій день, приводились въ порядокъ перемѣшавшіяся части войскъ. Отчасти успокоило населеніе вечернее приложеніе къ офиціальной «Газетѣ Львовской», но все сильнѣе становилось сознаніе серьезности положенія.

Въ пятницу послѣдовало офиціальное сообщеніе о боѣ между Днѣстромъ и Вислой. Подъ впечатлѣніемъ болѣе благопріятныхъ свѣдѣній городъ сталъ успокаиваться. Одна газета сообщала даже о взятіи въ плѣнъ русскаго генерала, командующаго арміей въ 15,000 солдатъ. Но плѣнные эти не прибывали, а канонада все возрастала.

Въ воскресенье вечеромъ — опять успокаивающія вѣсти, а ночью власти оставили городъ. Въ понедѣльникъ началось бѣгство населенія цѣлыми толпами. Это было безсмысленно и повлекло за собою жертвы: нѣсколько человѣкъ у вокзала были задавлены. На площади передъ вокзаломъ расположился цѣлый обозъ бѣглецовъ, которые ждали цѣлый день поѣзда и, не дождавшись и не протиснувшись даже на платформу, возвращались обратно, потерявъ въ давкѣ свои вещи.

Приближался пушечный грохотъ. Толпы поспѣшили на Высокій замокъ и Песочную гору, чтобы увидѣть

современную битву. На горизонтѣ видно было лопающіяся гранаты, разрывающуюся шрапнель; небо покрыто было дымомъ отъ горящихъ деревень и лѣсовъ. Иногда невооруженнымъ взглядомъ можно было разглядѣть огонь. Земля дрожала отъ пушечной пальбы.

Во вторникъ и среду началось отступленіе австрійскихъ войскъ. И одновременно съ ними въ городъ прибывали безконечные вагоны съ ранеными. Сердце заговорило въ толпѣ. Со всей заботливостью бросились на помощь раненымъ и изголодавшимся солдатамъ.

Когда власти потеряли голову, ихъ замѣнило населеніе. Въ частныхъ домахъ приготовляли пищу; другіе занялись доставкой ея въ лазареты; происходили трогательныя сцены...

Что дѣлалось въ госпиталяхъ тогда, когда отступленіе арміи стало очевиднымъ, это не поддается никакому описанію. Легко-раненыхъ поспѣшно отправляли на вокзалъ, а тяжело-раненые, собравъ послѣднія силы, выползали сами изъ госпиталей и пытались пробраться къ вокзалу.

Въ то же время текли къ вокзалу толпы охваченнаго страхомъ населенія. До полуночи вокзалъ оглашался невообразимымъ гамомъ, который прорѣзывали пронзительные свистки отправляющихся поѣздовъ и отдѣльные ружейные выстрѣлы. Это, вѣроятно, были остатки отступающихъ патрулей.

Около 2 часовъ ночи вокзалъ замеръ, и городъ объяла тишина. Въ это время русскіе, подошедшіе къ городу, выяснили, что во Львовѣ австрійскихъ войскъ нѣтъ. Всѣмъ казалось невѣроятнымъ, что они такой

огромный центръ сдали безъ боя. Но разъѣзды одинъ за другимъ доносили, что непріятеля впереди нѣтъ.

И вотъ 21-го августа разъѣздъ изъ офицера и четырехъ солдатъ рискнулъ войти въ городъ и пройти по нему до центральной улицы. Мирные жители толпились по тротуарамъ, а войскъ не было.

Тогда генералъ фонъ-Роде вошелъ въ городъ съ полкомъ и принялъ хлѣбъ-соль отъ вице-президента Рутковскаго[1]).

Жители были въ страхѣ. Австрійскія войска шли черезъ Львовъ пять дней и все время сѣяли слухъ, что русскіе, по приходѣ, будутъ разстрѣливать, рѣзать и грабить. Но фонъ-Роде успокоилъ населеніе особымъ приказомъ, напечатаннымъ на польскомъ языкѣ.

Австрійскія войска говорили горожанамъ, что они оставляютъ городъ на время и скоро прогонятъ русскихъ. Австрійцы, вѣроятно, вѣрили этому сами. Этимъ объясняется, что городъ сданъ безъ выстрѣла, безъ разрушенія и полнымъ богатствъ.

Жителей тоже это успокаивало. Они прощались со своими квартирами и домами на нѣсколько дней и не брали оттуда ничего: «Вернемся».

И былъ одинъ моментъ, когда львовскіе жители ждали возвращенія австрійскихъ войскъ. Битва подъ Гродекомъ (18 в. за Львовомъ) была жестокая. Австрійцы заняли вызвышенности, оставивъ намъ на пути болота и лѣсъ. Они употребили всѣ свои силы, чтобы остановить лавину русскихъ войскъ, и прорвали наше лѣвое

[1]) Президентъ — городской голова.

крыло. Уже австрійскіе авіаторы летали надъ городомъ и разбрасывали прокламаціи, что, молъ, ждите: завтра въ полдень возвращаемся. Уже на русскихъ въ Львовѣ стали смотрѣть насмѣшливо и враждебно, а русскія деньги встрѣчали при размѣнѣ заминку.

Но могучій натискъ корпуса генерала Радко Димитріева снова рѣшилъ дѣло въ пользу русскихъ. Австрійцы бѣжали, и только тогда они поняли, что потеряли Галицію безвозвратно.

Конечно, послѣ всего пережитого жизнь въ Львовѣ вышла изъ колеи и никакъ не можетъ пока войти въ нее...

Отъ вокзала почти черезъ весь городъ ведетъ широкая и длинная улица Карла-Людовика.

Это — «большая дорога». По ней бѣжали австрійскія войска и шла русская армія. И каждый день, сколько бы разъ по ней не проходить, можно видѣть одну и ту же картину. Нескончаемой вереницей тянется обозъ. Въ телѣгѣ — солдатъ или куча солдатъ съ ружьями: лошадью правитъ длинноволосый угрюмый русинъ съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ. Слышенъ однообразный, заглушающій рѣчь, грохотъ.

Соскакиваетъ на ходу съ подводы солдатъ и спрашиваетъ перваго встрѣчнаго:

— Гдѣ тутъ пекарня?

Ему указываютъ на вывѣску: «Piecarnia». Онъ бѣжитъ туда. Но пекарня заперта, а около нея большой хвостъ народа, большею частью женщинъ. Солдатъ пробуетъ зайти воротами, но и тамъ заперто. Хозяинъ пекарни забаррикадированъ.

— Отчего такъ?—удивляется солдатъ.

Онъ только что пріѣхалъ изъ-подъ Перемышля и не знаетъ, что хлѣбъ во Львовѣ — рѣдкость.

Женщины недружелюбно смотрятъ на солдата, словно онъ пришелъ отнять что-нибудь у ихъ дѣтей. Но говорятъ ему, какъ побѣдителю, мягко:

— У васъ свои пекарни, а это для жителей города..

— Да я только фунтъ, — оправдывается солдатъ. — Наши пекарни на позиціяхъ...

У дверей запертой пекарни постоянное дежурство, очередь, словно у кассы московскаго Большого театра. Люди стоятъ густой толпой на тротуарахъ, ссорятся между собой, бранятся. Никто не знаетъ ни дня, ни часа, когда откроется пекарня. Она открывается утромъ, ночью, въ полдень. Открывается только на полчаса. И люди дежурятъ ночами и днями. Постоитъ мать часа три, потомъ ее смѣняетъ дочь, а дочь смѣняетъ сынъ. Такъ и мѣняются круглыя сутки. И все-таки дождутся, что завѣтныя двери откроются, и пекарь объявитъ:

— Подходи по очереди! Не толпись!

За двадцать копеекъ каждый получаетъ хлѣбецъ (фунтъ стоитъ копеекъ 9—10) и счастливый идетъ домой. Больше одного хлѣбца одному не даютъ. Въ четверть часа расхватаютъ всѣ хлѣбцы и двери пекарни снова запираются на замокъ, снова томительное ожиданіе.

— Что за несчастье! — жалуется одинъ, — кончили продажу передо мной. Передъ носомъ дверь закрыли. Просилъ, просилъ пекаря, — не далъ. А меня дома семья ждетъ...

Городское управленіе даетъ муку частнымъ пекарнямъ и тѣ пекутъ и продаютъ жителямъ. Цѣна по-

ложена минимальная. Но у города муки мало. Продастъ пекарь хлѣбцы и ждетъ, когда ему снова пришлютъ муки. Ждетъ иногда день, два.

Сцены у пекаренъ повторяются и у дверей молочныхъ, гдѣ городъ продаетъ молоко, сахаръ, соль. Все, конечно, въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Напримѣръ, не болѣе полуфунта сахару на семью. Покупатели уже сами зорко слѣдятъ, чтобы въ очереди не стояли по два члена семьи.

Такъ въ завоеванномъ городѣ передъ лицомъ нужды сравнены богатые и бѣдные. Крестьянское населеніе, питавшее Львовъ, совершенно разорено. Оно бродитъ голодными толпами около нашихъ интендантскихъ пекаренъ и Христомъ Богомъ умоляетъ дать кусокъ хлѣба.

Громадный, цвѣтущій, полный богатствъ городъ не имѣетъ предметовъ, которые въ мирное время стоятъ дешевле всего. Въ Галиціи собственныя соляныя копи и соль въ обычное время здѣсь дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Но копи въ огнѣ войны и подвозъ соли теперь невозможенъ.

Львовскіе «бѣдняки»,—это не тѣ нищіе, которыхъ мы привыкли видѣть на улицахъ городовъ. Конечно, между ними есть и такіе, но многіе изъ нихъ до войны имѣли громадныя деньги въ банкахъ. Еще передъ занятіемъ города русскими вклады выдавались въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и все время сѣялся слухъ, что русскихъ «ни за что не пустятъ» во Львовъ, а офиціальныя телеграммы говорили только о побѣдахъ австрійцевъ. Когда же русскіе подошли къ городу, банки внезапно уѣхали и увезли съ собой деньги.

Чиновники и семьи чиновниковъ, ограбленные вкладчики банковъ и дѣйствительная городская голь образовали огромную армію нуждающихся въ простомъ кускѣ хлѣба.

Эта армія бросилась въ городское управленіе:

— Дайте хлѣба!

Въ ратушѣ, въ длинныхъ казарменныхъ коридорахъ ея и просторныхъ залахъ можно видѣть какъ изящные котелки, модныя шляпки и засаленный еврейскій картузъ стоятъ вмѣстѣ и умоляютъ президента:

— Накормите!

Женщины приводятъ дѣтей и плачутъ вмѣстѣ съ ними. А управленіе не знаетъ, какъ потушить это городское горе. Его деньги и цѣнныя бумаги также увезены банками въ Вѣну. У него на рукахъ семьи австрійскихъ солдатъ.

Къ счастью, о продовольствіи города позаботилась русская власть. Былъ разрѣшенъ пропускъ по желѣзной дорогѣ нѣсколькихъ вагоновъ въ день съ предметами первой необходимости. Львовскіе жители стали ѣсть русскую муку. Пекарни еще мало удовлетворяютъ нужду, но съ каждымъ днемъ припасовъ становится все больше и больше.

Изъ Россіи ѣдутъ обозы. Матушка Русь идетъ на помощь своей новой дочери...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Подъ огнемъ.

Стран.

I. Въ походъ! 11
II. Въ окопахъ и въ бою 25
III. Послѣ сраженія 45
IV. У походной кухни 52

Наши герои.

I. Герой Львова 67
II. Геройская смерть Нестерова 72
III. Подвигъ поручика Парта 79
IV. Незамѣтные герои 81
V. Женщины-герои 87

Подъ „Краснымъ Крестомъ".

I. Первые раненые 95
II. Съ санитарнымъ поѣздомъ 100
III. Забытые госпитали 109
IV. Сестра Царя 116
V. Среди плѣнныхъ 124

Въ завоеванномъ краю.

I. Въ восточной Пруссіи 141
II. Въ поѣздѣ по Галиціи 147
III. Львовъ 158

ГОГОЛЬ Н. В.

Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ редакціей **П. В. Смирновскаго,** съ составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Гоголя, съ его портретомъ и 240 оригинальными рисунками: **К. О. Брожа, А. А. Чикина, М. Т. Михайлова и др.** съ 28 снимками фотографа Шапиро съ артиста Андреева-Бурлака, исполнявшаго «Записки сумасшедшаго».

Цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ — 2 руб. 25 коп.

КРЫШКА — коленкоровая на полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя 50 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв., за № 5916, **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ПУШКИНЪ А. С.

Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ, подъ редакціей **П. В. Смирновскаго,** съ портретомъ Пушкина, его біографіей, факсимиле и видомъ памятника.

Рисунки художниковъ **М. Михайлова и В. Спасскаго.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.; въ коленкоровомъ переплетѣ — 2 руб. 25 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. отъ 14 іюля 1905 г., за № 8268, **допущено** въ безплатныя читальни и библіотеки.

ЛЕРМОНТОВЪ М. Ю.

Полное собраніе сочиненій подъ редакціей **П. В. Смирновскаго,** съ составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Лермонтова, съ его портретомъ, съ оригинальными рисунками **А. А. Чикина** и другихъ. Цѣна 1 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб. 60 коп.

ЖУКОВСКІЙ В. А.

Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ подъ редакціей **П. В. Смирновскаго,** съ факсимиле В. А. Жуковскаго, съ портретомъ и біографіей, составленной **А. Фонъ-Дитмаръ** и одобренной сыномъ поэта. Рисунки художника **А. Чикина.** Цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ — 2 руб. 25 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. отъ 18 февраля 1902 г., за № 5916, **допущено** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО.

Даніель Дефо.

Переводъ съ французскаго съ 100 рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ папкѣ — 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ перепл. — 2 руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ „ЖИЗНЬ СРЕДИ УНИЖЕННЫХЪ".

Г. Бичеръ-Стоу.

Иллюстрированное изданіе съ біографіей автора. Переводъ съ англійскаго, съ сокращеніями, Е. Тарасовой. Цѣна 1 руб., въ папкѣ — 1 руб. 25 коп., въ коленк. перепл. — 1 руб. 75 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ.

М. Сервантесъ.

Въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ автора и 75 рисунками въ текстѣ Г. Доре. Цѣна за оба тома 3 руб., въ переплетѣ — 4 руб. 50 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **признана** заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ВЕСЕЛЫЯ КАНИКУЛЫ.

М. Качевская.

Научно-беллетристическій очеркъ для дѣтей средняго возраста. Съ 15 картинами и 10 рисунками въ текстѣ художника В. В. Спасскаго. Цѣна въ папкѣ — 1 руб. 75 коп.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ТОМА.

М. Твенъ.

Переводъ А. Маслова. Съ рисунками. Цѣна 1 руб., въ папкѣ — 1 руб. 20 коп.; въ коленк. переплетѣ — 1 руб. 60 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ПРИНЦЪ И НИЩІЙ.

М. Твенъ.

Историческая повѣсть для юношества. Переводъ А. Маслова. Съ рисунками. Цѣна 1 руб., въ папкѣ — 1 руб. 20 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ — 1 руб. 60 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Цѣна 75 коп., въ папкѣ — 1 руб.